

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

1/2015
(№ 90)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 5 **М. А. Казаков, Е. С. Левина.** Гуманитарная безопасность в дискурсе теории безопасности, политологии и политической регионалистики России
- 18 **О. В. Цветкова.** Политические и территориальные принципы проведения политико-административных границ
- 27 **А. С. Солдатова.** Проблемы коммуникаций участников сферы политико-публичных отношений регионального пространства
- 38 **М. Р. Касумова.** Дагестанская составляющая приграничного сотрудничества России
- 45 **В. П. Бабинцев, Е. В. Реутов, В. А. Сапрыка.** Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества

Экономика региона

- 57 **И. А. Сёмина.** Развитие транспортной инфраструктуры г. Саранска при реализации столичных функций
- 67 **Н. А. Мамедова, А. О. Лесовая.** Пути развития межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье»
- 75 **Н. Г. Подзоров.** Статистическая оценка уровня продовольственной безопасности регионов
- 81 **В. А. Шибайкин, Е. И. Нельга.** Оценка вероятности банкротства предприятий сельского хозяйства
- 88 **В. М. Кицис, А. М. Сёмушев.** Брэндинг и позиционирование товара и компании на региональном рынке
- 100 **Н. О. Колчина.** Маркетинговая активность участников светотехнического рынка

Редколлегия:

С. М. ВДОВИН
(главный редактор)
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
В. П. БАБИНЦЕВ
В. И. ГРИШИН
А. В. ДАХИН
П. В. ДРУЖИНИН
А. Н. ЕРШОВ
В. В. ИЛЬИН
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
А. КЕРЕЖИ
В. А. КОВАЛЕВ
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
В. В. МАРЕСЬЕВ
А. И. СУХАРЕВ
Ж. СИМАНВИЧЕНЕ
Э. К. ХАРАЦИДИС

Экспертный совет:

И. В. БАХЛОВ
О. А. БОГАТОВА
Н. И. ВОРОНИНА
Н. Д. ГУСЬКОВА
Д. В. ДОЛЕНКО
Ю. А. ЕЛИСЕЕВА
Е. А. НЕРЕТИНА
В. А. ПИСАЧКИН
С. В. ПОЛУТИН
И. Л. СИРОТИНА
И. М. ФАДЕЕВА

**Региональные проблемы
науки и образования**

- 107 Д. Ю. Лапыгин. Интеграция образования и науки как фактор стратегического развития региона
- 114 Ж. В. Чашина. Роль исторического знания и его реализация в научно-образовательной деятельности региона
- 119 Н. А. Догорова. Специфика культурно-просветительной работы в Мордовии (1920—1930-е гг.)

Социология региона

- 127 З. Х.-М. Саралиева, Д. А. Софронов. Роль интернет-ресурсов при трудоустройстве студентов
- 134 Г. Ф. Зинатуллина. Конвертация социального капитала сельской семьи региона
- 143 Н. Н. Сивиркина. Основные параметры занятости в сельском хозяйстве региона
- 150 Р. Р. Агишев, Е. А. Абрамова. Насилие в отношении несовершеннолетних в школах и семьях г. Саранска
- 158 Н. В. Шумкова. Трансформация субкультурного пространства современного провинциального города

**Региональная история
и историография**

- 165 Е. В. Павлов, О. В. Лазарева. Развитие инфраструктуры и территориальная организация малых городов региона второй половины 60-х — середины 70-х гг. XX в.

Философия в регионе

- 174 А. С. Печаткин. Виды эколого-правовых принципов: социально-философский подход

Провинциальная культура

- 181 В. И. Дёмин. Первые письменные памятники народов Поволжского региона

REGIONOLOGY

**Scientific
and Socio-Political
Journal**

Founder:

Federal State-Funded
Educational Institution
of Higher Professional
Education "Ogarev Mordovia
State University"

The journal has been
published since October 1992

The journal is
published quarterly

CONTENTS**Political Space of a Region
and Territorial Administration**

- 5 M. A. Kazakov, E. S. Levina. Human Security in the Discourse of Security Theory, Political Science, and Russian Political Regionalistics
- 18 O. V. Tsvetkova. Political and Territorial Principles of Drawing Political and Administrative Boundaries
- 27 A. S. Soldatova. Issues of Communication of Participants of Political and Public Relations in a Regional Space
- 38 M. R. Kasumova. Dagestan's Component of Russia's Near-Border Cooperation
- 45 V. P. Babintsev, E. V. Reutov, V. A. Sapryka. Political and Cultural Delimitation of the Near-Border Regions of Russia and Ukraine in Estimates by the Expert Community

Economy of a Region

- 57 I. A. Semina. Development of Saransk Transport Infrastructure in Implementation of its Functions of a Capital City
- 67 N. A. Mamedova, A. O. Lesovaya. Ways of Development of the Interregional Association of Economic Interaction of Subjects of the Russian Federation «Far East and Transbaikalia»
- 75 N. G. Podzorov. Statistical Estimation of the Level of Food Security of Regions
- 81 V. A. Shibaikin, E. I. Nelga. Assessment of Probability of Bankruptcy of Agricultural Enterprises
- 88 V. M. Kitsis, A. M. Semushev. Branding and Product and Company Positioning in a Regional Market
- 100 N. O. Kolchina. Marketing Activity of Participants of the Lighting Market

**Regional Issues of Science
and Education**

- 107 D. Yu. Lapygin. Integration of Education and Science as a Factor of Strategic Development of a Region
- 114 Zh. V. Chashina. Role of Historical Knowledge and its Actualization in the Scientific and Educational Activity of a Region

**1/2015
(№ 90)**

Editorial board:

S. M. VDOVIN
(Editor-in-chief)
N. M. ARSENTIEV
V. P. BABINTSEV
V. I. GRISHIN
A. V. DAKHIN
P. V. DRUZHININ
A. N. ERSHOV
V. V. ILYIN
L. V. KALACHINA
(Executive secretary)
B. F. KEVBRIN
A. KEREZHI
V. A. KOVALEV
V. V. KOZIN
(Deputy editor-in-chief)
V. V. KONAKOV
V. V. MARESEV
A. I. SUKHAREV
Z. SIMANAVICHENE
E. K. CHARATSIDIS

Expert board:

I. V. BAKHLOV
O. A. BOGATOVA
N. I. VORONINA
N. D. GUSKOVA
D. V. DOLENKO
Yu. A. ELISEEVA
E. A. NERETINA
V. A. PISACHKIN
S. V. POLUTIN
I. L. SIROTINA
I. M. FADEEVA

- 119 **N. A. Dogorova.** Specificity of Cultural and Educational Work in Mordovia (1920's—1930's)

Sociology of a Region

- 127 **Z. H.-M. Saraliev, D. A. Sofronov.** Role of Internet Resources in Student Employment
- 134 **G. F. Zinatullina.** Conversion of Social Capital of a Rural Family in a Region
- 143 **N. N. Sivirkina.** Basic Parameters of Employment in Agriculture of a Region
- 150 **R. R. Agishev, E. A. Abramova.** Violence Against Minors in Schools and Families in the City of Saransk
- 158 **N. V. Shumkova.** Transformation of the Subcultural Space of a Modern Provincial Town

Regional History and Historiography

- 165 **E. V. Pavlov, O. V. Lazareva.** Infrastructure Development and Territorial Organization of Towns in a Region in the Second Half of 1960's — mid-1970's

Philosophy in a Region

- 174 **A. S. Pechatkin.** Types of Environmental and Legal Principles: a Socio-Philosophical Approach

Provincial Culture

- 181 **V. I. Demin.** The First Written Artifacts of the Volga Region Peoples

М. А. КАЗАКОВ, Е. С. ЛЕВИНА
**ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ДИСКУРСЕ ТЕОРИИ
БЕЗОПАСНОСТИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РЕГИОНАЛИСТИКИ РОССИИ**

Ключевые слова: безопасность, гуманитарная безопасность, национальная безопасность, человек, человечество, цивилизация, русский мир, элита

Key words: security, human security, national security, human being, humanity, civilization, Russian world, elite

В статье выделяются основные теоретико-методологические направления анализа гуманитарной безопасности, актуальность и значимость ее организации для современной России. На основе комплексного анализа с использованием источников, трудов зарубежных и отечественных исследователей политико-гуманитарной проблематики в новых ракурсах рассматриваются общие черты понятия «гуманитарная безопасность».

The paper highlights the main theoretical and methodological approaches to the analysis of human security, relevance and importance of its organization in modern Russia. On the basis of an integrated analysis using sources and works by foreign and Russian researchers of political and humanitarian problems, common features of the concept of «human security» are considered in new perspectives.

Безопасность — одна из главных потребностей человечества. Ее удовлетворение «есть деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества народов по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз, способных их погубить, лишить материальных и духовных ценностей, нанести непри-

КАЗАКОВ Михаил Анатольевич, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета, доктор политических наук.

ЛЕВИНА Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета.

KAZAKOV Mikhail Anatolievich, Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Applied Political Analysis and Modeling, Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

LEVINA Ekaterina Sergeyevna, Postgraduate at the Department of Applied Political Analysis and Modeling, Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

емлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития»¹. Переходя из столетия в столетие и становясь по мере развития все более сложной многоуровневой функциональной системой, безопасность «наращивает» свое место в сфере научного познания и практического осуществления.

Одним из сравнительно новых подходов современной науки о безопасности является обеспечение личностной безопасности (human security)². Это закономерный процесс, начавшийся с признания международным сообществом (под эгидой ООН в 90-е гг. XX в.) важности принятия особых мер для защиты не только государств, но и конкретных людей от угроз их безопасности. Российский термин, адекватно передающий смысл этой концепции, зиждется на смыслообразующем слове «гуманитарный», т. е. *человеко-ориентированный*. Опираясь на терминологию доклада «Программы ООН по развитию» 1994 г., мы выделим несколько составляющих *гуманитарной безопасности* (ГБ), каждая из которых обладает спецификой по отношению к человеку: экономическая и экологическая безопасность; продовольственная безопасность; медицинская безопасность; безопасность личности (от таких угроз, как пытки, войны, преступления, наркотики, суициды и даже ДТП); безопасность сообществ, включающая сохранение традиционных культур, этнических групп и политическую безопасность (гражданские права и свободы, отсутствие политического угнетения)³.

Человеко-ориентированность безопасности, являясь критерием и логикой развития каждого ее компонента, связывает их в сложный проблемный комплекс, обладающий в теории набором отличительных черт, а на практике эластичностью мер сотрудничества, достижение целей которого позволяет людям адаптироваться к переменам. Следовательно, чтобы раскрыть понятие ГБ во внутривнутриполитическом формате необходим анализ его становления, по крайней мере, в указанном дискурсе по логике от «общего к особенному». Следует иметь в виду, что связь и соотношение названных уровней и видов ГБ в условиях кризисной неопределенности должны обладать признаками идейной платформы и программы действий, удобной для международного и внутристранового применения.

Мы отдаем себе отчет в том, что, являясь новой концепцией, ГБ интерпретируется обществоведами, политиками, экспертами по-разному. В социально-философской мысли безопасность — это «состояние, когда народ (государство) может суверенно, без вмешательства и давления извне свободно избирать и осуществлять свою стратегию социального, экономического и политического, развития»⁴. В данном случае термин «стратегия», по нашему мнению, несет необходимость гармонизации трех пространств: прошлого, настоящего и будущего.

Безопасность издревле прослеживалась в учениях, по-разному оценивающих отношения личности и власти. Еще Конфуций разработал патерналистскую концепцию государства, безопасность которого покоится на безропотном подчинении старшим и прежде всего монарху, призванному заботиться о благе народа. Платон был сторонником единой, обязательной для всех религии как оплота безопасности. По Аристотелю, высшая цель — достижение добродетельной жизни: «государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования»⁵.

Представление о безопасности как пределе философской деятельности занимает центральное место в учении Эпикура. Он связывал наслаждение с отсутствием опасности, тревоги, где безопасность — высшее благо, критерий наибольшего удовольствия. Она обеспечивается безмятежностью и безтревожностью души, разумным и осмотрительным поведением, направленным на решение земных задач, доступных для смертного: «Бесполезно добиваться безопасности меж людей, если сохраняются опасения... Безопасность от людей до некоторой степени достигается с помощью богатства и силы, на которую можно опереться, вполне же — только с помощью покоя и удаления от толпы»⁶. Таким образом, первичной методологической основой для решения проблем ГБ являются социально-философские концепции о сути человека и его безопасности.

Из работ Т. Гоббса мы узнаем о человеке как существе, жаждущем власти. Р. Декарт и Г. Лейбниц писали об основополагающем для человеческой жизни «стремлении к господству». Эти мотивы свидетельствуют о том, что западный человек понимает себя как расчетливое животное,

«понуждаемое к господству над всеми другими сущими ради обретения мощи и безопасности»⁷. В связи с этим отметим, что забота о безопасности — оборотная сторона западной «воли к мощи», полагающей систему ценностей как защиту от всего, что нарушает устойчивость социума. Двигаясь по этому пути, Ф. Ницше понял, что «жить опасно» и абсолютная безопасность в принципе не достижима. Западная стратегия «обеспечения безопасности» проистекает из стремления защитить от уничтожения то «внутримирское сущее», которое несет в себе «зародыш прехождения и гибели» и само по себе является эфемерным, конечным⁸.

В этом контексте решение вопроса о ГБ в разных странах должно затрагивать не только условия существования человека как биологического вида, качества жизни людей и общества, но и человека как существа, сформированного определенным типом культуры, цивилизации (цивилизационными типами власти, наконец), т. е. как личности. Постигая это методологическое основание, исследователь сталкивается не с меньшими, как в первом случае, трудностями, где на помощь приходят конкретные концепции о сущности человека, его генезисе, структуре и организации. Здесь же, о чем образно писали поэты и писатели от А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя до Н. А. Заболоцкого и З. Прилепина, человеку открываются не столько физические, социокультурные, сколько метафизические просторы и глубины. Человек обретает способность творить собственный мир по своим ценностно-смысловым основаниям.

Этот мир обычно не рассматривается в концепциях государства, не принимающих во внимание ценностное бытие народа. Хронологически оно не всегда совпадает с реальным социальным временем, характеризующимся «продолжительностью жизни коллективных субъектов». Поэтому и «есть народы, особенно с тысячелетним прошлым, которые и сегодня продолжают жить своим прошлым, дышать в основном своим же животворным вечным наследием. Другие народы, особенно те, у кого короткая история, скажем, североамериканцы, напротив, живут своим настоящим — им ближе и дороже всего то, что происходит с ними сейчас, здесь, сию минуту. Ну и встречаются случаи, когда массу людей не устраивает ни их настоящее, ни их прошлое. Тогда им не остается ничего другого, как жить только будущим.

Таковы, по-видимому, мы, русские»⁹. Руководствующиеся о себе и времени часто «с подачи» общественных деятелей или «субъектов жизненного выбора»¹⁰.

Эти наблюдения лишней раз возвращают нас к распаду СССР, формированию российской идентичности, пересекающейся по времени с натиском глобализации, существенно сказавшейся на национальной безопасности, вызову к унификации национальных традиций и ценностей¹¹. Это позволяет говорить не только о материальных, но и о метафизических угрозах россиянину. Они блокируют ему выход уже не только к онтологической вертикали как глубинам мироздания, но и к профессиональному его деятельности как восхождению в позицию Мастера. Именно поэтому в преодолении рождаются новые смыслы, многообразие миров человека, когда каждый его цивилизационный тип творит свою квинтэссенцию порядка. Почему уместен, закономерен и Русский мир, и Русский человек со своим словом и делом.

Важным является понимание того, что ГБ — это не «безопасность личности», не «безопасность народов». В равной мере относясь к этим уровням (индивид — личность — группа — коллектив — общество), она связана с условиями их существования, в которых удовлетворяются основные материальные и духовные потребности, продуцирующие защиту человеческого достоинства, саму возможность выбора и общественно-политического участия, исключаящие обеспечение ГБ за счет других групп как во внутри-, так и во внешнеполитической деятельности.

Как неким ее прототипом, отвечающим вызовам безопасности и личности человеческого сообщества, можно признать заключение в 1648 г. Вестфальского мира. Он регулировал вопросы региональной безопасности и предстал первым правовым актом в истории международных отношений. В последующих важных документах (от «Билля о правах» 1689 г. до «Деклараций о независимости» 1776 г.) после 1989 г. интересы государства всегда превалировали над интересами личности, и любая национальная концепция была направлена на безопасность государства в целом, а не на интересы общества, усилиями которого реализовывалась.

Анализ различных практик, усугубленных теориями и вызовами разной природы, подчеркивает принципиальность обращения к исследованию нормативно-правовой базы обе-

спечения ГБ и конкретных угроз российскому обществу и человеку, которые формируются в современном культурном пространстве страны и мира. В Российской Федерации основой обеспечения безопасности стал документ утвержденный Указом Президента России от 5 марта 1992 г. — Закон Российской Федерации «О безопасности». Согласно ст. 1, под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важными интересами при этом признаются совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства, связанных с поддержанием всеобщего мира¹².

Из этого следует, что интересы государства, личности и общества стоят на одной ступени, и ни одно из них не превалирует над другим. Тем самым Россия зафиксировала «складывание» нового концептуального подхода к проблеме безопасности, созвучного Программам развития ООН 90-х гг. XX в. Они постулировали, что развитие должно быть нацелено на людей, а не на безопасность национальных границ, на развитие здравоохранения, образования и политической свободы в дополнение к экономическому благосостоянию. Чуть ранее это нашло отражение в концепции «мировой системы», где впервые упоминается о личной безопасности и о физической безопасности отдельного индивида.

В Конституции Российской Федерации 1993 г., которой предшествовали бурные дискуссии, уже видны характерные сдвиги, направленные непосредственно на гуманитарный аспект. Очевидно, существуют угрозы, несущие более разрушительные действия, нежели военные (например, демографические, природные и экологические катастрофы). В ст. 55, 71 Конституции России говорится непосредственно о безопасности государства, о том, что в ведении России находятся оборона и безопасность, ст. 13 — об угрозе безопасности государства за счет создания объединений, направленных на подрыв государственности, нарушение Конституции, в ст. 37 — о безопасности труда. Ст. 72 гласит о том, что в ведении РФ находится общественная и экологическая безопасность, что свидетельствует — безопасность границ и государства, безусловно, приоритетны, но наполнение термина уже выходит за их рамки.

Результаты исследования «Статистика знает все», проведенного в 2001 г., показывают, что безопасность среди других категорий стоит у людей на первом месте, на втором — мир. Из результатов исследования, проведенного фондом «Общественное мнение» в том же году, также следует: понятия «достаток», «безопасность» и «закон» являются самыми приоритетными для респондентов¹³.

Спустя пять лет мы вновь обратились к этой теме, но уже по материалам исследований, проведенных ВЦИОМ. Обращает на себя внимание, что каждый четвертый опрошенный (24 %) указал, что за последние 2—3 года сталкивался (сам или его окружающее) с ситуациями угрозы личной безопасности. Причем некоторые респонденты отмечали, что им не раз приходилось сталкиваться с подобными ситуациями — частота попадания в реестр экстремальных ситуаций по ответам респондентов составила 45 % (такова сумма ответов, где указаны схожие ситуации). В то же время большинство опрошенных (75 %) отметили, что им не приходилось сталкиваться с угрозами собственной безопасности и безопасности их близких. Судя по всему, ситуация (на тот момент) не изменилась¹⁴, но гуманитарные проблемы безопасности волнуют многих.

Принципиально новые идеи и концептуально-методологическое значение несет Указ Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» № 537, упорядочивающий деятельность по ее обеспечению на основе конкуренции. В нем (по сравнению со стратегиями 1997 и 2000 гг., утратившими силу) на первый план выходит национальная оборона, государственная и общественная безопасность. Анализ текста наводит на мысль о том, что эти два понятия практически «приравнены», более того, взаимозависимы друг от друга (в том, что национальная безопасность опирается на интересы общества и личности) и являются залогом устойчивого развития страны, о чем говорится уже в первом пункте документа.

Россия, выступая в качестве гаранта от угроз и рисков для развития личности, задает гуманитарному смыслу безопасности «модус быть». «Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского

государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа РФ, уважения семейных традиций, патриотизма»¹⁵. Эти цели, идеалы, ценности являются залогом безопасного развития общества и формируют гуманитарное знание у подрастающего поколения. Как отмечается в Стратегии, обеспечение национальной безопасности — это обеспечение ее безопасности во всех сферах, включая и выделяя гуманитарную с акцентом на социализацию.

В разделе Стратегии «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития» в пункте 20 отмечается, дабы предотвратить угрозы национальной безопасности необходимо обеспечить в первую очередь социальную стабильность, реализовать базовые права человека, в том числе на безопасность. В следующем разделе «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные интересы» в п. 24 обозначено, что приоритетом развития России в сфере национальной безопасности является сосредоточение ресурсов на повышении качества жизни россиян путем гарантирования личной безопасности, высоких стандартов жизнеобеспечения. В п. 38 определяется, что безопасность не просто личности, а прежде всего детей и подростков, является приоритетной целью государства¹⁶.

Особое внимание уделяется тому, что обеспечение общественной безопасности достигается путем повышения качества жизни российских граждан теми ее институтами, что определяют развитие личности. Естественно, безопасность зависит не от борьбы с кем-либо, а от полноценного диалога и единства народа, от понимания им взаимосвязи личностной и государственной безопасности. Таким образом, Стратегия определила ряд приоритетных для государства задач в области национальной безопасности и одной из главных обозначила *безопасность личности и общества* как залог успешного развития страны. Это лишь стимулирует анализ тех вызовов, что формируются в ее культурном пространстве, и угроз, исходящих из внешней среды последних лет.

В первом случае характер вызовов связан с когнитивной сферой личности — лидеров и граждан (наличием у них «операциональных кодов», определенных когнитивных и «инструментальных» способностей); процессами, механизмами культурного и политического самоопределения, самооргани-

зации элит и социальных групп, их связей и взаимодействия. Особую озабоченность вызывает рост бюрократии и усиление влияния олигархических групп.

Все это изучается политологией, в рамках которой развивается политическая регионалистика, чьей основной парадигмой стало исследование элит субъектов Российской Федерации. В частности, самоопределение здесь характеризуется как когнитивный процесс, в ходе которого субъект не только осваивает основные процедуры восприятия и мышления, но и нарабатывает комплекс знаний и ценностей, соответствующий потребностям легитимации. Процесс самоорганизации (на примере элит регионов), в основании которого лежат смысловые системы и особый статус правящих на местах групп, позволяет принимать им существенные в масштабах территории решения и формировать спектр внешних и внутренних отношений. В модели их интерактивности сохраняется упор на стабильность общественно-правовых взаимодействий и становление новых видов консолидации как «внутри себя», так и в общегосударственном масштабе¹⁷.

Во втором случае, как было отмечено на встрече министров иностранных дел «Большой восьмерки» в июне 1999 г., они «настроены бороться с множеством угроз human security»¹⁸ в сфере международных отношений. Безопасность в данном случае является как предметом политической истории и истории международных отношений, так и политологии, изучающей неинституциональные аспекты политической жизни (теории политической культуры, политической идеологии, международной политики). Такое структурное понимание отечественной политической науки позволяет увидеть возможности постоянного расширения теоретических представлений о ГБ, а также зафиксировать присущие им концептуальные подходы к изучению современных вызовов и угроз России.

Важно то, что прежние дисфункции, бинарные оппозиции уступают место изучению инструментов, механизмов и процедур, направленных на решение комплексных разнородных задач в глобальном, общественном и локальном измерении. Из него следует, что сохранение отечественной культуры как знаково-символической и ценностно-смысловой среды формирования и развития российских граждан, их политических лидеров и элит — общезначимое дело.

Но принципиальной и актуальной здесь является «защита самой антропологической парадигмы, характерной для отечественной истории, культуры и цивилизации, конкретных исторических форм ее воплощения»¹⁹ и воспроизводства. Проблема в том, на что она ориентирована — на прошлое или будущее? Этот вопрос проистекает из того, что глубокие информационные и трансформационные изменения вызвали к жизни новые типы отношений, проблемы и угрозы, что «в купе» поставили разные по статусу страны перед необходимостью выработки своих подходов к инновационным процессам.

Из анализа научной литературы можно заключить, что традиции — инновации — институты — это концептуальная схема, помогающая понять инновационные процессы в контексте тех традиций, которые уже существуют в культуре и обществе, и в сфере их социального признания в качестве базы для осуществления инноваций в системе жизнеобеспечения людей. Эта схема, с одной стороны, позволяет избежать противопоставления традиций и инноваций, трансформации последних в нечто чуждое традициям, с другой — делает возможным осмысление процессов превращения инноваций в социально-признанные нормы и ценности, т. е. институции, формирующиеся в ходе совместных социальных действий и коммуникаций между людьми и со временем становящиеся традицией.

Современная политика, исходящая из приоритета инноваций, должна учитывать эти две «стороны медали» для того, чтобы не лишать их и преемственной связи с культурой прошлого, и полнокровной связи с будущим, с той структурой перспектив, которая складывается благодаря потоку инноваций и его рефлексии. В свою очередь редукционизм и моноцентризм в их обновленных (евро- и американоцентристских) моделях как методология в современных политических практиках становятся однополярной парадигмой глобализации при диктате США. О чем ее правящая элита, не скрывая, ранее заявляла в своих программных документах, а ныне с любой подходящей площадки (вплоть до Украины), служащих поводом и информационным прикрытием военной интервенции Запада по отношению к «неправильным» государствам. Именно их США, причем «чужими руками», стремится оставить в прошлом.

В этих условиях знание механизмов указанных процессов становится защитой антропологической матрицы России, формирующей общую методологию безопасности существования Человека. Именно в сфере культурно-исторической преемственности, идентичности и саморазвития разворачивается сейчас самая острая идейно-политическая борьба. Поэтому перед каждым разумным россиянином, обществом, его политической и интеллектуальной элитой стоит ряд задач, вытекающих из цели сохранения единства прошлого и настоящего России и ее самой в качестве исторического, культурного и цивилизационного субъекта.

Для этого, на наш взгляд, необходимо срочно разработать и предложить социуму отечественную концепцию ГБ в широком контексте общественного развития страны. Следует в полной мере «осознать обоснованные предложения по изменению сложившейся системы национальных интересов, реально перенести в ней акцент с государства на человека как главную цель развития общества и государства, проанализировать влияние новых характеристик международной среды на социальные отношения и внутреннюю политику, факты возросшего значения несиловых составляющих *национальной безопасности*»²⁰.

За прошедшие десятилетия национальная безопасность сильно эволюционировала, обрела гуманитарный смысл, необходимость в котором обозначило само российское общество. Безопасность может быть ныне определена как «сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для Всех»²¹.

Личность была и остается первичным субъектом политики. Обеспечение ее безопасности стоит не ниже и не выше иных уровней безопасности как системы связей и отношений, характеризующих такое их состояние, при котором личность — эталон безопасности; общество, концентрирующее интересы народа, обеспечивает сохранение и выживание

государства, а оно призвано делать то необходимое, с чем общество не справляется по своей природе.

Таким образом, ГБ России — это комплексная способность личности, общества и государства защитить себя от физических и метафизических угроз своему существованию, складывающаяся в противоречивом поиске партнеров своей организации, разделяющих цивилизационные, культурно-исторические, антропологические парадигмы России в современном мире, а также условия существования, самореализации человека в сферах его взаимоотношений и жизнедеятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Балугев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2004. 47 с.

² См.: Казаков М.А. Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики современной России // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: Социальные науки. Н. Новгород, 2013. № 1. С. 22—27.

³ См.: Социология: энцикл. / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. М., 2003. С. 22.

⁴ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 94.

⁵ Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. Кн. X. 452 с.

⁶ Цит. по: Циммерман М. Хайдеггер, буддизм и глубинная экология // Мартин Хайдеггер: сб. ст. СПб., 2004. С. 143.

⁷ Водолагин А.В. Ценностное сознание и философия безопасности // Нац. безопасность. 2009. № 2. С. 7.

⁸ См.: Капустин М.П. КОНЕЦ УТОПИИ? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. 594 с.

⁹ Резник Ю.М. Жизненный выбор человека: сущность и стратегии реализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 3. № 73—74. С. 20.

¹⁰ Теория международных отношений: учеб. пособие: в 2 т. Н. Новгород, 2004. Т. 1. С. 126.

¹¹ См.: Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1. URL:<http://base.garant.ru/10136200> (дата обращения: 11.12.2014).

¹² См.: Новопрудский С. Иду на «я» // Известия. 2001. 16 нояб.

¹³ См.: Мнения. Библиотека. Хроника. URL: <http://prigovor.ru/info/37472.html> (дата обращения: 09.12.2014).

¹⁴ См.: «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL:<http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 09.12.2014).

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России. Н. Новгород, 2004. 332 с.

¹⁷ См.: Балугев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение. Н. Новгород, 2004. С. 75—76.

¹⁸ Маслова М.В. Гуманитарная безопасность России в современных условиях: к вопросу социально-философской методологии исследования // Власть. 2011. № 11. С. 12—15.

¹⁹ См.: Казаков М.А., Лемкина Е.С., Савельева И.В. Гуманитарная перспектива национальных интересов // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: Социальные науки. 2011. № 4. С. 24—29.

²⁰ Кузнецов В.Н. Социология безопасности: учеб. пособие. М., 2007. С. 27.

²¹ Там же. С. 253.

Поступила 23.12.2014.

M. A. Kazakov, E. S. Levina. Human Security in the Discourse of Security Theory, Political Science, and Russian Political Regionalistics

The paper discusses development of the category of “human security”, its origins, backgrounds and basic features. Basic characteristics of this concept are revealed; its essential aspect of human orientation is specified. It is determined that the primary methodological bases in cognition of the phenomenon of human security are the socio-philosophical conceptions of the human nature and security. The authors state that human security is connected with conditions of existence of an individual, which satisfy the basic material and spiritual needs producing protection of human dignity and the very possibility of socio-political participation excluding provision of human security at the expense of other groups both in the internal and external dimensions.

Attention is drawn to the sort of fundamentally new ideas as well as the conceptual and methodological significance that the basic documents regulating activities providing national security and its variations carry. Special importance is attached to personal security, which is equivalent to security of a state and is a model component of national security.

Human security of the Russian Federation is a complex ability of a person, of the society and the state to protect themselves from physical and metaphysical threats to their existence, emerging now in a contradictory search for their partners sharing both civilizational, cultural, historical, and anthropological paradigms of Russia in the modern world, and conditions of existence, of self-fulfillment of a person in their relationships and vital activities.

О. В. ЦВЕТКОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ

Ключевые слова: политико-административная граница, политическое пространство, политико-территориальная структура, легитимация границ, делимитация, демаркация

Key words: political and administrative boundary, political space, political and territorial structure, legitimation of boundaries, delimitation, demarcation

Рассматриваются политические и территориальные принципы проведения политико-административных границ. Особое внимание уделяется политическим принципам обоснования границ во внутристрановом измерении. Исследуются территориальные принципы проведения и обоснования границ, связанные с этническими и этнокультурными факторами.

Political and territorial principles of drawing political and administrative boundaries are discussed. Special attention is paid to political principles of grounding boundaries in the domestic dimension. The territorial principles of drawing and justification of boundaries associated with ethnic and ethnocultural factors are examined.

Важным элементом пространства являются границы, отделяющие его от других пространств. В настоящее время активно исследуются вопросы влияния новых государственных границ на некогда единое экономическое, политическое пространство и границ в целом — на формирование интегрированных пространств. Эта проблема сводится к соотношению однородности и различий (континуальности и дискретности) в динамике мирового пространства, в ко-

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета, кандидат политических наук.

TSVETKOVA Olga Viktorovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

торой ключевую роль играют национальные пространства, государственные и политико-административные границы.

Внутренняя политическая структура государства имеет территориальную проекцию, которая включает структурные элементы. В нашем случае это регионы с официальными государственными границами и размытые, подвижные границы — политико-административные, по-разному складывающиеся в различных сферах жизни общества. Основное внимание мы сосредоточим на политических и территориальных принципах обоснования и проведения политико-административных границ во внутристрановом измерении.

В связи с этим возникают два вопроса: «Каковы принципы обоснования и проведения границ в политико-территориальном строительстве государства?», «В чем состоит проблема проведения политико-административных границ в политико-территориальной структуре государства?». Поиск ответов на эти вопросы важен в практическом плане, ведь, чтобы оправдать территориальные притязания и требования новых границ, правительства и политические деятели нуждаются в их обосновании. Кроме того, пересмотр границ влечет за собой потребность в прикладных исследованиях для их делимитации на карте и демаркации на местности. В настоящее время отсутствует целостное представление об общих механизмах, моделях и принципах обоснования и проведения границ.

Проблема политических и территориальных принципов обоснования и проведения границ сопряжена с легитимацией границ и их видами. Во внутристрановом измерении административно-территориальное деление, состоящее из множества регионов и политико-административных границ, создает каркас политико-территориальной структуры государства.

В политико-территориальной структуре России существует деление территории между субъектами Федерации на административные единицы. Уточним, политико-административные границы представляют внутригосударственный территориальный уровень и относятся к субнациональным границам. Здесь следует рассматривать внутригосударственные отношения межрегиональных границ. При изучении политико-административных границ следует принимать во внимание две особенности, отличающие эти границы

от других видов. Первая особенность — нелинейность политико-административных границ, так как они в основном размыты, т. е. не имеют четких фиксированных границ и представляют переходные зоны, в которых протекают различные политические процессы между центром и регионами. Вторая особенность — конгруэнтность, их совпадение (консеквентная граница) или несовпадение с границами этнокультурного и природного происхождения («наложенная» или секущая граница).

Правовой статус границ субъекта Федерации отличается от статуса государственной границы России. Границы между субъектами признаются Российской Федерацией по состоянию на момент принятия Конституции Российской Федерации, описываются и закрепляются в конституциях и уставах субъектов Федерации или в иных правовых актах, согласно которым эти субъекты были образованы. Изменение политико-административных границ между субъектами Федерации подлежит согласно ст. 102 Конституции Российской Федерации утверждению Советом Федерации.

Установление субнациональных границ связано с формой территориального устройства государства. При унитарной форме границы определяет и меняет центр, где мнение территории не учитывается или учитывается косвенно. При федеративной форме изменение границы может быть связано со специальными публичными процедурами, в которых участвуют региональные власти или население. Отчасти политико-территориальные границы носят условно силовой характер со стороны центра, так как они навязываются региональным сообществам. Принцип насильственного характера их проведения отсутствует, так как обычно границы устанавливаются с учетом объективных факторов и не вызывают большого протеста. Договорными межрегиональные границы не являются, поскольку субъекты Федерации не заключают между собой договоров по поводу их проведения. Вместе с тем, осуществляя свои полномочия, субъекты Федерации не вправе придавать своим территориям особый статус и в одностороннем порядке изменять границы.

В правовом отношении Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 67) устанавливает, что границы между субъектами Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Но это не означает, что субъекты изменяют

свои границы без участия федеральных органов. В этом процессе участвуют три стороны — органы государственной власти двух субъектов Федерации (границы которых изменяются) и Совет Федерации. При образовании нового субъекта Федерации из территорий субъектов Федерации, являющихся составной частью территории России, государственная территория не изменяется, а происходит изменение административных границ между субъектами Федерации или установление новых границ.

На внутригосударственном уровне политические принципы проведения и обоснования границ основаны на взаимном согласии федерального центра и регионов. В большинстве случаев любое изменение межрегиональных границ — это прерогатива федерального центра. В унитарных государствах межрегиональные границы определяет и сдвигает центр. Приоритет при принятии решения здесь целиком и полностью принадлежит центру, который просчитывает последствия, выясняет позиции местных элит и населения. Причем мнение населения учитывается косвенно или не учитывается.

В федеративных государствах в процессах изменения границ во внутристрановом измерении задействованы региональные власти и население. Этот принцип основан на взаимном согласии центра и регионов, где учитывается мнение региональных элит и населения. Он работает в федеративных государствах, где изменение политико-административных границ невозможно без учета региональных интересов, поскольку в противном случае оно чревато конфликтом между центром и регионами. «Идеальная модель» в проведении и обосновании субнациональных границ основана на либеральном варианте, т. е. когда учитывается мнение населения, заинтересованных регионов и центральной власти, где работает механизм всеобщего консенсуса. При федеративном устройстве изменение границы может быть связано со специальными публичными процедурами, в которых участвуют региональные власти и, возможно, население. Мнение населения региона определяется через позицию их легислатур или с помощью всенародного референдума.

Формирование отношений между субнациональными регионами обусловлено внутренними процессами, происходящими в административных единицах при взаимодействии

властей различных уровней (центральных, региональных и муниципальных).

Образование политико-административной границы проходит три стадии: размещение, делимитацию и демаркацию. На стадии размещения устанавливается политический раздел территории между двумя субъектами. Выбор места проведения границы и ее определение происходит на стадии делимитации. Делимитация политико-административной границы должна быть высокой, поскольку это связано с политическими и экономическими отношениями субъектов Федерации. Власти и экономические субъекты обладают необходимой информацией о точном месте прохождения границы, поскольку с этим связаны их юрисдикция и система землепользования. Демаркация — точное непосредственное обозначение линии прохождения политико-административной границы на местности. В связи с прозрачностью субнациональных границ государства и регионы не считают необходимым проводить их демаркацию, как это делают в международных договорах.

Политико-административная граница является примером формальной политической границы. Она по определению разграничивает в пространстве политические явления, может иметь официальный правовой статус, т. е. быть формальной границей. Другими словами, политико-административные границы представляют границу, проводимую политическими субъектами для управления территориальными частями — административными единицами.

По поводу изменения политико-административных границ центр и региональные власти ведут переговорный процесс, в принятии решения так или иначе задействованы власти заинтересованных регионов. Возможна ситуация, когда инициатива об изменении границы исходит снизу и оформляется в политическое движение. Оно может лоббировать изменение границы, участвовать в организации референдума, если такой механизм предусмотрен законодательством субъекта Федерации.

Государство не изменяет свои внутренние границы по любому поводу, а следует характеру конвенциональности, т. е. условности. При наличии огромного количества теоретически возможных претензий власти соглашаются на закрепление системы сложившихся границ и идут на их

пересмотр лишь в редких случаях, когда бездействие может вызвать массовые протесты по поводу потенциальных споров.

Таким образом, политико-территориальные системы, формирующиеся на внутригосударственном уровне, характеризуются внутренней структурой с учетом межрегиональных границ. Принципы обоснования и проведения границ включают плюрализм политических отношений, в частности мнение участников, которые пытаются достичь своих политических целей. При этом принципиальное значение в политических принципах проведения и обоснования границ имеют административные границы и административные полномочия в пределах этих границ.

Структурирование политического геопространства происходит в связи с наложением политико-административных границ на политическую структуру общества. Государство представляет собой комплекс различных политических сообществ, которые борются за власть в каждой административной единице в условиях социальной, этнокультурной и территориальной неоднородности. Для того чтобы понять проблематику обоснования и проведения границ, необходимо исследовать примерные границы сообществ и соответствующих им формальных регионов.

Обоснование и проведение политико-административных границ обусловлено социально-экономическими и этнокультурными факторами. В результате развития социально-экономического фактора наблюдается тенденция изменения политико-административных границ в связи с укрупнением субъектов России. Проблема укрупнения регионов напрямую зависит от особенностей политического пространства России, к числу которых относятся: неоднородность «большого пространства», преобладание вертикальных связей над горизонтальными, неосвоенность стратегически важных территорий; большие разрывы между освоенными и обжитыми ареалами¹.

В составе России с начала 1990-х гг. было несколько «матрешечных» регионов. Тенденция их укрупнения началась в 2000-х гг. в ходе реформы административно-территориального деления страны. Первый пример продемонстрировали Пермский край и Коми-Пермяцкий автономный округ. В ходе реформы в 2007 г. Таймыр и Эвенкия вошли в Красноярский край, Усть-Ордынский Бурятский округ вошел в Иркутскую область. «Матрешечные» регионы постепенно теряют статус

самостоятельного субъекта Федерации и присоединяются к более крупным по экономическому потенциалу территориям, в результате меняется пограничная территория и возникают новые политико-административные границы. Положительным примером успешного объединения территорий стал Красноярск. «Северные» округа, находящиеся в экстремальной зоне, выигрывали от включения в состав Красноярского края. В экономическом отношении позитивный пример представлен Камчатским краем: после включения в его состав Корякского автономного округа дотационный регион стал более привлекателен для бизнеса и инвестиций.

В настоящее время в административно-территориальном делении осталось два «матрешечных» региона (Тюменская область с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, Архангельская область с Ненецким автономным округом), но процесс слияния продолжается. На наш взгляд, экономика не главная причина укрупнения субъектов России, однако в основном происходит слияние сильного центра с «сырьевым» субъектом, обладающим высоким промышленным потенциалом (нефть и газ). Примером выступает Еврейская автономная область, которая может стать частью Хабаровского края. Возникает ситуация, когда, с одной стороны, при укрупнении выравниваются права и полномочия национальных республик и округов с правами краев и областей. Это делает президентов республик руководителями небольших административных единиц, когда национально-территориальные автономии заменяются национально-культурными. С другой стороны, процесс территориального укрупнения регионов не устраняет существующие между ними разрывы в уровне жизни, а идея самодостаточности регионов объективно толкает их к сепаратизму².

В работах некоторых авторов различные аспекты формирования и обоснования политико-административных границ рассматриваются исходя из того, что территориальные принципы обоснования и проведения границ связаны с соответствием границ этнокультурным характеристикам. Так, Г. Эро в основу территориально-государственного строительства закладывает принцип этничности³. На территории России межрегиональные границы более или менее совпадают с этническими. Ареалы проживания различных этносов также могут делиться между одним или несколькими регионами.

Сущность социокультурного аспекта в обосновании и проведении политико-административных границ связана с региональной идентичностью. Причем такая региональная идентификация определялась для этнических русских скорее не национальной или этнической, а территориальной принадлежностью.

При этом «региональные пространства не только являются социально конструируемыми феноменами, но и сами формируют поведение, идентичности, сознание и коммуникационные стратегии»⁴. Как писал Ш. Рик, «фактор региональной идентичности является "националитарным" утверждением регионального коллектива, голосом региональной группы»⁵. Региональную идентичность с определенными оговорками можно считать вариантом этнической или, точнее, субэтнической идентичности.

Мы согласны с позицией И. Нойманна, утверждавшего, что создание любого региона (как внутрисударственного, так и особенно транснационального) может рассматриваться как целеполагающий политический процесс, связанный с конструированием региональной идентичности⁶. Следовательно, региональная идентичность — «ключ» к конструированию региона как политического, социального и институционального пространства. Она функционирует как основа легитимации — необходимого условия для консолидации регионального институционального порядка.

При обращении к опыту прошлых лет очевидно, что этнический и этнокультурный фактор влияет на политико-административные границы во внутривосточном измерении. Между регионами со сложносоставным этническим составом, особенно в приграничной зоне, возникают пограничные споры в основном по поводу сецессии и автономии субъекта Федерации. Примером выступают межрегиональные противоречия, возникающие на Северном Кавказе. Здесь оказывает влияние национальное и историческое самосознание проживающих народностей, так как национальное самосознание здесь выступает основным консолидирующим фактором.

Таким образом, политико-административные границы созданы для управления потоками информации, где основная задача заключается в эффективном управлении политическими процессами на территории субъектов Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бирюков С.В. Регионализм в современной России: проблемы и перспективы: моногр. М.: ТЕИС, 2011. 136 с.

² См.: Бабурин В. Чем больше территория — чем лучше жизнь? // Век. 2002. № 12. С. 4.

³ См.: Heraud G. Ethnischer Foederalismus — zur Vermeidung ethnischer Konflikte // Foederalismus als Mittel permanenter Konfliktregelung. Schriftenreihe des Instituts fuer Foederalismusforschung. Wien, 1977. Bd. 6. S. 75.

⁴ Макарычев А. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкоснов. запас. 2010. № 3. С. 142.

⁵ Рик Ш. Феномен идентичности // Образование и социальное развитие региона. 1996. № 3—4. С. 212.

⁶ См.: Нойманн И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М., 2014. С. 271.

Поступила 11.11.2014.

O. V. Tsvetkova. Political and Territorial Principles of Drawing Political and Administrative Boundaries

The internal political structure of state has a territorial perspective, which includes structural elements. In this case, these are the regions with official state borders and blurred boundaries — the political and administrative ones, which are formed differently in different spheres of life of society.

The paper is focused on the political and territorial principles of conduct and justification of political and administrative boundaries in the in-country dimension. A political and administrative boundary is an example of a formal political border. A political boundary delimits political phenomena in space; it can have an official legal status, i.e. to be a formal border. In other words, political and administrative boundaries represent the border drawn by political entities for administration of territorial parts — the administrative units.

Political principles of substantiating and drawing boundaries include pluralism of political relations including the opinion of participants, who try to achieve their political goals. In political principles of drawing and justification of the boundaries, administrative boundaries and administrative powers within those boundaries are crucial. Drawing and substantiating of political and administrative boundaries are due to socio-economic and ethno-cultural factors. Development of socio-economic factors results in the trend of changing political and administrative borders in connection with the enlargement of subjects of the Russian Federation.

Problems of formation and substantiation of political and administrative boundaries is considered on the assumption that the territorial principles of drawing and justification of boundaries are associated with the compliance of boundaries with ethnic and cultural features.

A. S. СОЛДАТОВА

**ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИЙ
УЧАСТНИКОВ СФЕРЫ
ПОЛИТИКО-ПУБЛИЧНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА¹**

Ключевые слова: регион, территориальное управление, региональное развитие, политические механизмы, коммуникации, политическая сеть

Key words: region, regional administration, regional development, political mechanisms, communication, political network

В статье рассматриваются результаты экспертного опроса в рамках исследовательского проекта «Внутрирегиональное пространство: коммуникативное измерение территориального развития современной России». Рассмотрены стейкхолдеры регионального развития России, проанализированы важные характеристики регуляторов, норм и форматов функционирования региональных сообществ в публичном внутрирегиональном пространстве российского общества.

The paper discusses the results of an expert survey in the framework of the research project «Intraregional space: communicative dimension of territorial development of modern Russia». Stakeholders of regional development of Russia are considered, the most important characteristics of the regulators, standards and formats of functioning of regional communities in the public intraregional space of the Russian society are analyzed.

Для фрагментации и детализации внутрирегионального пространства, изучения факторов, определяющих конфигурацию региональных сетевых сообществ, условий сетеобразования в российских регионах в рамках исследовательского проекта «Внутрирегиональное пространство: коммуникативное измерение территориального развития современной

СОЛДАТОВА Анна Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

SOLDATOVA Anna Sergeevna, Postgraduate at the Department of the World History and the World Political Process, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

России» нами был проведен экспертный опрос «Участники сферы политико-публичных отношений регионального пространства России».

Экспертами выступили ведущие специалисты в сфере регионального развития современного российского государства. Это представители научного сообщества, общественных организаций и аналитических структур, таких как:

— высшие учебные заведения России (Саратовский государственный университет, Казанский технологический университет, Сыктывкарский государственный университет, Северо-Осетинский государственный университет, Мордовский государственный университет, Пермский государственный университет, Саратовский государственный социально-экономический университет, Волгоградский государственный университет, Высшая школа экономики);

— Российская академия наук (Пермский филиал Института философии и права УрО РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН, Институт социологии РАН);

— Общественная палата Республики Мордовия;

— Научный центр социально-экономического мониторинга Республики Мордовия;

— общественные организации (РОО «Агентство волонтерской службы "Пизтас"», Ярославская РОО «Центр социального партнерства», АНО «Центр науки, аналитики, образовательных и социальных технологий "Научный ресурс"», Мордовская республиканская общественная организация татарских женщин «Чулпан»).

В целом в опросе приняли участие эксперты из 12 городов (Абакан, Владикавказ, Волгоград, Казань, Москва, Пермь, Саранск, Саратов, Сыктывкар, Тюмень, Хабаровск, Ярославль).

Вопросы в анкете были поделены по тематическим блокам: «Гражданское участие в регионе», «Участники сферы политико-публичных отношений регионального пространства», «Форматы и регуляторы функционирования региональных сообществ», «Общая оценка системы территориального развития России», «Факторы формирования и развития сетевой платформы политических коммуникаций внутрирегионального пространства».

На наш взгляд, изучение и анализ понятия «политико-публичная сфера в регионе» наиболее уместны при условии

ее рассмотрения в аспекте гражданской самоорганизации. В соответствии с полученными в ходе исследования результатами следует перечислить выявленные тенденции, которые отражают реальные явления и процессы внутрирегиональных пространств современной России.

Уровень гражданской самоорганизации в российских регионах практически все эксперты (88,9 %) оценивают ниже среднего. Примечательно, что отсутствуют наивысшие оценки, а минимальные составляют 13,0 %. Распределение оценок по годам выявило, что наиболее высоко уровень гражданской самоорганизации был оценен в период 2008—2012 гг. В зоне «высоких» оценок оказались 31,5 % ответов экспертов. Наибольшее количество «низких» оценок получил период 2004—2008 гг. Современное состояние проблемы (2012—2014 гг.) было оценено сравнительно низко: 17,6 % экспертов указали, что гражданская самоорганизация в российских регионах находится на минимальном уровне. «Средние» оценки составили 41,0 %, и 11,7 % экспертов оценили ее выше среднего. Таким образом, наиболее высокий уровень отмечен в период 2008—2012 гг. В зоне «средних» оценок — периоды 2000—2004 гг. и 2012—2014 гг.

В ответах экспертов можно наблюдать корреляцию между уровнем общественной самоорганизации и гражданской активностью населения. С 2000 г. начался этап системных преобразований. Появились новые коммуникативные площадки взаимодействия с властью. Была окончательно оформлена законодательная база функционирования некоммерческого сектора. С 2004 г. начала наблюдаться новая форма асимметрии в ролевом наполнении центра и регионов, возвращение контроля над региональным элитообразованием, в том числе посредством порядка формирования кадрового корпуса субъектов Федерации, а также создание и укрепление институтов и механизмов федерального присутствия в регионах, что в значительной степени стало своеобразной платой федерального центра за стабилизацию федеративных отношений. Закономерным процессом нововведений стало «закрепление» региональных инициатив.

Период 2008—2012 гг. ассоциируется с многократными выступлениями российских граждан. Наряду с акциями протестного движения, нехарактерными для предыдущих этапов развития, стоит отметить возрастание роли гражданских

сообществ и появление новых коммуникативных площадок, в том числе интернет-активность, которая нашла отражение в работе блог-сообществ политического характера, общественно-политических интернет-площадках, персональных интернет-страницах политиков и политических активистов.

Современный этап как следствие предыдущего характеризуется появлением новой управленческой системы, инициатив и контролем центром горизонтального взаимодействия в регионах, выражающегося в законодательных инициативах: новые правила проведения митингов и публичных акций, поправки, внесенные в закон о некоммерческих организациях, законопроекты об иностранных агентах и ограничения владения иностранцами российских СМИ.

Для большинства опрошенных политико-публичная сфера регионов России *«представлена ограниченным кругом наиболее представительных и влиятельных участников из региональных сообществ»* — 47,3 %. Второй по популярности ответ показывает зависимость сферы от доминирующего властного актора региона. Им может выступать сам глава региона, команда губернатора, региональная властная элита. Доля подобных ответов составила 31,6 %. Примечательно, что вариант *«представляет собой дискуссионную площадку для различных мнений разнообразных заинтересованных участников»* не получил ни одного выбора, тогда как по одному эксперту указали, что политико-публичная сфера региона *«развивается, но не по демократическим принципам»*, *«существует, но обсуждаемые вопросы в основном состоят из событий и мероприятий, связанных с государственной/региональной властью»*, *«существует, но обсуждаются уже принятые решения, поэтому носит только формальный характер»*, *«нормальная политико-публичная сфера практически отсутствует»*.

Полученные данные подтверждают, что политико-публичная сфера современной России приобрела характер непрозрачного и нестабильного института на внутререгиональной арене. Эксперты не отрицают наличие возможностей у региональных сообществ функционировать в коммуникативном пространстве политической жизни страны. Форматы деятельности региональных сообществ определяются формами влияния на принятие политических решений. По мнению экспертов, наиболее работоспособными и действенными

в современной России являются: участие в гражданских или политических интернет-группах, создание контента в Интернете (15,0 %); использование неформальных связей (дружеские связи, землячество) (13,7 %); публикация открытых писем, материалов в СМИ (11,0 %); обращение с письмами, петициями, сбор подписей (8,2 %).

Анализ распределения ответов на этот вопрос позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, интерактивное взаимодействие в политико-публичной сфере становится наиболее работоспособным механизмом «обратных связей». Объясняется это может доступностью Интернета, быстрым распространением политического и социального контента, а также альтернативностью традиционным формам, плохо прижившимся в российском обществе по тем или иным причинам, таким как участие в выборах, референдумах, работе политических партий, публичных политических дебатах. Отметим, что последний вариант активно выбирали эксперты, которые являются представителями некоммерческого сектора, что может являть собой практическую ориентированность ответов.

Во-вторых, в современной России роль неформальных каналов взаимодействия, прежде всего личных контактов с представителями региональной политической элиты, чиновниками разных уровней, федеральными государственными деятелями, является чрезмерно существенной. Несмотря на наличие формальных правил и процедур такого взаимодействия, гораздо более эффективным является следование *«установившимся неинституционализированным традициям»*, основанным на использовании специфического набора инструментов: кулуарных переговоров, взаимовыгодного обмена административным и экономическим влиянием и др. Это обстоятельство делает систему внутререгиональных взаимоотношений излишне субъективной, определяет подход региональных властей к тому или иному гражданскому актору не на основе единых формализованных принципов, а на основе разнородной, не поддающейся логическому осмыслению системы предпочтений.

В-третьих, отношения в системе политико-публичной сфере часто носят характер «реагирования на пожар». Властные органы обращают внимание на гражданские инициативы в случае получения последними статуса резонансных дел. Как

следствие, эффективной становится форма публичного обсуждения: публикация открытых писем, материалов в СМИ.

Доля выбора традиционно демократических форм влияния на власть (участие в выборах, референдумах, организация избирательных кампаний, избрание в органы власти, организация площадок для обсуждения законодательных инициатив, обращение в приемные органы государственной власти, участие в публичных политических дебатах) в среднем составила 4,9 %. Это может свидетельствовать о том, что значение таких механизмов учета интересов региональных сообществ неуклонно снижается. «Изжитость» данных форм и общее недоверие к традиционным демократическим практикам прослеживается все больше.

Мнения опрошенных оказались достаточно консервативны по части ответа «*организация и участие в политических протестных акциях*». Возможно, это связано с тем, что эксперты оценивают этот механизм влияния как проявление крайней формы общественного реагирования в России. По другим позициям («*проведение социологических опросов*», «*участие в научных мероприятиях (конференциях, круглых столах, семинарах)*» и др.) доля ответов была крайне мала.

Для определения устойчивых связей и взаимосвязей на уровне региона экспертам был задан вопрос «*Каким из участников публичной политики, по Вашему мнению, удалось выстроить работоспособные отношения на уровне региона?*». Анализ полученных данных показал, что наиболее эффективные связи выстроены между отдельными личностями (политиками) с органами государственной/региональной власти. Этот факт отражает общую направленность ответов на предыдущие вопросы о характере политико-публичной сферы и формах влияния на власть. Доля подобных ответов составила 24,3 %. По 19,0 % получили варианты ответов «*связь некоммерческих, общественных организаций с органами государственной/региональной власти*» и «*связь политических партий с органами государственной/региональной власти*». Первый вариант вводит в исследовательское поле некоммерческий сектор как активного участника политико-публичной сферы и может свидетельствовать о частичной нормализации коммуникативного пространства на уровне регионов. Второй — подтверждает предположение об излишней лояльности к власти российских партий. Также

речь может идти об отождествлении предложенного варианта ответа со связью политической партии «Единая Россия» с органами государственной/региональной власти. Вариант ответа «*связь индивидов с политическими партиями*» стал единственным не получившим ни одного выбора.

Крайне низко были оценены связи индивидов с некоммерческими, общественными организациями, в том числе экспертами из числа представителей некоммерческих организаций. Также не получили высоких оценок варианты «*связь индивидов с органами государственной/региональной власти*», «*связь некоммерческих, общественных организаций с политическими партиями*», «*связь индивидов и СМИ*».

В дополнение к вопросу о формах влияния на власть был задан вопрос о характере каналов взаимодействия в публичной политике на уровне региона. Эксперты практически единогласно отвечали, что подобными каналами в современной России можно назвать «*неформальные (личные контакты, землячество и т. п.)*» связи (43,4 %), вплоть до «*полутеневых, теневых (криминальные, коррупционные)*» (30,4 %). Такие ответы суммарно составили 73,8 %. Варианту «*формальные (через структуры гражданского общества) связи*» предпочтение отдали 17,3 % опрошенных.

Далее экспертам было предложено выставить оценки различным видам каналов взаимодействия публичного пространства своего региона по степени их эффективности. Эффективными признавались неформальные связи со следующей градацией по их виду (суммарные оценки в «положительной» зоне): система родственных связей (66,5 %), система дружественных связей (61,0 %), система патронажных связей (61,0 %), коррупционные связи (55,5 %), основанные на землячестве связи (49,9 %).

Вариант «*формальные связи*» в зоне положительных оценок набрал 22,1 % ответов, из них всего 5,5 % пришлось на наивысший показатель эффективности.

При сопоставлении результатов по этому вопросу и вопросу о форматах функционирования региональных сообществ интересным оказалось определение процентов по варианту ответа «*виртуальные связи*». Если в первом случае эксперты выделили интернет-сообщества и виртуальные площадки как активных акторов на внутрорегиональном пространстве, то оценка их влияния на региональную политику оказалась

крайне низкой, даже в сравнении с непопулярным ответом «формальные связи».

Это, видимо, объясняется следующим: несмотря на то, что гражданская интернет-активность становится достаточно распространенной в российском обществе, включая целые слои активных групп населения в обсуждении политической повестки дня, влиять этот канал взаимодействия на реальную власть не может. Он остается связью не уровня «интернет-сообщества — органы государственной/региональной власти», а, скорее, связью интернет-сообществ с множеством гражданских и политических структур: политическими партиями, отдельными активистами, некоммерческими организациями, СМИ. Это свидетельствует об автономности пространств публичных сфер гражданских и властных акторов.

Также это объясняется может следующими причинами, выраженными в ответах экспертов на вопрос «Как вы оцениваете появление виртуальных полей как новой политической коммуникации регионов России?». Во-первых, представленный канал достаточно эффективен и способен консолидировать региональное сообщество на некоторое время (события, мероприятия, действия) (50,0 %). Во-вторых, свободное распространение политической информации в интернет-пространстве может способствовать широкой общественной риторике деструктивного характера (22,7 %).

Только небольшая доля опрошенных (13,6 %) посчитала, что этот канал политической коммуникации способствует развитию гражданского общества в России. Второе меньше получил ответ «Интернет предоставляет доступ к обширной пропаганде экстремистских идей» (4,5 %).

Один из экспертов отметил, что интернет-сообщества «интересны и действительны когда есть реальная общественная политическая жизнь, а когда ее нет, то они становятся фикцией».

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, появлялись ли в последнее время в российских регионах новые коммуникационные площадки?» подтвердило мнение, высказанное ранее экспертами, о низком уровне гражданской самоорганизации в российских регионах. Ни один из опрошенных не посчитал, что количество коммуникационных площадок значительно увеличилось. При этом 15,7 % ответили, что их доля даже сократилась. Незначительное

увеличение отметили 26,3 %. Наиболее распространенным стал вариант ответа «количество осталось на прежнем уровне» (36,8 %), а 15,7 % экспертов отметили, что подобные площадки появились только в отдельных регионах России. При характеристике возникших коммуникационных площадок из всех вариантов эксперты чаще остальных выбирали ответ «все новые площадки инициировались и определяются властью» (30,0 %).

Суммарно ответы «появился ряд эффективных площадок для обсуждения общественных проблем» и «все появившиеся коммуникационные площадки достаточно работоспособны и активно привлекают к своей работе общественность» превысили указанный показатель и составили 40,0 %. Это может говорить о региональной специфике проблемы и появлении возможностей для эффективной артикуляции региональными сообществами своих интересов в отдельных российских регионах.

Для выявления таких регионов был задан вопрос «В каких российских регионах, на Ваш взгляд, сложилась и действует система различных типов дискуссионных площадок общественно-государственного диалога?». Опрошенным было предложено назвать три варианта ответа, однако только 37,5 % экспертов заполнили вторую позицию, 12,5 % — третью. Первая строка предложенных вариантов на 66,6 % состояла из ответов «г. Москва». Несколько раз упоминалась Ярославская область, по одному выбору получили Санкт-Петербург и Пермский край. Два последних региона поделили вторую строку, получив по 55,5 и 44,4 % соответственно. Пермский край эксперты также указывали, заполняя третью строку (33,3 %). Также упоминались Ростовская область и Республика Карелия.

Исходя из полученных данных, можно констатировать, что система различных типов дискуссионных площадок общественно-государственного диалога, по мнению экспертов, в большей степени сложилась в Москве, Санкт-Петербурге и Пермском крае. Если два первые региона традиционны для подобных рейтингов, то Пермский край только становится регионом, где власти активно сотрудничают с третьим сектором и реагируют на гражданские инициативы.

Таким образом, можно отметить важнейшие характеристики регуляторов, норм и форматов функционирования

региональных сообществ в публичном внутрирегиональном пространстве российского общества. В настоящее время гражданская самоорганизация в российских регионах находится на минимальном уровне. Современный этап как следствие предыдущего характеризуется появлением новой управленческой системы, инициацией и контролем федеральным центром горизонтального взаимодействия в регионах. Политико-публичная сфера современной России приобрела характер непрозрачного и нестабильного института на внутрирегиональной арене, а политико-публичная сфера регионов России представлена ограниченным кругом наиболее представительных и влиятельных участников из региональных сообществ.

В России роль неформальных каналов взаимодействия (прежде всего личных контактов с представителями региональной политической элиты, чиновниками разных уровней, федеральными государственными деятелями) является весьма существенной. Вместе с тем роль традиционных демократических переговорных практик как механизма взаимодействия неуклонно снижается, все более заметной и измеряемой становится их «изжитость». Имеется общее недоверие к подобным форматам. Организация и участие в политических протестных акциях как механизм влияния на политические решения оценивается как проявление крайней формы общественного реагирования в России, а отношения в системе политико-публичной сферы часто носят характер «реагирования на пожар». Взаимодействие на уровне связей индивидов с политическими партиями является крайне ограниченным и неработоспособным. Пространства публичных сфер гражданских и властных акторов автономны друг от друга. Гражданская интернет-активность распространена в российском обществе, она включает целые слои активных групп населения в обсуждение политической повестки дня, но существенно влиять через этот канал взаимодействия на реальную власть невозможно. Система различных типов дискуссионных площадок общественно-государственного диалога складывается в отдельных регионах России. Сегодня она в большей степени сложилась в Москве, Санкт-Петербурге и Пермском крае.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Внутрирегиональное пространство: коммуникативное измерение территориального развития современной России» (№ 14-53-00019/14).

Поступила 30.10.2014.

A. S. Soldatova. Issues of Communication of Participants of Political and Public Relations in a Regional Space

At present, civil self-organization in the Russian regions is at its minimum. The political and public sphere of modern Russia has acquired the character of an opaque and unstable institution on the intra-regional arena. The political and public sphere in the regions of Russia is represented by a limited number of the most honorable and influential members of regional communities. In modern Russia, the role of informal channels of communication, first and foremost, personal contacts with representatives of the regional political elite, with officials of different levels, and with federal governmental figures is extremely important. Relations in the political and public sphere are often of the “response to fire” character.

The role of traditional democratic negotiation practices as a mechanism of interaction is steadily decreasing. They become more and more visibly and measurably outdated. There is common distrust of such formats. Organization and participation in political protest, as a mechanism of influence on political decisions, is seen as manifestation of an extreme form of social reaction in Russia. Interaction at the level of connections of individuals with political parties is extremely limited and does not work. Public spheres of civil and authoritative actors are independent of each other. Civic Internet activity is widespread in the Russian society, including entire layers of active groups of people discussing the political agenda. However, it is impossible to significantly influence the real power through this channel of interaction. In some regions of Russia, a system of various types of discussion forums for public dialogue is developing. Today, it is largely formed in Moscow, St. Petersburg and the Perm Territory.

М. Р. КАСУМОВА

ДАГЕСТАНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ

Ключевые слова: межрегиональные связи, торгово-экономические и политические отношения, межкультурное взаимодействие, гуманитарные связи, национальный интерес

Key words: interregional relations, trade-economic and political relations, intercultural communication, humanitarian relations, national interest

В статье осуществлена попытка анализа приграничного сотрудничества Республики Дагестан как одного из субъектов Российской Федерации. Отмечено, что роль межрегиональных связей отвечает ключевым национальным интересам России.

The paper attempts to analyze the near-border cooperation of the Republic of Dagestan as one of the subjects of the Russian Federation. It is noted that the role of interregional relations corresponds to the key national interests of Russia.

Новые политические и экономические реалии, возникшие в результате развала СССР и образования на Кавказе новых суверенных государств, привели к коренному изменению характера политико-географических процессов в регионе. В связи с этим приграничная тематика в структуре внешнеполитических и внешнеэкономических отношений России должна занимать одно из приоритетных мест в этом регионе.

Следует отметить, что Россия всегда придавала исключительное значение кавказскому региону как стратегически важному плацдарму для развития контактов с Востоком.

КАСУМОВА Мадина Рамазановна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), кандидат философских наук.

KASUMOVA Madina Ramazanovna, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of the Humanities and Natural Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk branch) (Lipetsk, Russian Federation).

В условиях новой геополитики для России важное значение имеют вопросы приграничного и межрегионального сотрудничества с учетом позиций Республики Дагестан как самого южного форпоста страны.

Республика Дагестан — самый многонациональный и поликонфессиональный регион страны. Выгодное географическое положение на перекрестке сухопутного и водного пути по Волге и Каспийскому морю предопределяло ему на протяжении многих столетий историческую роль «моста», связывающего два мира, своего рода перекрестка цивилизаций, культур и религий, зоны активных и разносторонних связей Европы и Азии. Все это способствовало развитию не только широких торговых связей Дагестана, но и постоянному заимствованию культурных, хозяйственно-технических достижений, знаний, традиций и идей¹.

Дагестан как субъект Российской Федерации имеет самое протяженное морское побережье (более 500 км). Морское «окно» юга России — Махачкалинский морской порт — единственная незамерзающая гавань России на Каспии. В феврале 2002 г. Государственная Дума России ратифицировала Соглашение о международном транспортном коридоре «Север — Юг», повторяющем контуры древнего Шелкового пути². Договаривающиеся стороны исходили из несомненной выгоды маршрута: путь из Индии через Оман, Иран, Каспийский регион дешевле проторенной трассы через Суэцкий канал и быстрее на 15—20 суток. Махачкалинский международный морской торговый порт является важным звеном транспортного коридора «Север-Юг», который призван удешевить перевозку грузов с Востока на Запад и в обратном направлении.

Развитие приграничного сотрудничества Дагестана со странами Ближнего и Дальнего зарубежья проходит в рамках внешнеполитической линии России. Так, после подписания 13 декабря 1997 г. в Махачкале российско-иранских межправительственных соглашений, а также Меморандума о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Правительством Республики Дагестан Российской Федерации и Министерством развития Исламской Республики Иран³ развивается активное взаимовыгодное сотрудничество Дагестана и Ирана. Стороны договорились об оказании взаимной поддержки и содействия в вопросах

развития транспортного сообщения, топливно-энергетического комплекса, промышленности, строительства, торговли, сельского хозяйства и туризма.

Иран традиционно являлся торговым партнером Дагестана, что характеризуется стабильной динамикой и увеличением товарооборота. Рассматривается вопрос о создании в Дагестане таможенного склада, на который в необходимом количестве будут поступать иранские товары, и откуда их смогут приобретать дагестанские предприниматели⁴.

Между двумя республиками активно развиваются культурные связи. Так, в апреле 2012 г. в Дагестане прошла первая специализированная выставка ИРИ, где были представлены ковровые и ювелирные изделия иранских мастеров, автомобильная, сельскохозяйственная и другая продукция⁵. Важным событием в жизни республики стало проведение Дней иранской культуры. Программа культурных мероприятий включала выставку мастеров народных промыслов «Магия иранского искусства» (представлены чеканка по металлу, персидская керамика, роспись по эмали, каллиграфия и т. д.), фестиваль иранских фильмов, куда вошли лучшие образцы иранского кинематографа. Вопросы межкультурного сотрудничества и образования были обсуждены в ходе круглого стола «Диалоги культур» в Дагестанском государственном университете⁶. Говоря о гуманитарных связях, следует отметить, что в 2005 г. между культурным представительством при Посольстве Ирана в России и Дагестанским государственным университетом был подписан Договор в области науки и образования. В его рамках при факультете Востоковедения ДГУ был открыт Центр иранистики⁷.

По широкому спектру вопросов ирано-дагестанских торгово-экономических и культурных связей приняты правительственные решения, даны соответствующие распоряжения по обеспечению выполнения достигнутых договоренностей.

Как показывает история, пути России и Ирана имеют общий исток еще в индоевропейской древности. Эти страны объединяло евразийское пространство культурного диалога разных миров. Персия была в числе первых стран, с кем Россия установила дипломатические отношения после создания Посольского приказа в 1586—1597 гг. По Петербургскому договору 1723 г. «в вечное владение» России отходило

западное и южное побережье Каспийского моря с городами Гилян, Дербент, Решт, Мазандеран и Астрабад. Взаимодействие между Ираном и Дагестаном также осуществлялось в течение длительного времени. Сведения об их отношениях встречаются со времен Мидийского государства. В этот период Дагестан являлся составной частью Кавказской Албании, а, по утверждению И. М. Дьяконова, мы должны представлять отношения между Кавказской Албанией и Мидийским государством очень тесным⁸.

Активно связи между Ираном и Дагестаном расширялись в период Сасанидской династии, особенно в области культуры. Посредством переселения иранцев на территорию Дагестана в регионе распространились персидский язык и литература. Это влияние было настолько велико, что представители дагестанской культуры и литературы сами начали писать произведения на персидском языке⁹. Предпринимались также попытки распространения на территории Дагестана зороастризма, который являлся на тот период государственной религией Ирана¹⁰.

Таким образом, процесс взаимодействия и взаимовлияния между Дагестаном и Ираном обусловлен рядом факторов: естественным ходом событий, географическими, историческими причинами и осуществляется в течение длительного времени.

Еще один крупный приграничный партнер Дагестана — Республика Азербайджан. Политико-экономические и культурные взаимоотношения этих регионов развивались на всех этапах истории. В XVI—XVII вв. оба региона стремились поддерживать связи с Россией и принимать участие в международной торговле Юго-Восточной Европы и ближневосточных стран, в частности в торговле России с сефевидским Ираном. Вводный и сухопутный пути, по которым осуществлялись международные связи, имели непосредственное отношение к Дагестану. Царь Михаил Федорович в грамоте к астраханским воеводам писал относительно русского посольства к персидскому шаху: «А из Астрахани велено им идти куды лутше и поспешнее: водяным ли путем на Гилян, или сухим путем на Терек, а с Терки через Кабарду да на Дербень, только будет те города ныне за шахом»¹¹.

Особое место во взаимоотношениях между дагестанским и азербайджанским народами принадлежало г. Дербенту, который считался самым богатым среди дагестанских городов в экономическом отношении. Участник посольства А. П. Волынского в Иран А. И. Лопухин, возвращаясь в 1718 г. в Россию, о Дербенте отзывался так: «Сей город имеет великое довольство в провианте и в фураже, так все дешево, что ни одного города во всей Персии такова подобного нет, на дешевизну довольно человеку сыту быть на 2 копейки»¹². Дербент выступал и как ремесленный центр, связанный с Азербайджаном и как транзитный путь для дагестанских товаров, поступавших в Азербайджан. Путь Дербент — Шемаха¹³ функционировал постоянно, о чем говорит наличие на этом пути большого количества караван-сараяв¹⁴. В течение многих веков в Дагестан проникали культурные традиции азербайджанцев, что отразилось в фольклоре и этнографии Дагестана.

Взаимоотношения между Дагестаном и Азербайджаном развиваются и сегодня. Проводится работа по привлечению общественных организаций и физических лиц дагестанской диаспоры, проживающих в Азербайджане, к развитию сотрудничества между республиками. В свою очередь в Дагестане для содействия укреплению дружбы и сотрудничества между республиками, возрождению лучших традиций их народов создана общественная организация «Узы дружбы». Происходит регулярный обмен информацией о жизни дагестанцев в Азербайджане и азербайджанцев в Дагестане.

В 2015 г. планируется празднование 2000-летия Дербента. Активное участие в подготовке принимает и Азербайджан. Намечена реконструкция одной из центральных улиц Дербента и строительство Олимпийского комплекса. Эти направления работ взяла на себя азербайджанская сторона¹⁵.

Тесная взаимосвязь и близость народов Дагестана с народами Бассейна Каспийского моря сохраняется, несмотря на нестабильность, политические разногласия, разрыв экономических отношений, и связей, сложившихся в СССР. Многовековой исторический опыт показывает, что если конфликты и войны и нарушали связи между народами в регионе, то только на короткий период, затем они быстро восстанавливались. Оставались экономические связи, а если они и прерывались, то в регионе всегда действуют

связи на уровне куначества или родства. Это является одним из главных аргументов того, что межгосударственные связи на уровне народной дипломатии здесь никогда не прерывались. Кроме того, весь южный Дагестан по национальным, куначеским и родственным признакам связан с северным Азербайджаном. Северный Иран можно считать продолжением Азербайджана по национальному признаку и моноконфессиональности.

Имея столь большой пограничный периметр, следует понимать то, что межрегиональные связи субъектов РФ, в частности приграничные, с сопредельными государствами отвечают ключевым национальным интересам России. В первую очередь они способствуют созданию по периметру российских границ «пояса добрососедства», а в экономическом плане — увеличению потенциала экономического развития регионов. Кроме того, приграничное сотрудничество способствует восстановлению и укреплению исторически сложившихся экономических и гуманитарных связей с сопредельными государствами, развитию интеграционных процессов в странах СНГ, решению проблем этнических групп, разделенных линией государственной границы. Безусловно, важным аспектом такого сотрудничества является и соответствующая помощь этническим россиянам, проживающим в соседних странах, в сохранении культурной, языковой и религиозной самобытности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв: архив. материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1959. С. 3.

² См.: Кукарин Е. Национальный вопрос на Шелковом пути // Независ. газ. 2002. № 32. С. 2.

³ См.: Сотрудничество расширяет горизонты. URL: http://www.dagpravda.ru/rubriki/ekonomika/23081/?sphrase_id=6878 (дата обращения: 24.06.2014).

⁴ См.: Встреча с представителями деловых кругов Ирана // Дагестанская правда. 2013. № 168—169. С. 1—2.

⁵ См.: Азиев Г. Связи крепнут // Там же. 2012. № 99—100. С. 1.

⁶ См.: Ахмедова М. Персидские мотивы в Махачкале // Там же. 2013. № 398—399. С. 4.

⁷ См.: Сотрудничество расширяет горизонты. Министерство по национальной политике, делам религий и внешним связям РД // Там же. 2012. № 101. С. 1.

⁸ См.: Дьяконов И.М. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 92.

⁹ См.: Мехди Иманипур. Исторические связи Ирана и Дагестана и перспективы их развития // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: сб. докладов Междунар. науч. конф. Махачкала, 2006. С. 7.

¹⁰ См.: Курбанов Г.М. Зороастризм в средневековом Дагестане. М., 1988. С. 26.

¹¹ Цит. по: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1898. Т. III. С. 155.

¹² Цит. по: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 55.

¹³ Шемаха — один из благоустроенных городов Азербайджана того времени. В нем имелось большое количество крытых рядов, где шла торговля товарами, производимыми в Азербайджане, а также товарами из соседних земель.

¹⁴ См.: История, география и этнография Дагестана ... С. 100.

¹⁵ См.: Азербайджан — Дагестан // Дагестан. жизнь. 2012. № 14. С. 3.

Поступила 24.09.2014.

M. R. Kasumova. Dagestan's Component of Russia's Near-Border Cooperation

New geopolitical and economic realities that emerged after the collapse of the USSR and formation of new sovereign states in the Caucasus, led to fundamental change in the nature of political and geographical processes in the region. Close interconnection and proximity of the peoples of Dagestan with the peoples of the Caspian sea Basin remains unchanged, despite instability, political discrepancies, gap of economic relations and ties, established in the USSR.

The proof of this postulate is the fact that the entire southern Dagestan is connected with Northern Azerbaijan on the grounds of common ethnic, friendly, and kindred features. Northern Iran can be considered a continuation of Azerbaijan according to the ethnic basis and mono-confessionalism.

Having such a large border perimeter, it should be understood that interregional relations of the subjects of the Russian Federation, in particular the near-border ones, those with the neighboring states, meet the key national interests of Russia. First of all, they contribute to creation of a "belt of good neighborly relations" around Russia's borders. They also promote economic development of the regions. Moreover, the near-border cooperation contributes to restoring and strengthening historical economic and humanitarian ties with the neighboring states, as well as to development of integration processes in the CIS countries, to solution of problems of ethnic groups separated by the line of the state border. Of course, help to ethnic Russians living in the neighboring countries in preservation of cultural, linguistic, and religious identity is an important aspect of this cooperation.

**В. П. БАБИНЦЕВ,
Е. В. РЕУТОВ,
В. А. САПРЫКА**

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЛИМИТАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И УКРАИНЫ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА¹

Ключевые слова: приграничный регион, политико-культурная делимитация, идентичность, ценностно-смысловые паттерны

Key words: near-border region, political and cultural delimitation, identity, value-notional patterns

Рассматривается проблема политико-культурной делимитации приграничных регионов России и Украины, интерпретируемой как процесс определения и разграничения статусов сопредельных геополитических образований, в ходе которых в сопредельных странах формируются и распространяются среди населения устойчивые представления о специфике их политических и культурных систем. На основе материалов экспертного опроса делается вывод о конфронтационном характере делимитации, обусловленном тактическими интересами обеих сторон, который все более находит подкрепление в культурно-цивилизационных тенденциях современности.

The problem of political and cultural delimitation of the near-border regions of Russia and Ukraine is considered, which is interpreted as a

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук.

РЕУТОВ Евгений Викторович, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук.

САПРЫКА Виктор Александрович, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук.

BABINTSEV Valentin Pavlovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation).

REUTOV Evgeny Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation).

SAPRYKA Viktor Aleksandrovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation).

process of identifying and delineating statuses of the neighboring geopolitical entities, when settled ideas about the specifics of the political and cultural systems in the neighbouring countries are formed and distributed among the population. On the basis of the expert survey results, a conclusion of the confrontational nature of delimitation is drawn due to tactical interests of the both parties, which increasingly finds reinforcement in cultural and civilizational trends of the modern times.

Проблема российско-украинских отношений в контексте глобальных изменений в современном мире и украинского кризиса активно обсуждается в публицистике и научной литературе. Однако основное внимание участники обсуждений уделяют ее политико-экономическим аспектам, в то время как политико-культурное содержание либо остается за пределами внимания, либо удостаивается лишь отдельных, фрагментарных оценок.

Ускоренными темпами осуществляется политико-культурная делимитация России и Украины, наиболее рельефно проявляющаяся в приграничных регионах обеих стран. Термин «делимитация» заимствован нами из сферы конституционного права, в котором он означает «определение общего направления линии границы между государствами, осуществляемое в процессе переговоров их полномочных представителей»². Под политико-культурной делимитацией приграничных регионов мы понимаем процесс определения и разграничения статусов сопредельных геополитических образований, в ходе которых в сопредельных странах формируются и распространяются среди населения устойчивые представления о специфике их политических и культурных систем.

Если следствием делимитации как юридически оформленного действия является определение линии границы, то результат политико-культурной делимитации — действия и феномены преимущественно символического характера. К их числу мы относим: ценностное самоопределение регионального приграничного сообщества, фиксирующее его диспозицию в пространстве внешнего взаимодействия и подчеркивающее специфику в историческом и актуальном контексте; определение места регионального сообщества в историко-культурном процессе посредством обращения к действительным или вымышленным традициям и их интерпретации; дифференциацию контрагентов по признаку

«свои — чужие» на основании сходства/различий политико-культурной среды; институционализацию политико-культурных символов и знаков, указывающих на собственное своеобразие.

Реализуясь через систему символических действий, политико-культурная делимитация является органически связанной с процессом культурно-цивилизационной идентификации в приграничных регионах Украины и России. При этом под культурно-цивилизационной идентификацией мы понимаем соотнесение человека или группы самих себя с обществом как культурно-цивилизационным образованием. Конкретной личностью подобное отождествление может трактоваться в понятиях культуры, цивилизации, гражданства, национальной принадлежности (особенно если речь идет о мононациональном государстве), которые не всегда точно отражают суть феномена, но являются индикаторами принятия конкретной системы ценностей, локализованной в виде особого хронотопа, рассматриваемого как теоретическая конструкция, позволяющая анализировать реальность в пространственно-временном единстве прошлого, настоящего и будущего³. В рамках этого единства формируются матрицы, которые принимает или отвергает личность, определяя себя в конкретной системе ценностей и норм. Возникает то, что П. Бурдые определил как габитусы⁴.

В приграничных регионах России и Украины формируются не совпадающие по своей направленности и неоднозначные по социальным последствиям модели идентичности, в основе которых лежат различные по содержанию ценностно-смысловые паттерны. Именно они составляют (или потенциально способны составлять) основу делимитационных практик.

Паттерны, возрождающие ценности и смыслы традиционных национальных культур. Проблема заключается в том, что длительное совместное и тесное сосуществование российской (в основе своей русской, православно-христианской) и украинской (также в основе своей христианской, но содержащей значительные элементы униатства и католичества в так называемом «галицийском» варианте) культур сделало их довольно однородными и по преимуществу комплементарными. Политико-культурная делимитация на этой основе представляется реальной только в том случае, если в общем культурном контексте будут выделены эле-

менты, подчеркивающие несовпадение ценностей и смыслов, противопоставляющие себя (свою нацию, страну, государство) «другим», в качестве которых выступают контрагенты по другую сторону границы.

Паттерны, воспроизводящие ценностно-смысловые комплексы относительно недавнего советского прошлого. Они основывались на идеях пролетарского, а впоследствии — социалистического интернационализма. В рамках этих представлений русские и украинцы трактовались как братские народы, которым нечего делить между собой. В этом идейном контексте делимитация принимает имитационный характер. Она может провозглашаться, но фактически не рассматривается как историческая перспектива и оценивается крайне негативно.

Паттерны, репрезентирующие разнообразные по содержанию субкультуры, возникающие и распространяющиеся как отражение специфических статусов социальных групп. Этот вид паттерн максимально актуализирован в настоящее время, особенно в кризисной Украине, поскольку нестабильная среда наращивает потребность в идентификации. В этом случае речь идет о делимитации на «галицийской» политико-культурной основе посредством групповой идентификации. Носители именно этой субкультуры являются в настоящее время наиболее пассионарными и активными. Однако опасность идентификации на групповой основе заключается в том, что в случаях, когда базовыми объектами для самоотождествления становятся феномены, воплощающие идеи конфронтации, изоляционизма, интолерантности, политико-культурная делимитация принимает характер латентного или открытого конфликта.

Паттерны, в основе которых лежат представления, сформировавшиеся в результате глобальных процессов, в том числе и процессов евроинтеграции. Делимитация в этом случае способна принять характер глобального цивилизационного разлома, вследствие которого Украина интегрируется в мировое «цивилизованное» сообщество, в то время как Россия либо остается «особой» цивилизацией, либо самоопределяется в зоне влияния Востока.

Переплетение и взаимодействие различных идентификационных моделей создает в сознании части жителей приграничных регионов ситуацию неуправляемого хаоса,

делает их предрасположенными к манипуляциям со стороны внешних субъектов. Это существенно минимизирует возможности культурно-цивилизационного и политического диалога, затрудняет принятие решений, направленных на развитие межгосударственного сотрудничества, ведет к непониманию в межличностных отношениях. При этом формируется культура недоверия и снижается качество социального капитала, когда задачи повышения конкурентоспособности личности, группы и региона становятся крайне востребованными, особенно в приграничье, где интенсивность взаимодействия наиболее высока.

Процесс политико-культурной делимитации, таким образом, с одной стороны, отражающий специфику культурно-цивилизационной идентификации сравнительно новых геополитических образований, с другой — оказывающий на них существенное влияние, в данном контексте должен рассматриваться как формирование и применение одного из регулятивов, способных упорядочить развитие приграничных территорий. Его направленность и качество в значительной мере будут определять перспективы развития не только приграничных регионов, но России и Украины в целом.

Мы попытались ответить на этот вопрос при помощи данных экспертного опроса, проведенного нами в апреле — мае 2014 г. Экспертами выступили российские и украинские специалисты в области российско-украинских отношений. Выбор экспертов (22 с российской стороны, 20 — с украинской) определялся наличием научных публикаций по данной проблематике, а также сравнительно длительным (не менее десяти лет) участием в практической работе по регулированию взаимодействия приграничных регионов. Следует подчеркнуть, что в опросе принимали участие эксперты из приграничных регионов обоих государств. Поэтому мы не можем рассматривать полученные результаты как репрезентативные в отношении всего украинского или российского экспертного сообщества. Поскольку речь идет о делимитации приграничных регионов, полученные данные содержат значимые в практическом и теоретическом отношениях и достаточные для формулировки выводов результаты. При этом авторы исходят из предположения о том, что мнение экспертов отражает не только их личную позицию, но довольно адекватно представлениям, доминирующим среди

элит приграничных регионов, в несколько меньшей степени среди всего населения.

Комплекс взаимных претензий и обид, имевших под собой реальные и мифологизированные основания, а также влияние геополитических факторов привели к тому, что отношения России и Украины в постсоветский период стали развиваться как череда кризисов и попыток их урегулирования. Современное состояние отношений двух стран является наихудшим за весь постсоветский период и может быть расценено как точка бифуркации, после которой Украина может полностью выйти за пределы сферы политического и отчасти культурного влияния России. По данным мониторинга Левада-Центра (май 2014 г.), доля россиян, которые плохо и очень плохо относятся к Украине, достигла 49,0 % (в то время как сумма ответов «хорошо» и «очень хорошо» составила 35,0 %). Худшее отношение было зафиксировано социологами лишь в конце легислатуры В. А. Ющенко в мае 2009 г. — 55,0 и 33,0 % соответственно⁵. Так общественное мнение россиян отреагировало на череду газовых конфликтов и антироссийскую риторику украинской элиты.

Однако очевидна культурно-цивилизационная общность российского и украинского обществ, взаимная инклюзивность их политических и культурных процессов. В значительной степени поэтому российским населением и элитой западный вектор украинской политики воспринимается болезненно и оценивается как акт предательства. В пограничье социокультурная общность населения двух стран выражена существенно сильнее, нежели в целом. Уровень культурной интеграции здесь в ряде случаев превышает уровень интеграции внутри Украины и России.

В течение большей части XX — начале XXI в. существовали две модели политической делимитации регионов, оказавшихся по разные стороны границы. Первую можно определить как традиционную, сформировавшуюся в советский период и опирающуюся на постулат о российско(русско)-украинском братстве, приоритетном по отношению к этническим различиям. Граница в этом контексте рассматривалась как чисто условное, формальное явление.

Традиционная модель делимитации опиралась на близость культурно-цивилизационных оснований российских и украинских регионов, относящихся к славянскому культурно-цивилизационному типу. Именно так воспринималась большин-

ством их населения приграничная ситуация, и именно так ее трактует большинство экспертов еще и сегодня. 71,4 % участников проведенного нами исследования однозначно полагают, что Россия и Украина принадлежат к одной славянской цивилизации, 14,3 % уверены в этом частично, только 7,1 % не согласны с этим утверждением и столько же затруднились с ответом. Несколько в меньшей степени эксперты уверены, что Россия и Украина принадлежат к одной славянской культуре (33,3 и 66,7 % соответственно), согласны с этим частично 64,3 и 21,4 %, не согласны 2,4 %, а 11,9 % затруднились ответить. Но в любом случае преобладают те, кто убеждены в культурно-цивилизационном единстве Украины и России.

Однако не следует считать, что традиционная модель делимитации была фикцией и не стимулировала политико-культурное самоопределение Украины и России. Некоторые различия в ее рамках фиксировались массовым и элитарным сознанием. Представление о них сохраняется и усиливается. В частности, 9,5 % экспертов в полной мере согласились с утверждением: «Несмотря на общие корни, культурно-цивилизационные различия между Украиной и Россией существенны», 30,9 % приняли его частично.

Вторая (посттрадиционная) модель делимитации начала складываться в постсоветский период и в формальном отношении опиралась на идею взаимного конструктивного партнерства. Были предприняты попытки формирования механизма новой делимитации, в частности в виде еврорегионов. Несмотря на декларации о необходимости межрегиональных интеграционных процессов, институт «еврорегионов» не получил должного правового статуса и не стал «точкой роста» в сфере трансграничного взаимодействия регионов двух стран. Называя примеры решений и действий российской и украинской власти, направленных на формирование культурно-цивилизационной идентичности пограничья, лишь 16,7 % экспертов отметили еврорегионы.

Обе модели перестали функционировать в конце 2013 — начале 2014 г. как следствие «евромайдана», последующих крымских событий и военных действий в Донбассе. По мнению большинства опрошенных экспертов, результатом этих событий стало усиление процессов культурно-цивилизационной дифференциации в приграничных регионах. В отношении приграничных регионов России этот факт от-

метили 47,6 % экспертов, в отношении Украины — 50,0 %. Но экспертные оценки в данном случае не являются консолидированными и отражают сложность и противоречивость исследуемого феномена. Часть экспертов, напротив, выразили мнение, что «революция» на Украине способствовала возврату представлений об общем прошлом двух стран, необходимости объединения. Применительно к приграничным регионам России такую оценку высказали 21,4 % экспертов, Украины — 16,7 %. Следовательно, часть экспертов (они довольно адекватно отражают мнение социально активных групп) продолжают придерживаться не оправдавших себя моделей политико-культурной легитимации.

Многие экспертные оценки оказались полярными по отношению друг к другу, что отражает не только всю противоречивость российско-украинских отношений, но и кризис взаимного доверия на межгрупповой и даже межличностной почве. Так, если «рост взаимного интереса» как приоритетную тенденцию отметили 19,1 % экспертов, то «сокращение взаимного интереса» — 28,6 %. Если на «рост взаимопонимания» указали 21,4 %, то на «снижение взаимопонимания» — также 21,4 %. «Рост отчужденности» отметили 28,6 %, «снижение отчужденности» — 7,1 %. Как и в предыдущем случае, со стороны украинских экспертов наблюдаются более негативные оценки состояния массового сознания. Например, если рост отчужденности отметили 27,3 % российских экспертов, то среди украинских специалистов эта доля составила 35,0 %. На сокращение взаимного интереса среди россиян указали 22,7 %, среди украинских экспертов — 30,0 % и т. п.

Таким образом, антиукраинские и антироссийские настроения по обе стороны границы хотя и не являются преобладающими, но четко фиксируются. По данным нашего опроса, широкое распространение в приграничных регионах России украинофобии отметили лишь 4,8 % экспертов, ее отсутствие — 64,3 %. Но в отношении приграничных регионов Украины фиксируется уже иная ситуация: на широкое распространение русофобии указали 21,4 % экспертов, на ее отсутствие — 35,7 %. Безусловно, чаще всего этот факт отмечали эксперты с российской стороны. Тем не менее наличие такого рода настроений очевидно. Негативная мобилизация масс при наличии реального или мнимого врага

происходит очень быстро, и радикальные идеи достаточно прочно усваиваются массовым сознанием.

На наш взгляд, новая модель политико-культурной делимитации приграничных регионов будет конфронтационной. Символы и стереотипы, их роль в приграничных отношениях, нельзя преуменьшать. В частности, каждый информационный повод со стороны оппонента подвергается вербально-смысловой интерпретации, в ходе которой часто приобретает противоположный первоначальному смысл. Так «антитеррористическая» операция превращается в «карательную»⁶, противники центральной власти — в «террористов»⁷ и т. п.

Использование технологии негативной мобилизации и эксплуатации массовых фобий политиками вполне объяснимо. Они таким образом создают условия для давления на своих оппонентов, получают дополнительные «козыри» в политической игре, а также наращивают собственную легитимность. Однако долгосрочным эффектом от такого рода политики становится рост радикальных настроений в обществе. При этом любой отход от заявленных ранее приоритетов и ценностей может быть расценен мобилизованным массовым сознанием как слабость или предательство. В итоге сами политики становятся заложниками ситуации, построенной собственными руками. Им приходится соответствовать тому уровню радикализма, который сформировался в обществе.

Темпы утверждения новой (конфронтационной) модели политико-культурной делимитации различны. На Украине они заметно выше. Так, если среди россиян в сентябре 2014 г. 26,0 % посчитали, что между Россией и Украиной идет война, то среди жителей Украины эта доля составила 70,0 %⁸. Данные нашего исследования демонстрируют схожую тенденцию, хотя и сглаженную фактором социокультурной общности приграничных регионов двух стран. Отвечая на вопрос «В какой мере будут сегодня восприняты населением приграничных регионов России утверждения об общем будущем России и Украины?», 66,7 % экспертов отметили, что они будут восприняты большинством населения, лишь 16,7 % считают, что будут восприняты его меньшей частью. В отношении населения приграничных регионов Украины эксперты дали уже иную оценку: утверждения об общем будущем стран будут восприняты большинством — 40,5 %, меньшей частью — 32,4 %.

Новая политико-культурная делимитация будет подкрепляться не только политическими, но и культурно-цивилизационными процессами, поскольку и в приграничных регионах Украины (в большей степени), и в России складываются новые культурно-цивилизационные идентичности. На Украине эта идентификация проходит отнюдь не по модели общенационального консенсуса, а сопряжена с огромным количеством локальных и межгрупповых конфликтов. Для большей части российского общества, особенно для политической элиты, события на Украине послужили дополнительным фактором легитимации консервативного курса и утверждения тезиса «Россия — не Украина».

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, процесс политико-культурной делимитации приграничных регионов носит символический характер и выражается в определении и разграничении их статусов. К числу его показателей относятся: ценностное самоопределение региональных сообществ; определение их специфического места в историко-культурном процессе; дифференциация контрагентов по признаку «свои — чужие»; институционализация аутентичных или рассматриваемых как аутентичные политико-культурных символов и знаков.

Во-вторых, в основе политико-культурной делимитации российско-украинского приграничья лежат процессы социокультурной идентификации, которые в большей степени на современной Украине, в меньшей — в России характеризуются многообразием составляющих их основу ценностных паттерн, стохастичностью, появлением новых объектов. Преобладающая модель идентификации воспроизводит паттерны этногруппового корпоративизма, среди которых наиболее влиятельной является паттерн «галицийской ментальности», распространяемый на Украину в целом. Однако в приграничных регионах данная модель пока не пользуется значительной поддержкой. Но даже в этих регионах в ходе социокультурной идентификации и политико-культурной делимитации по обеим сторонам границы все отчетливее проявляются конфронтационные тенденции.

В-третьих, по преимуществу конфронтационный характер политико-культурной делимитации приграничных регионов Украины и России обусловлен тактическими интересами обеих сторон и все более находит подкрепление

в культурно-цивилизационных тенденциях современности. Но форсирование конфронтации чревато усилением социокультурных разломов в России и на Украине. Россия в результате может утратить лидерство на постсоветском пространстве и забыть о претензии на «Русский мир». Концентрация на консервативных элементах политического курса может подавить инновационные импульсы. Украина, любой ценой стремящаяся оторваться от общей с Россией культурно-цивилизационной матрицы, рискует еще большей социокультурной маргинализацией. Конфронтационная делимитация в перспективе ведет к распаду приграничных региональных систем, возврату их в некие исходные органичные состояния. Но проблема заключается в том, что в настоящее время трудно в полной мере представить сущность этих образований, скрытую от исследователя многовековыми наслоениями гибридных культурных матриц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проведения НИР по заданию № 2014/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках конкурсной части государственного задания Минобрнауки России.

² Авакьян С.А. Конституционное право: энцикл. словарь. М.: Норма, 2001. URL: http://constitutional_law.academic.ru/340 (дата обращения: 10.06.2014).

³ См.: Сунгуров А.Ю. Хронотоп как инструмент регионального политического анализа // Полис. 2003. № 6. С. 65.

⁴ См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 102.

⁵ См.: Отношение россиян к другим странам. URL: <http://www.levada.ru/print/05-06-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam> (дата обращения: 11.06.2014).

⁶ См.: Бойне не видно конца. URL: <http://www.rg.ru/2014/05/19/ukrainasite.html> (дата обращения: 13.06.2014).

⁷ См.: В АТО кажут, що у терористів істерика: стріляють, бохочуть вирватися. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/06/8/7028477> (дата обращения: 13.06.2014).

⁸ См.: Жители России и жители Украины о войне, ответственности, будущем. URL: <http://www.levada.ru/22-10-2014/zhiteli-rossii-i-zhiteli-ukrainy-o-voine-otvetstvennosti-budushchem> (дата обращения: 13.11.2014).

Поступила 14.12.2014.

V. P. Babintsev, E. V. Reutov, V. A. Sapryka.
**Political and Cultural Delimitation of the Near-Border Regions
of Russia and Ukraine in Estimates by the Expert Community**

At present, the political and cultural delimitation of Russia and Ukraine is being implemented at a quickened pace, which is most vividly manifested in the near-border regions of both countries. We understand the political and cultural delimitation of the near-border regions as a process of defining and delineating of the statuses of the neighboring geopolitical entities when stable ideas about the specifics of their political and cultural systems are formed and distributed among the population in the neighboring countries.

During most of the 20th and in the early 21st centuries, two models of political delimitation of regions that now find themselves on the different sides of the border have been used. The first one can be defined as traditional — the one formed during the Soviet period and based on the postulate of the Russian-Ukrainian brotherhood being a priority overriding ethnic differences. In this context, the border was seen as a purely formal phenomenon. The traditional model of delimitation was based on proximity of cultural and civilizational foundations of Russian and Ukrainian regions related to one (Slavic) cultural and civilizational type. The second (post-traditional) model of delimitation started to develop in the post-Soviet period and was formally based on the idea of mutual constructive partnership. Euroregions became mechanisms of the new delimitation. Both models have ceased to function as a consequences of the Euromaidan and the subsequent events in Crimea and military actions in the Donbass region. According to most experts, these events resulted in intensification of processes of cultural and civilizational differentiation in the near-border regions.

According to expert data, a new model of political and cultural delimitation of the near-border regions will be a confrontational one. The predominantly confrontational political and cultural delimitation of the near-border regions of Ukraine and Russia is due to the tactical interests of both parties and increasingly finds support in the cultural and civilizational trends nowadays. But forcing confrontation can lead to enhancing socio-cultural breaks both in Russia and (mainly) in Ukraine. As a result, Russia may lose its leadership in the post-Soviet space and forget the idea of the “Russian world”. Focusing on the conservative political elements can suppress innovation impulses. Ukraine, seeking to break away from the cultural and civilizational matrix common with Russia at any price, runs risks of even greater social and cultural marginalization. Confrontational delimitation eventually leads to the collapse of the near-border regional systems.

И. А. СЕМИНА **РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ
г. САРАНСКА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
СТОЛИЧНЫХ ФУНКЦИЙ¹**

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, столица, функции, транспортные проблемы, общественный транспорт, улично-дорожная сеть

Key words: transport infrastructure, capital city, functions, transport problems, public transport, road network

Рассматриваются позиционные, пространственные, технико-экономические и организационно-управленческие аспекты развития транспортной инфраструктуры г. Саранска при реализации его столичных функций.

Positional, spatial, technical and economic, organizational and managerial aspects of development of the transport infrastructure in the city of Saransk in implementation of its functions of a capital city are discussed.

Новые принципы реализации столичных функций города предусматривают расширение их разнообразия, что не только выражается в административно-управленческой и организационной деятельности, но и включает выполнение туристских, презентационных, культурно-образовательных, духовных и других функций.

Важнейшим из факторов, под влиянием которых будет происходить развитие столичных функций г. Саранска, является фактор территориальных связей трех основных уровней:

— республиканские, обусловленные управленческой ролью столицы, а также ее растущим культурным, финансово-коммерческим, транспортным, строительным потенциалом. Развивая функции республиканского масштаба², город должен стать аккумулятором деловой, культурной и духовной жизни населения республики;

СЕМИНА Ирина Анатольевна, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Мордовского государственного университета, кандидат географических наук, доцент.

SEMINA Irina Anatolievna, Candidate of Geographic Sciences, Docent, Head of the Department of Economic and Social Geography, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

— федерального округа, обусловленные близостью к промышленным центрам, а также к другим административным центрам Приволжского федерального округа (Чебоксары, Нижний Новгород, Ульяновск, Пенза и др.);

— внешние, обусловленные положением города, обеспеченного транспортно-экономическими связями, с регионами России и дальнего зарубежья. При этом столичный статус г. Саранска предполагает его включение в международную транспортную систему, формирование социально-экономических и культурных связей с крупными российскими центрами, появление общественных организаций международного и республиканского сотрудничества, расширение международных контактов с правительственными, предпринимательскими и финансовыми структурами, что следует учитывать при планировании деловой части городской застройки и создании районов элитного жилья.

«Ранг» города, его «положение в обществе» создают условия для превращения Саранска в «город-перекресток» восточной зоны республики с развитием функций, регулирующих промышленно-аграрно-транспортно-туристские связи. Это может привести к дальнейшему развитию в столице объектов гостинично-сервисной деятельности, деловых и инновационных центров прогрессивных отраслей промышленного производства республики.

Столичный характер города обеспечивает развитие органов государственного управления и сосредоточение учреждений рыночной и инновационной инфраструктуры. В основе стратегии развития города останется «столичная» роль Саранска, рост и разнообразие качественных показателей социально-экономического потенциала города и дальнейшее развитие сектора услуг. Качественные сдвиги будут происходить во всех сферах жизни города, его планировочной структуре, транспортном оснащении, инженерном обустройстве.

Чем разнообразнее функции города, тем более устойчиво его социально-экономическое положение. В условиях рыночной экономики целесообразно усиливать экономические связи города с сопредельными территориями³. Транспортная инфраструктура города поддерживает его инвестиционную привлекательность и способствует развитию связей между Мордовией и соседними регионами. Модернизация аэропорта, строительство и реконструкция автомобильных дорог в

соответствии с приоритетами регионального развития будут способствовать развитию транспорта г. Саранска.

Системной проблемой совершенствования городской транспортной инфраструктуры является несоответствие между низким уровнем ее развития, эффективностью и качеством функционирования и возрастающим спросом экономики и населения на транспортные услуги. Состояние транспортной сети не соответствует существующим и перспективным грузо- и пассажиропотокам. Транспортные технологии не отвечают современным требованиям эффективного функционирования транспорта в условиях рынка, препятствуют удовлетворению растущего спроса на качественные транспортные услуги, снижению себестоимости перевозок, оптимальному использованию существующей транспортной инфраструктуры; уровень доступности и качество транспортных услуг не отвечают потребностям населения города. Общественный пассажирский транспорт в городе и в пригородной зоне не в состоянии обеспечить спрос на качественные пассажирские перевозки. Основные фонды всех видов транспорта обновляются недостаточными темпами, в результате их износ достиг 55—70 % и продолжает нарастать. Транспортная проблема создает угрозу ограничения экономического роста и реализации социальных программ развития г. Саранска.

Разработке современного генплана предшествовало выполнение концепции развития города, в которой были определены потенциал и масштабы возможного развития г. Саранска, варианты использования территориальных ресурсов города. Варианты различались степенью освоения возможных площадок нового строительства при сохранении ведущей роли и значения центрального планировочного каркаса, на котором сосредоточена основная масса объектов общественно-деловой сферы.

Рассматривались два варианта. Первый вариант предполагал преимущественное развитие города в северо-западном (с выходом за границы ГО), западном и юго-западном направлении (п. Николаевка и п. Ялга) с изъятием земель сельскохозяйственного назначения. Таким образом, в южном направлении в сторону г. Рузаевка формировался новый жилой район со своим центром обслуживания, системой зеленых насаждений и крупным университетским комплексом

сельхозинститута. Второй предусматривал развитие города в восточном и северо-восточном направлениях с изменением направления взлетно-посадочной полосы аэродрома, что давало преимущества по сравнению с западным направлением, где значительным сдерживающим фактором являются большие лесные массивы городского лесного фонда.

После рассмотрения основных положений концепции развития г. Саранск к дальнейшей разработке рекомендован первый вариант территориального развития города с отдельными фрагментами второго варианта⁴. Архитектурно-планировочные и проектные предложения генерального плана базируются на исторически сложившейся структуре города, на основе анализа проектных предложений предыдущего генплана с учетом современных требований и статуса города как столицы Мордовии.

Главная цель предложений по усовершенствованию планировочной структуры — обеспечить связность городских территорий между центром, планировочными районами и местами отдыха, а также планировочных районов между собой. Проектные предложения по жилой застройке базируются на сложившейся структуре жилых территориальных образований города.

В проекте даны предложения по развитию транспортной инфраструктуры, являющейся основным каркасом планировочной организации города. Архитектурно-планировочная структура города, заложенная в проекте, опирается на проектную структуру автомагистралей с использованием сложившейся транспортной инфраструктуры. При сохранении и использовании исторически сложившейся уличной сети центральной части города в проекте даны предложения по улучшению транспортного обслуживания производственных и жилых районов, а также по созданию эффективных связей жилых районов с местами приложения труда, центром города, с зонами отдыха и между жилыми районами. Даны предложения по ликвидации транспортной перегрузки и выводу грузового движения с центральных улиц. Так, предложена автотрасса для грузового движения вдоль полосы отвода железной дороги от ул. Полежаева до ул. Транспортная. В результате реализации намеченных проектных предложений повысится комфортность проживания в городе, что придаст Саранску неповторимый облик.

Особая роль отводится транспортной инфраструктуре при реализации возможностей г. Саранска как центра проведения спортивных мероприятий общероссийского и международного значения. Решение международного комитета о проведении в России чемпионата мира по футболу и включение Саранска в число городов, где пройдет чемпионат, потребовало от властей республики новых транспортно-планировочных решений. Вместимость стадиона «Юбилейный» составит 45 тыс. чел., за 40 мин должна произойти транспортная разгрузка в сторону центра, аэропорта и других направлений. Для этих целей и учета требований ФИФА и УЕФА предполагается изучение опыта дорожного строительства г. Казани и на этой основе создание двухуровневых транспортных развязок, что даст возможность организации бесветофорного движения. Кольцевые развязки (как планировалось ранее) уже не решат поставленных задач, требуются современные Т-образные двухуровневые конструкции. Общая площадь спортивно-транспортной инфраструктуры составит примерно 27,5 га. Необходимы серьезные улучшения и модернизация инфраструктуры железнодорожного транспорта, которая должна будет «достойно обслужить» транспортный поток из г. Рузаевки на чемпионат мира и обратно, требуется организация скоростного движения на участке «Самара — Рузаевка».

Прогнозно-проектные решения транспортного развития невозможны без транспортно-логистических решений и совершенствования организационного механизма управления на городском транспорте. В данном случае речь идет об организации согласованности действий непосредственных участников транспортного процесса. Необходимо обеспечить техническую и технологическую сопряженность участников транспортного процесса, согласование их экономических интересов, а также использование единых систем планирования. В данном случае техническая сопряженность в транспортном процессе может означать согласованность параметров транспортных средств внутри отдельных видов и в межвидовом разрезе. Эта согласованность позволяет применять модальные перевозки, работать с контейнерами и грузовыми пакетами. Технологическая сопряженность подразумевает применение единой технологии транспортировки, прямые перегрузки, бесперегрузочное сообщение.

Экономическая сопряженность — это общая методология исследования конъюнктуры рынка и построения тарифной системы. Совместное планирование означает разработку и применение единых планов графиков.

К задачам транспортной логистики в решении проблем развития транспортной инфраструктуры г. Саранска отнесем: создание городских транспортных систем, в том числе современных транспортных развязок, магистралей и транспортных цепей; обеспечение технологического единства транспортно-складского процесса; совместное планирование транспортного процесса с социальным и производственным; выбор вида транспортного средства; выбор типа транспортного средства; определение рациональных маршрутов доставки грузов и пассажиров.

Оценка значимости различных факторов на выбор транспорта и транспортного средства показывает, что в первую очередь принимают во внимание надежность соблюдения графика доставки, время доставки и стоимость перевозки.

Правильность сделанного выбора должна быть подтверждена технико-экономическими расчетами, основанными на анализе всех расходов, связанных с транспортировкой людей и грузов различными видами транспорта. Расчеты за услуги, оказываемые транспортными организациями, осуществляются с помощью транспортных тарифов. Борьба за клиентов, неизбежная в условиях конкуренции, также может вносить коррективы в транспортные тарифы. Тарифное регулирование в г. Саранске должно быть направлено на решение двух основных задач: повышение ценовой доступности услуг городского пассажирского транспорта (ГПТ) для менее обеспеченных слоев населения, обеспечение ценовой привлекательности услуг ГПТ для среднего класса.

Ценообразование на дополнительной маршрутной сети будет основываться на рыночных принципах. В перспективе этот сегмент рынка будет характеризоваться предоставлением транспортных услуг повышенного качества.

Эффективной мерой по улучшению транспортного обслуживания жителей города и повышению экономических показателей транспортной работы является организация экспрессных маршрутов. Экспрессный маршрут значительно уменьшает время поездки пассажира и улучшает комфортность, так как из-за сокращения остановок уменьшается ко-

личество неприятных торможений и ускорений. На обычных маршрутах, которые дублируются экспрессным маршрутом, уменьшается средняя длина поездки из-за перехода пассажиров, следующих на дальнее расстояние, на экспрессные маршруты. Организация экспрессного движения экономически выгодна, поскольку при этом повышается скорость движения и оборачиваемость подвижного состава. Для экспрессных маршрутов в г. Саранске используется автобусный транспорт как наиболее маневренный и не связанный с контактной сетью.

Для организации экспрессного маршрута необходимы: значительный поток пассажиров на поездки на большое расстояние; экономия времени не менее 5—8 мин; частота движения, кратная частоте движения основного маршрута; интервал движения не больший, чем экономия времени при поездке.

Троллейбусный маршрут сложнее автобусного, поскольку нуждается в обеспечении при движении электроэнергией. Саранск имеет развитую троллейбусную сеть. Она проходит по основным его магистралям, надежно связывает все микрорайоны. Троллейбусный транспорт в Саранске введен в эксплуатацию в 1966 г. Однако следует отметить, что протяженность эксплуатационных линий в г. Саранске значительно меньше, чем в Нижнем Новгороде и Уфе, но немногим больше, чем в городах Ульяновск, Рязань и Пенза. Сегодня 60 % городских троллейбусов находится в совершенно непригодном состоянии, а 40 % транспортных средств не хватает для разгрузки городских маршрутов.

Анализ работы общественного транспорта Саранска показывает наиболее рациональные маршруты и может говорить о недостаточной его работе. Однако коэффициент маршрутизации больше 1 в 4,5 раза и подтверждает достаточную связанность троллейбусных линий в городе, коэффициент порейсовой регулярности тоже близок к 1 и больше, чем у автобусного транспорта, как и коэффициент работоспособности транспортной сети. Коэффициент использования подвижного состава по времени — меньше, чем у автобусного пассажирского транспорта, и ниже нормативного (норма должна составлять не менее 0,8). Коэффициент наполнения транспортных средств очень высок у автотранспорта и выше нормы у троллейбусного транспорта. Следовательно,

пассажиры города ощущают дискомфорт во время поездки. В городе существует ряд транспортных проблем, которые требуют решения⁵.

Для обеспечения нормальной перевозки пассажиров следует увеличить подвижной состав на линиях городского пассажирского транспорта. Это должно привести к улучшению качества транспортного обслуживания, комфортности поездок. Главным условием повышения комфортности поездки в общественном транспорте может являться снижение наполняемости его подвижного состава до нормы (3 стоящих пассажира на 1 м² свободной площади пола в часы пик).

Необходимо не только увеличивать количественный состав подвижного транспорта, но и улучшать качественные характеристики дорожной сети⁶. Пассажирское движение обязательно должно осуществляться общественным транспортом по каждому направлению на случай временного выхода из строя какой-либо транспортной единицы. Жителям удобно, если по транспортной линии, которой они пользуются, проходят сразу несколько маршрутов, расходящихся в разных направлениях. Поэтому необходимо урегулировать направления городских пассажирских маршрутов и соблюдать интервал движения транспорта. Маршруты должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы обеспечить возможность беспересадочных поездок из каждого района в возможно большее число других районов. Важно, чтобы маршрутная сеть была построена в соответствии с действительным направлением пассажиропотоков.

В обеспечении работы пассажирского транспорта велико значение улично-дорожной сети. Транспортная сеть г. Саранска довольно развита и имеет сложную разветвленную конфигурацию. Несмотря на это, имеются районы, не охваченные ее линиями, что объясняется как относительной «молодостью» этих районов, так и отсутствием мест скопления людей, а также незначительной удаленностью действующих транспортных путей.

При сравнении маршрутов движения автобусов и троллейбусов, являющихся главными транспортными средствами города, можно отметить, что во многом они дублируют друг друга, но при этом есть дороги, охваченные только автобусным или только троллейбусным сообщением. При анализе схем автобусных и троллейбусных маршрутов, можно ут-

верждать, что город неравномерно обеспечен маршрутным сообщением. Среди всех жилых районов выделяется центр города как благополучный в этом отношении.

Следует отметить, что проблемам функционирования автотранспортных предприятий в г. Саранске уделяется незначительное внимание, хотя состояние рынка автомобильных услуг требует более рационального и планируемого подхода к организации деятельности предприятий. Необходимо создание экологических директив, регламентирующих условия предоставления транспортных услуг в соответствии с экологическими нормами. Возможно и введение в структуру административного управления города (республики) отдела по экологическому контролю за деятельностью автотранспортного комплекса.

В качестве приоритетных направлений развития транспортной инфраструктуры г. Саранска можно выделить направления государственной транспортной политики, обеспечивающие достижение стратегических целей по следующим основным аспектам регулирования и управления: управление транспортной системой; совершенствование финансирования и инвестиционной деятельности; повышение эффективности использования государственного имущества; регулирование рынка транспортных услуг; дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры; международная деятельность; совершенствование транспортной техники, транспортных технологий; гармонизация развития транспортной системы и повышение ее безопасности; ускорение движения потоков пассажиров, товародвижения, снижение транспортных издержек в экономике; использование выгод транспортно-географического положения для реализации столичных функций города и его туристских возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 15-05-02526-а).

² См.: Логинова Н.Н., Пресняков В.Н., Сёмина И.А., Сотова Л.В., Федотов Ю.Д., Фоломейкина Л.Н. Социальные и экономико-географические исследования региона (на примере Республики Мордовия) // Вестн. Удмурт. ун-та. 2012. № 3. С. 127—136.

³ См.: Сёмина И.А. «Транспортно-географическое положение» в региональных исследованиях // Проблемы регион. экологии. 2011. № 4. С. 131—137.

⁴ См.: Генеральный план г. Саранска. URL: <http://giprogor.ru/ru/node/540> (дата обращения: 16.02.2014).

⁵ См.: Сёмина И.А., Фоломейкина Л.Н. Развитие транспортной инфраструктуры городского округа Саранск: эколого-географические особенности и проблематика // Проблемы регионального развития. Финно-угорское пространство в географических исследованиях: материалы I Междунар. заоч. науч.-практ. конф., г. Саранск, 13 июня 2012 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. С. 284—291.

⁶ См.: Логинова Н.Н., Сёмина И.А., Фоломейкина Л.Н. Экистическая и транспортная системы в экономике региона (на примере Республики Мордовия) // Гос. служба. 2013. № 6. С. 81—89.

Поступила 17.02.2014.

I. A. Semina. Development of Saransk Transport Infrastructure in Implementation of its Functions of a Capital City

Development of Saransk's functions of a capital city is determined by the territorial relationships at three levels caused by the location of the city: at the republican one, at that of a federal district and at the external one. Saransk's rank creates conditions for its transformation into a "crossroad city" of the Eastern zone of the Republic with development of the functions regulating industrial, agricultural, transport, and tourist communications.

Qualitative changes will occur in all spheres of life of the city, in its planning structure, transport equipment and engineering arrangement. Development of the airport, construction and reconstruction of roads in accordance with the priorities of regional development will contribute to progress of the transportation function of Saransk.

The mismatch between the low level of its development, efficiency and quality of functioning and the growing demand of the economy and population for transport services is a systemic problem in development of the urban transport infrastructure.

In exercising Saransk's capacity of a centre of sporting events of national and international importance, a special role is given to the transport infrastructure. All the prognostic and projective solutions for transport development are impossible without transportation and logistics solutions and improvement of the organizational control mechanism on public transport.

*Н. А. МАМЕДОВА,
А. О. ЛЕСОВАЯ*

ПУТИ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЗАБАЙКАЛЬЕ»

Ключевые слова: межрегиональная ассоциация, экономическое взаимодействие субъектов Российской Федерации, проблема развития территорий, точки экономического роста

Key words: interregional association, economic interaction of subjects of the Russian Federation, issue of development of territories, points of economic growth

Анализируется социально-экономическое положение регионов Дальнего Востока и Забайкалья, а также основные направления развития Межрегиональной ассоциации экономического развития субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье».

Analyzes the socio-economic situation of the Far East and Trans-Baikal, and the main directions of development of the Interregional Association of Economic Development of the Russian Federation «Far East and Trans-Baikal region».

В конце XX в., в период модернизации российской экономики и ее перехода к рыночным отношениям, сложилась ситуация, когда государство оказалось не в состоянии в полной мере осуществлять правовое, финансовое и налоговое

МАМЕДОВА Наталья Александровна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, кандидат экономических наук (г. Москва).

ЛЕСОВАЯ Алина Олеговна, магистрант Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (г. Москва).

MAMEDOVA Natalia Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (Moscow, Russian Federation).

LESOVAYA Alina Olegovna, Graduate Student, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (Moscow, Russian Federation).

обеспечение своих территорий. Активизировались проблемы эффективного преобразования системы территориальной организации средств производства. Появилась необходимость в формировании новых систем управления хозяйственными комплексами в условиях децентрализованной экономики, а также в разработке и реализации программ социально-экономического развития территорий, в обеспечении социальной защиты населения. Очевидно, что хозяйственные комплексы территорий субъектов Российской Федерации в управлении имеют особые черты и принципы. Регионы, формируя новейшие нетрадиционные организационные модели, объединялись для решения общих актуальных экономических, социальных и экологических проблем. Именно такими моделями взаимодействия регионов стали ассоциации экономического взаимодействия (АЭВ) субъектов Российской Федерации.

Сущность межрегиональных ассоциаций заключается в том, что они в процессе реализации своей деятельности образуют эффективную форму экономического взаимодействия регионов. Одна из важнейших их задач заключается в налаживании связей с крупными финансовыми институтами для создания привлекательного инвестиционного климата в регионе. Благодаря этому происходит межрегиональная интеграция, которая преследует одну из главных целей — обеспечение стабильности в деятельности определенной отрасли и роста экспортных поступлений.

Ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье» (Ассоциация) является добровольным объединением законодательных (представительных) органов государственной власти республики, краев, областей, автономной области, автономного округа, расположенных на территории Дальнего Востока и Забайкалья¹.

Определяющей особенностью развития Ассоциации является экономико-географическое положение макрорегиона, характеризующееся удаленностью субъектов от центра и близостью к активно развивающимся странам — Китаю и Японии. Эту особенность можно рассматривать и как выгодный параметр развития Ассоциации, и как параметр, замедляющий ее. С одной стороны, выход широтных транспортных систем (Транссибирской, Байкало-Амурской и железнодорожных магистралей, а также Северного морского пути) к дальневосточным портам. Следовательно, территория

Ассоциации является важным форпостом России в АТР. С другой стороны, уровень конкурентоспособности продукции российских товаропроизводителей макрорегиона определяет показатели импортозамещения большинства товарных позиций производственного сектора предприятий макрорегиона.

Приоритетные пути развития Ассоциации определяются характером существующих проблем ее территорий. Это высокие цены для населения на большинство товаров и услуг. Потребительская корзина жителей Дальнего Востока и Забайкалья значительно дороже, чем в других регионах России. Малая самообеспеченность регионов отечественным продовольствием в силу дальних и дорогостоящих перевозок. Рост импорта из стран АТР. Масштабный отток населения с востока России продолжается уже более 20 лет. В 1989—2012 гг. численность населения регионов Дальнего Востока сократилась на 21 % по причинам активной миграции населения в другие регионы России и превышения уровня смертности над уровнем рождаемости².

Увеличивается дифференциация в уровне развития регионов России. Экономическое и социальное пространство России постепенно становится все менее единым. Экономические связи между регионами менее крепки и интенсивны, чем в прошлом, в то время как между отдельными субъектами Российской Федерации и зарубежными странами они все больше развиваются. Недостаточно развита транспортная инфраструктура: малая доступность водного транспорта, авиаперевозок, высокая стоимость билетов, низкая развитость маршрутной сети и частоты транспортных рейсов. Слабо развита инфраструктура туризма и отдыха. Жители в основном приграничных регионов отдают предпочтение посещению Китая, нежели отечественных курортов. За 2013—2014 гг. российский туристический поток в Китай увеличился на 10 % и составил более 1,1 млн чел. в год.

Возросла централизация управления крупными компаниями и коммерческими организациями, функционирующими на Дальнем Востоке. Появилась практика перевода головных офисов компаний регионов в Москву, откуда принимаются все главные управленческие решения, в том числе по рабочему процессу.

Регион испытывает существенный недостаток качественных рабочих мест. Проблема появилась в силу малого ко-

личества современных и перспективных производственных организаций. Из-за близкого расположения с Китаем эта проблема обостряется преимущественным привлечением более дешевой китайской рабочей силы, а не российской. Существуют значительные трудности, связанные с привлечением российских и иностранных инвесторов. Имеются значительные сложности в создании новых, весьма необходимых для развития эффективных производств инфраструктур. Если государство регулярно инвестирует в Дальний Восток и Забайкалье в рамках различных государственных программ, то привлечь частного инвестора — более трудная задача, степень сложности которой обусловлена проблемами, описанными выше (дефицит квалифицированной рабочей силы, низкий уровень развитости транспортной и энергетической инфраструктуры, удаленность региона от центра и др.).

Таким образом, проблемы регионов Ассоциации формируют соответствующие приоритетные направления развития этого региона. Можно выделить три наиболее значимых направления социально-экономического развития территорий ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье».

Во-первых, это *создание территорий опережающего развития (ТОР)*. Согласно проекту Федерального закона о ТОР, это территории регионов Дальнего Востока, где установлены особые правовые режимы осуществления предпринимательской и иной деятельности³. ТОР предполагает минимальное налогообложение, безбарьерную среду и максимальное участие государства в создании соответствующей инфраструктуры. Анализ зарубежного опыта показывает, что создание подобных территорий направлено на решение комплекса проблем, таких как ликвидация безработицы, создание эффективных рабочих мест, защита интересов производителей и потребителей, повышение конкурентоспособности собственного производства, привлечение капитала и т. д. Эффективность ТОР обуславливается такими факторами, как поиск регионами Ассоциации новых путей роста и достижения стабильности, что предусматривает дополнительные инвестиции для обеспечения развития; наличие выгодного транспортного коридора — Транссиб и Северный морской путь; инвестиционная привлекательность Дальнего Востока вследствие положения его регионов между европейскими странами и странами АТР; трансформация от-

ношений Российской Федерации со странами Европы в силу неблагоприятной военно-политической ситуации на Украине⁴.

ТОР будут создаваться на отдельных территориях Ассоциации. На начальном этапе следует начинать формирование ТОР с пилотных проектов. Можно рассматривать запуск пилотных проектов в Приморском крае, так как он имеет преимущественное экономико-географическое положение и нуждается в инвестировании для развития г. Владивостока (остров Русский), г. Находка (развитие портово-транспортного комплекса, нефтехимический кластер), Шкотовского района (многофункциональная площадка), Михайловского района (создание агропарка), Надеждинского района (создание промышленного парка), юга Приморья (особая портовая экономическая зона), Сахалинской области (инфраструктурные проекты, рыбопромышленный кластер).

Во-вторых, *широкая зона приграничного сотрудничества*, так как Россия граничит с 18 странами, что представляет собой абсолютный мировой рекорд. Необходимость расширения сотрудничества с соседними для макрорегиона странами обусловлена следующими возможными эффектами: увеличение объема внешней торговли; наращивание товарооборота и развитие экспортно-импортных отношений.

Развивать механизм приграничного сотрудничества важно, поскольку немалую часть отечественной торговли обеспечивают приграничные и соседние с ними регионы. В настоящее время сокращаются масштабы взаимной торговли практически по всем российским торговым партнерам. Внешнеторговый оборот России в 2013 г. составил 617,3 млрд долл., т. е. увеличился по сравнению с 2012 г. в стоимостном выражении на 0,6 %, в 2011 г. — 3,1 % по сравнению с приростом в 2012 г. Замедление темпов роста стоимостных объемов внешней торговли России в 2013 г. по сравнению с данными 2012 г. обусловлено существенным снижением экспортных поставок за счет падения экспортных цен и снижения объемов торговли⁵.

Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока следует рекомендовать, во-первых, при доработке государственной программы социального и экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. предусмотреть раздел «О развитии приграничного сотрудничества»; во-вторых, совместно с членами Ассоциации

продолжить работу с Министерством регионального развития Российской Федерации по актуализации Списка ключевых проектов, реализуемых в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая (2009—2018 гг.)⁶.

В-третьих, *совершенствование реализации федеральных целевых программ (ФЦП) и государственных программ развития*. В процессе осуществления мероприятий по программам возникают определенные сложности: недостаточное финансирование программ; указанные в программе задачи не в полной мере соответствуют существующим проблемам; невысокая интенсивность инвестиций в социальную сферу, лесное и рыбное хозяйство. Это обуславливает необходимость формирования мер по совершенствованию конкретных параметров программ. Таким образом, следует рекомендовать Министерству финансов Российской Федерации: своевременно и равномерно финансировать проекты программ развития; увеличить объемы средств на ФЦП при формировании федерального бюджета на очередной период; осуществлять контроль по рациональному и целевому использованию выделяемых бюджетных средств; обеспечивать открытость информации по расходованию средств на реализацию мероприятий ФЦП.

Целесообразность создания АЭВ подтверждается тем, что ее участники являются основой развития и роста интенсивности межрегиональной экономической интеграции. Задачи Ассоциации направлены не только на развитие самодостаточности регионов, но и на их интеграцию в межрегиональные экономические процессы. Формирование ТОР позволит наладить инвестиционный климат Ассоциации, повысить уровень развития промышленности регионов, создать необходимое количество рабочих мест, привлечь квалифицированных специалистов. Активизация приграничного сотрудничества способствует интенсивности интеграции регионов Ассоциации в страны АТР для дальнейшего развития экономических связей, обмена опытом в образовательной, научной и медицинской деятельности, повышает конкурентоспособность российских регионов, а также способствует развитию туризма. Совершенствование реализации ФЦП и государственных программ развития разрешит проблемы недостаточного финансирования проектов, чем ускорит их

реализацию. Уникальная специфика регионов требует проведения соответствующей государственной политики развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Устав Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Дальнего Востока и Забайкалья. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/assocustav.htm> (дата обращения: 20.06.2014).

² См.: Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/program-social-economic-development-of-the-far-east-and-the-baikal-region-for-the-period-till-2025.php> (дата обращения: 23.06.2014).

³ См.: Проект Федерального закона «О территориях опережающего социального-экономического развития и иных мерах государственной поддержки регионов Дальнего Востока». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32812.html> (дата обращения: 22.06.2014).

⁴ См.: Регионы. Экономика. URL: <http://www.russia-today.ru/article.php?i=853> (дата обращения: 28.06.2014).

⁵ См.: Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia (дата обращения: 25.06.2014).

⁶ См.: Протокол заседания Координационного совета по внешнеэкономической деятельности на 12 декабря 2013 г. URL: [http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/71AD60FF9D4380514B257C89007930B3/\\$file/Protokol_Zasedaniya_ot_12.12.2013.pdf](http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/71AD60FF9D4380514B257C89007930B3/$file/Protokol_Zasedaniya_ot_12.12.2013.pdf) (дата обращения: 23.06.2014).

Поступила 24.09.2014.

N. A. Mamedova, A. O. Lesovaya. Ways of Development of the Interregional Association of Economic Interaction of Subjects of the Russian Federation "Far East and Transbaikalia"

It is obvious that the economic complexes of the territories of the subjects of the Russian Federation have special traits and principles in management. The regions form organizational models, cooperate to solve common economic, social and environmental problems. The Association of economic interaction of subjects of the Russian Federation is such a model of interaction between the regions.

Interregional associations, implementing their activities, constitute an effective form of economic cooperation with the regions. Building relationships with large financial institutions to create an attractive investment climate in the region is their most important task. This results in inter-regional integration, one of the main goals of which is ensuring stability in the activities of a particular industry and growth of export earnings.

The analysis of efficiency of activity of the Association and of a complex of socio-economic and managerial problems is exemplified by the interregional Association "Far East and Transbaikalia".

The paper presents data on the policy issues of the state support for the activities of the Interregional Association, on the results achieved and on the socio-economic benefits for individual regions within the Interregional Association.

The authors propose prospective solutions for implementation of the conception of the territory of advanced development, for expanding the practice of functioning of the area of near-border cooperation, for solving the problem of the outflow of the promising youth from a macro-region through timely and effective coordination of direction of the activity of the Association taking into account the internal and external factors.

Н. Г. ПОДЗОРОВ **СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ**

Ключевые слова: продовольственная безопасность, статистическая оценка, многомерная средняя, регионы, группировка, индикатор структуры доходов, приоритеты, задачи

Key words: food security, statistical estimation, multidimensional average, regions, grouping, revenue structure indicator, priorities, tasks

В статье исследованы проблемы обеспечения продовольственной безопасности в регионах ПФО, на основе многомерной средней проведена группировка и выделены типичные группы регионов, для которых определены приоритеты.

The paper deals with problems of food security in the regions of the Volga Federal District. On the basis of a multidimensional average a grouping was carried out and typical groups of regions were allocated, their priorities were defined.

Важной задачей современного этапа социально-экономического развития страны является обеспечение ее продовольственной безопасности в целом и ее отдельных регионов в частности. Российская Федерация обладает необходимыми ресурсами для достижения продовольственной независимости на основе производства достаточных объемов высококачественного отечественного продовольствия и многократного увеличения экспорта продовольственных товаров. Это позволяет более успешно решать внутренние и внешние проблемы. Сегодня главным фактором мировой политики становится продовольствие, так как несколько лет в мире наблюдается устойчивое сокращение производства продуктов питания на душу населения, связанное с существенным ростом численности населения в южных странах. Правительство страны заинтересовано в обеспече-

ПОДЗОРОВ Николай Григорьевич, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

PODZOROV Nikolai Grigorievich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Statistics, Econometrics and Information Technology in Administration, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

нии национальной продовольственной безопасности, но для этого необходимо определить комплекс соответствующих мероприятий и последовательность их реализации. Актуальной проблемой является сравнительная оценка уровня продовольственной безопасности регионов, формирование их однородных групп и подгрупп, определение для каждой типичной группы комплекса приоритетных мер.

Сравнительная статистическая оценка состояния продовольственной безопасности населения регионов должна проводиться по трем направлениям: оценка объемов производства сельскохозяйственной продукции на душу населения и физической доступности продовольствия; исследование экономической доступности продовольствия, т. е. определение минимального уровня доходов населения различных регионов, который позволяет приобретать продукты питания, по крайней мере, не ниже медицинских норм; оценка безопасности и качества продовольствия для потребителей¹.

Задача обеспечения продовольственной безопасности является многоаспектной, многофакторной, так как необходимо обеспечивать производство продовольствия на таком ценовом уровне, который позволяет даже низкодоходным группам населения потреблять продовольствие не ниже медицинских норм. Важное направление — повышение эффективности агропродовольственного комплекса регионов, что наряду с увеличением объемов производства и стабилизацией цен на продовольствие приводит к росту доходов сельских жителей, которые во всех регионах являются одной из низкодоходных групп населения. Для характеристики общего уровня производства сельскохозяйственной продукции в регионах применим многомерную среднюю величину, которая рассчитывается как средняя из нескольких отношений значений выбранных признаков для каждой единицы совокупности к среднему значению каждого признака во всей изучаемой совокупности².

Для сравнительной статистической оценки продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа (ПФО) рассчитана многомерная средняя для каждого региона по производству главных, на наш взгляд, четырех видов сельскохозяйственной продукции и отобраны четыре показателя: производство на душу населения зерна, картофеля, скота и птицы (в живой массе), молока.

На основе полученных значений многомерной средней по производству продукции регионы ПФО объединены в четыре группы, а для характеристики уровня потребления продовольствия нами рассчитаны также многомерные средние по потреблению четырех основных видов продовольствия: хлебных продуктов, картофеля, мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов (таблица). Формирование групп регионов на основе многомерной средней позволяет решать три взаимосвязанные задачи: выделить типичные группы регионов со схожими социально-экономическими условиями, получить структурные характеристики каждого региона по уровню продовольственной безопасности, оценить взаимосвязи факторных и результативных признаков.

Таблица

Группировка регионов ПФО на основе многомерной средней по производству сельскохозяйственной продукции

Группы регионов по многомерной средней по производству	Количество регионов	Многомерная средняя		Среднедушевой доход, тыс. руб.	Номинальная заработная плата, тыс. руб.	Индикаторы структуры доходов
		по производству продукции	по потреблению продовольствия			
От 0,500 до 0,800	5	0,600	0,900	19,1	17,8	1,07
От 0,801 до 1,100	4	1,070	1,042	16,1	17,1	0,94
От 1,101 до 1,400	3	1,190	1,003	14,0	16,3	0,86
От 1,401 до 1,700	2	1,540	1,170	18,7	18,8	0,99
Итого	14	1,000	1,000	17,3	17,5	0,99

В первую группу попали регионы ПФО с наименьшим объемом производства указанных видов сельскохозяйственной продукции на душу населения, в последнюю группу — с наибольшим объемом производства.

Группировка регионов ПФО на основе многомерной средней позволила сформировать четыре типичные группы регионов со схожими условиями и результатами в обеспечении продовольственной безопасности. В первую группу с наименьшими показателями производства вошли Пермский край, Самарская, Нижегородская, Ульяновская и Кировская области. Это индустриальные регионы, отличающиеся слабым развитием агропромышленного комплекса, но более высоким

уровнем среднедушевых доходов населения. Они ориентируются на продовольствие извне, не стремятся достичь продовольственного самообеспечения, но активно развивают предпринимательство и среднедушевые доходы населения этих регионов в 1,07 раза выше, чем среднемесячная начисленная заработная плата.

Регионы второй группы, куда вошли Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика и Саратовская область, полностью обеспечивают производство необходимого объема продовольствия и один из наиболее высоких уровней его потребления на основе весьма развитого предпринимательства, так как среднедушевые доходы составляют 94,0 % от уровня среднемесячной заработной платы. Естественно, что в этих регионах не отказываются от привозного продовольствия, а также и от вывоза собственного.

Регионы третьей группы, куда вошли Чувашская Республика, Оренбургская и Пензенская области, имеют хорошо развитый аграрный сектор, так как производство сельхозпродукции у них выше по сравнению с двумя первыми группами, а потребление все-таки ниже по сравнению со второй группой регионов. Это связано с наиболее низкими доходами и заработной платой, а доходы составляют 86,0 % от ее уровня. Значительная часть продовольствия производится в личных подсобных хозяйствах населения, где и потребляется, при этом не выходит из внутридеревенского оборота, что занижает налогооблагаемую базу и поступления в бюджет.

На наш взгляд, соотношение между уровнями среднедушевых доходов и номинальной начисленной заработной платы является индикатором структуры доходов, так как чем выше его значение, тем выше удельный вес предпринимательских доходов в общей сумме доходов населения, тем ниже доля оплаты труда и социальных выплат. Этот показатель при группировках позволяет получить интегральную характеристику развития предпринимательского сектора в регионах.

В четвертую группу с наибольшими объемами производства сельскохозяйственной продукции на душу населения вошли республики Татарстан и Мордовия. Но эти регионы сильно различаются между собой по большинству других

параметров. В Татарстане достигнуты наиболее высокие показатели производства и потребления продовольствия, в этом регионе один из самых высоких уровней среднедушевых доходов. В Мордовии показатели потребления продовольствия ниже по сравнению с регионами-лидерами, но по производству сельскохозяйственной продукции на душу населения республика занимает лидирующие позиции в ПФО, хотя по среднедушевым доходам населения находится на тринадцатом месте. Поэтому основной задачей властей Мордовии является повышение заработной платы и среднедушевых доходов на основе развития малого и среднего бизнеса³.

Для обеспечения продовольственной безопасности регионов ПФО необходим комплекс организационно-экономических и социальных мер, причем для каждой группы регионов приоритеты будут различны, но главной проблемой для большинства регионов является повышение заработной платы и уменьшение дифференциации населения по доходам. Проблема продовольственной безопасности регионов имеет комплексный характер, так как экономическая доступность и рост реальных доходов населения зависят от модернизации всех предприятий регионов, притока инвестиций в высокодоходные предприятия, которые обеспечивают рост доходов населения, в том числе для бюджетной сферы и сферы услуг. Главным приоритетом в обеспечении продовольственной безопасности страны является дальнейшее развитие агропродовольственного кластера, что приведет к росту доходов населения и стабилизации цен. Первоочередной задачей является устранение продовольственной зависимости от импортных поставок по основным видам продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белова Ю.А., Коваленко Е.Г. Развитие продовольственного рынка в условиях глобализации. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 148 с.

² См.: Белова Ю.А., Подзоров Н.Г. Государственное регулирование развития конкурентоспособности продовольственных товаров в России. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 208 с.

³ См.: Семенова Н.Н. Развитие системы финансового обеспечения продовольственной безопасности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 96 с.

**N. G. Podzorov. Statistical Estimation
of the Level of Food Security of Regions**

To ensure food security of Russia and its regions, it is necessary to focus on several directions. First, it is necessary to achieve food independence from imports of those types of food, for production of which the country has all the necessary conditions. The next direction, along with the physical availability of food, is achieving its affordability for lower-income groups. This direction would require solving tasks of increasing real incomes of all social and professional groups, as well as stabilization of prices on domestic produce.

It is proposed to calculate the revenues structure index as a ratio of the average per capita income and the average monthly nominal wages to characterize the business climate and income structure of the population in a region. The grouping of regions of the Volga Federal District on the basis of calculation of the multidimensional average for production of the four major agricultural products allowed to form typical groups of regions and to single out priority directions in food security for each of them.

**В. А. ШИБАЙКИН, ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ
Е. И. НЕЛЬГА БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Ключевые слова: математические модели, оценка вероятности банкротства, факторный анализ, сельскохозяйственные предприятия

Key words: mathematical models, assessment of probability of bankruptcy, factor analysis, agricultural enterprises

В статье используются известные математические модели для оценки вероятности банкротства. На примере сельскохозяйственных предприятий Вольского района Саратовской области рассматривается использование математических моделей для анализа отдельных сельскохозяйственных предприятий и характеристики инвестиционной привлекательности района.

The paper uses certain mathematical models to estimate probability of bankruptcy. The case study of agricultural enterprises of the Volsk district in the Saratov region exemplifies the use of mathematical models for analysis of both agricultural enterprises, and characteristics of investment attractiveness of the district.

Банкротство — неспособность должника платить по своим обязательствам, возвращать долги в связи с отсутствием у него денежных средств для оплаты¹. Банкротство является насущной темой для сельского хозяйства. Оценка вероятности банкротства выступает значимым финансовым показателем. Для каждого предприятия важно вовремя заметить негативные тенденции в своей деятельности и принять меры для их предотвращения. Не менее существенна эта оценка и для экономического состояния муниципального района.

Для оценки риска банкротства используется множество показателей². Также для анализа банкротства применяются

ШИБАЙКИН Владимир Анатольевич, профессор кафедры экономической кибернетики Саратовского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук.

НЕЛЬГА Екатерина Игоревна, аспирант кафедры экономической кибернетики Саратовского государственного аграрного университета.

SHIBAIIKIN Vladimir Anatolievich, Candidate of Economic Sciences, Professor at the Department of Economic Cybernetics, Saratov State Agrarian University (Saratov, Russian Federation).

NELGA Ekaterina Igorevna, Postgraduate at the Department of Economic Cybernetics, Saratov State Agrarian University (Saratov, Russian Federation).

различные методики: анализ производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных предприятий; анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности; шестифакторная математическая модель О. П. Зайцевой³. Эти показатели позволяют делать выводы о платежеспособности предприятия и района в целом.

Рассмотрим, как работают методики оценки вероятности банкротства на примере сельскохозяйственных предприятий Вольского района Саратовской области. В табл. 1 даны показатели, необходимые для расчетов.

Таблица 1

Данные финансовой отчетности, используемые для расчета риска банкротства, тыс. руб.⁴

Показатель	Данные финансовой отчетности					
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Внеоборотные активы	149 387,00	134 515,00	584 964,00	720 361,00	219 082,00	351 274,00
Оборотные активы	284 742,00	252 932,00	501 555,00	917 405,00	293 349,00	327 052,00
Капитал и резервы	288 014,00	245 888,00	131 563,00	247 580,00	313 278,00	440 804,00
Долгосрочные обязательства	48 449,00	32 101,00	532 750,00	955 666,00	80 094,00	114 376,00
Краткосрочные обязательства	97 666,00	109 458,00	422 206,00	434 520,00	119 059,00	123 146,00
Выручка от продаж	223 271,00	215 571,00	176 550,00	307 419,00	255 619,00	346 249,00
Прибыль (убыток) от продаж	17 937,00	18 843,00	-39 964,00	51 375,00	67 973,00	82 391,00
Прибыль (убыток) до налогообложения	16 184,00	12 240,00	-73 533,00	41 308,00	64 040,00	100 770,00
Чистая прибыль	15 858,00	11 534,00	-60 015,00	40 692,00	63 461,00	100 164,00
Величина собственного оборотного капитала	138 627,00	111 373,00	-453 401,00	-472 781,00	94 196,00	89 530,00
Величина совокупного капитала	434 129,00	387 447,00	1 086 519,00	1 637 766,00	512 431,00	678 326,00

Суть перечисленных методик заключается в построении модели, учитывающей влияние различных показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятия на риск банкротства. При этом последний в моделях выражается

количественным значением коэффициентов, рассчитанных по формулам (1—3):

$$\text{Э. Альтман} = 0,717 \cdot X1 + 0,847 \cdot X2 + 3,107 \cdot X3 + 0,42 \cdot X4 + 0,995 \cdot X5; \quad (1)$$

$$\text{Р. Таффлер} = 0,53 \cdot X1 + 0,13 \cdot X2 + 0,18 \cdot X3 + 0,16 \cdot X4; \quad (2)$$

$$\text{Г. В. Савицкая} = 0,111 \cdot X1 + 13,239 \cdot X2 + 1,676 \cdot X3 + 0,515 \cdot X4 + 3,8 \cdot X5. \quad (3)$$

Для определения вероятности банкротства сельскохозяйственных предприятий Вольского района Саратовской области необходимо сперва рассчитать значения факторов X1, X2, X3, X4, X5 для моделей Альтмана, Таффлера, Савицкой (табл. 2—4).

Таблица 2

Рассчитанные значения факторов для определения риска банкротства по модели Альтмана

Фактор в модели Альтмана		Рассчитанные значения факторов из модели Альтмана					
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
X1	Доля собственного оборотного капитала в совокупном капитале	0,32	0,29	-0,42	-0,29	0,18	0,13
X2	Доля нераспределенной прибыли в совокупном капитале	0,04	0,03	-0,06	0,02	0,12	0,15
X3	Доля прибыли до налогообложения в совокупном капитале	0,04	0,03	-0,07	0,03	0,12	0,15
X4	Доля собственного капитала в заемном капитале	1,97	1,74	0,14	0,18	1,57	1,86
X5	Доля выручки в совокупном капитале	0,51	0,56	0,16	0,19	0,50	0,51

Таблица 3

Рассчитанные значения факторов для определения риска банкротства по методике Савицкой

Фактор по методике Савицкой		Рассчитанные значения факторов по Савицкой					
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
X1	Доля собственного оборотного капитала в оборотных активах	0,49	0,44	-0,90	-0,52	0,32	0,27
X2	Сколько приходится оборотного капитала на 1 руб. основного	1,91	1,88	0,86	1,27	1,34	0,93
X3	Коэффициент оборачиваемости совокупного капитала	0,51	0,56	0,16	0,19	0,50	0,51
X4	Рентабельность активов предприятия, %	3,65	2,98	-5,52	2,48	12,38	14,77
X5	Коэффициент финансовой независимости (доля собственного капитала в итоге баланса)	0,66	0,63	0,12	0,15	0,61	0,65

Таблица 4

**Рассчитанные значения факторов
для определения риска банкротства по Таффлеру**

Фактор по Таффлеру		Рассчитанные значения факторов по Таффлеру					
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
X1	Доля прибыли от продаж в краткосрочных обязательствах (коэффициент покрытия)	0,18	0,17	-0,09	0,12	0,57	0,67
X2	Доля оборотных средств в заемных (коэффициент покрытия)	1,95	1,79	0,53	0,66	1,47	1,38
X3	Доля обязательств	0,22	0,28	0,39	0,27	0,23	0,18
X4	Рентабельность всех активов	0,51	0,56	0,16	0,19	0,50	0,51

Подставляя полученные значения факторов (табл. 2—4) в формулы (1—3), выводим коэффициенты для их последующего сопоставления с критическими значениями. В табл. 5 приведены рассчитанные значения коэффициентов по методикам.

Таблица 5

**Сводная таблица рассчитанных коэффициентов
по методикам Альтмана, Таффлера, Савицкой**

Модель оценки вероятности банкротства	Рассчитанные коэффициенты по методикам оценки вероятности банкротства					
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Альтмана	1,72	1,61	-0,34	0,15	1,78	1,97
Таффлера	0,47	0,46	0,11	0,23	0,62	0,65
Савицкой	30,55	29,82	9,14	18,97	27,30	23,29

Вероятность банкротства незначительна при следующих нормативных показателях⁵: для модели Альтмана больше 1,23; для модели Таффлера больше 0,30; для модели Савицкой больше 8,00.

Рассчитанные показатели за 2010—2011 гг. ниже нормативных значений по всем трем моделям. Это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, лето 2010 г. выдалось жарким, в области наступила засуха. В связи с этим урожайность зерновых снизилась по сравнению с таковой в 2009 г. на 10,0 ц/га, подсолнечника — на 3,4 ц/га. Отрасль животноводства пострадала в меньшей степени: производство молока по сравнению с данными 2009 г. увеличилось на 2 340 ц; производство мяса снизилось на 90 ц. Это повлияло на финансовые показатели отрасли Вольского района:

по растениеводству был получен убыток 27 476,00 тыс. руб.; по животноводству — убыток 2 008,00 тыс. руб. Во-вторых, для покрытия прошлых убытков в 2011 г. возникла необходимость привлечения дополнительных средств. Увеличилось количество кредитов и займов: долгосрочных по сравнению с 2010 г. на 431 395 тыс. руб.; краткосрочных — на 13 695 тыс. руб. Это привело к негативным изменениям в структуре баланса. В 2012 г. экономическое состояние сельского хозяйства Вольского района Саратовской области выправилось. Положительные показатели отмечены и в 2013 г. Этот год для сельского хозяйства района выдался успешным. Наблюдается рост по всем анализируемым данным, кроме величины собственного оборотного капитала. Этот показатель снизился по сравнению с данными 2012 г. в связи с уменьшением дебиторской задолженности практически в два раза (2012 г. — 69 805 тыс. руб.; 2013 г. — 39 681 тыс. руб.). Коэффициент Савицкой отражает это отклонение (табл. 5). На него следует обратить внимание, поскольку это изменение является тревожным сигналом, так как происходит на фоне увеличения размеров краткосрочных и долгосрочных заемных средств в два раза. Эта модель оценки вероятности банкротства разработана с учетом специфических особенностей российского сельского хозяйства.

Таким образом, оценка вероятности банкротства сельскохозяйственных предприятий Вольского района Саратовской области показала, что экономическая ситуация является стабильной, развивающейся и привлекательной для инвесторов. Однако не стоит полностью полагаться на полученные значения этих моделей. Для опытных руководителей, экономистов, менеджеров банкротство не бывает неожиданным явлением, поскольку они регулярно отслеживают финансовое состояние фирмы, района и отрасли, используя для этого различные методы и подходы.

Зарубежные и отечественные методики оценки вероятности банкротства являются лишь вспомогательными средствами анализа. Ключевую роль играет финансовый анализ, основной целью которого является получение объективной оценки платежеспособности, финансовой устойчивости, деловой и инвестиционной активности, эффективности деятельности организаций. Также существуют признаки, по которым можно судить об ухудшении положения компании

или района в целом. К ним можно отнести: неопытность руководителей и финансовой службы, высокую конкуренцию на рынке, нестабильную прибыль, низкие коэффициенты рентабельности и ликвидности, большой процент использования заемных средств. Наличие этих признаков служит основанием для поднятия тревоги и большой вероятности банкротства в ближайшем будущем.

Диагностика вероятности банкротства важна и необходима для руководителя любой компании, поскольку она позволит избежать многих трудностей в ведении бизнеса. Не менее важным является поддержание вероятности банкротства на низком уровне для привлечения инвесторов, кредиторов и прочих контрагентов. Однако для предприятий отрасли сельского хозяйства это сложно, так как помимо основных факторов на их деятельность оказывают влияние природно-климатические условия, предсказать влияние которых невозможно. Именно поэтому руководству сельскохозяйственных компаний необходимо постоянно контролировать финансовую ситуацию, используя для этого все возможные варианты и адаптируя их под свои условия хозяйствования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 38.

² См.: Altman, Edward I., Hotchkiss E. Corporate Financial Distress and Bankruptcy: Predict and Avoid Bankruptcy, Analyze and Invest in Distressed Debt // John Wiley and Sons, 1993, 384 p.; Анализ финансового состояния предприятия. URL: http://afdanalyse.ru/publ/finansovyj_analiz/1/bankrot_taffler/13-1-0-37 (дата обращения: 09.12.2014); Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Минск: Нов. знание, 2002. С. 675—583.

³ См.: Зайцева О.П. Антикризисный менеджмент в российской форме // Сибир. финансовая шк. 1998. № 11—12. С. 101.

⁴ Формы отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей АПК Вольского района 2008—2013 гг.

⁵ См.: Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. С. 600—683.

Поступила 18.09.2014.

V. A. Shibaikin, E. I. Nelga. Assessment of Probability of Bankruptcy of Agricultural Enterprises

The paper is devoted to one of the pressing problems facing agriculture — bankruptcy and methods of economic analysis, preventing it. The authors propose a definition of the concept of “bankruptcy” and substantiate necessity of evaluation and analysis of bankruptcy when making management decisions. Joint use of the methods invented by Russian and foreign economists (E. Altman, R. Taffler, G. V. Savitskaya) is proposed, so as to make more accurate conclusions about the probability of bankruptcy of organizations on the basis of the data from several indexes.

The paper is based on the analysis of financial indicators of enterprises and on calculation of probability of bankruptcy. The financial statements of agricultural enterprises in the Volsk District of the Saratov Region for the period of 2007—2012 make up the data base of the analysis. Basing on the results of the analysis, it is concluded that when comparing the obtained indexes with the critical values of the calculation methods by Altman, Taffler and Savitskaya, probability of bankruptcy of agricultural enterprises in the Volsk District of the Saratov Region is negligible. Despite all the advantages of the methods used, the assessments of probability of bankruptcy are only auxiliary means of analysis financial analysis plays the key role. Its main purpose is to obtain an objective assessment of solvency, financial stability, business and investment activity, effectiveness of activities of an organization.

В. М. КИЦИС, А. М. СЕМУШЕВ
БРЭНДИНГ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ
ТОВАРА И КОМПАНИИ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ

Ключевые слова: бренд, брендинг, позиционирование, лайн-брендинг, брендинг с расширением, зонтичный брендинг, товарный брендинг

Key words: brand, branding, positioning, line-branding, extension branding, umbrella branding, product branding

Процесс разработки и создания бренда товара и фирмы, выбора вида брендинга в фирме, позиционирования на рынке весьма сложен и неоднозначен. В статье рассматриваются способы и методы продвижения товара и фирмы на рынок.

The process of development and invention of a product and a firm brand, of choosing the type of branding in a firm, of market positioning is very complex and ambiguous. This paper discusses the techniques and methods of promoting a product and a firm in the market.

Правительство Республики Мордовия, предприятия, организации, индивидуальные предприниматели большое внимание уделяют решению проблемы продвижения республиканских товаров и услуг на региональные рынки. С этой целью правительством региона было принято постановление «Об утверждении Положения о порядке присвоения и использования графического знака — "Бренд товаров Республики Мордовия"» от 21 октября 2013 г. № 458.

Вследствие постоянного появления на рынке товаров, схожих по дизайну, назначению и техническим характери-

КИЦИС Вячеслав Михайлович, доцент кафедры международного и регионального туризма Мордовского государственного университета, кандидат географических наук.

СЕМУШЕВ Алексей Максимович, доцент кафедры товароведения и технологии торговых процессов Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, кандидат сельскохозяйственных наук.

KITSIS Vyacheslav Mikhailovich, Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor at the Department of International and Regional Tourism, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SEMUSHEV Aleksey Maksimovich, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor at the Department of Commodity Science and Trading Processes Technology, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

кам, потребителю сложно ориентироваться среди подобного изобилия. Чтобы компания могла успешно функционировать, быть в лидерах и вытеснить конкурентов, она должна воздействовать на покупателя чем-то более мощным, чем только качество товара и яркая реклама. Именно для этой цели существует *брендинг*. Правильное построение бренда приводит к увеличению объема продаж фирмы. Более того, развитый бренд сам по себе представляет ценность, поскольку иногда его стоимость может превышать стоимость всех материальных активов фирмы, несмотря на то что бренд имеет неосознаваемую природу.

Под брендом может пониматься название торговой марки, знак, символ или все то, что используется для отличия одного товара или услуги от другого. В словаре Американской ассоциации маркетинга бренд — это «уникальный знак, символ, слова или их комбинации, используемые в создании образа, который идентифицирует продукт и отличает его от своих конкурентов»¹. Со временем этот образ ассоциируется с уровнем доверия, качества и удовлетворенности в сознании потребителя. Бренд помогает покупателю сориентироваться на переполненном схожими товарами рынке. Юридический аналог понятия «бренд» — термин «торговая марка». Когда имеется в виду бренд, то часто подразумевается именно она.

Таким образом, бренды — это «репутационные активы», основанные на убеждении клиента в особом качестве товара или услуги. Здесь важно, как компания расширяется и развивается, как ее новые продукты вписываются в общую концепцию, как представляемые ею ценности могут быть защищены правом интеллектуальной собственности. Поэтому значимость брендинга говорит не о завоевании фирмой целевого рынка, не о полной монополистической победе над конкурентами, а о перспективе стать единственной фирмой, которая поможет потребителю в решении его проблем.

Чтобы добиться успеха в брендинге, фирма должна иметь постоянную обратную связь с клиентами. Бренд должен быть в умах настоящих и будущих потребителей. Здесь подразумеваются определенные представления, связанные у клиентов с компанией, на которые можно так или иначе повлиять. Сила и важность бренда увеличиваются с каждым днем одновременно с усилением борьбы фирм за клиентов. Важно вовремя вложить инвестиции в маркетинговые ис-

следования, помогающие выяснить, какую политику бренда вести на данном рынке с данной целевой аудиторией, т. е. бренд является основополагающей частью маркетинговой коммуникации.

Сейчас брэндинг — неотъемлемая часть интернет-коммерции, а интернет-коммерция тесно связана с брэндингом. Он позволяет компаниям расширять рамки первоначального продукта новыми сервисами. Легко запоминающиеся доменные имена сайтов компании, красивый логотип в адресной строке создают более полную картинку в голове потребителя. Особенно это становится актуально в международном масштабе. Так, фирмы и магазины, не представленные в какой-то стране, становятся популярными за счет блогов, баннеров на разных сайтах интернет-магазинов с поставкой товаров за рубеж, продажу через посредников в стране-резиденте, т. е. бренд проникает в сознание потребителей по всему миру.

Брэндинг способен создать такой важный актив предприятия, как хорошая репутация. Если компания ею не обладает или обладает в меньшей степени, то это можно исправить с помощью брэндинга. Она может построить систему ожиданий покупателя, связанных с определенным товаром или услугой, может оправдывать их и особенно превышать, создавая более качественные и запоминающиеся товары, тем самым увеличивая заинтересованность в том, что данная компания создает.

Важно разобраться в видах брэндинга в бизнесе и их отличиях друг от друга: лайн-брэндинг (line branding), брэндинг с расширением (brand extension), зонтичный брэндинг (umbrella branding), товарный брэндинг (commodity branding).

Лайн-брэндинг определяет, что все продукты компании продаются под одной маркой (внешний вид упаковок, продукты, содержащие какие-либо новые добавки). Если производитель кофе добавляет под тем же брэндом, имеющимся на рынке, кофе без кофеина в обычный или растворимый кофе, то он расширяет ассортимент. Подобное расширение не связано с появлением новых конкурирующих линий, так как каждое наименование отвечает за свои функции и привлекает новые массы покупателей. Так, линия хлопьев от фирмы «Нестле» (Nestle) пополнилась другой версией тех же хлопьев, но уже с названием «Фитнес Нестле»

(Fitness Nestle), т. е. производители привлекли к себе еще и любителей низкокалорийной еды. Именно лайн-брэндинг используют в настоящее время многие предприятия Мордовии (ООО «Юбилейное», ОАО «Агрофирма "Норов"», ООО «МПК "Атяшевский"» и др.), которые расширяют ассортимент выпускаемой продукции под своей торговой маркой.

Брэнд с расширением. В этом случае брэнд-владелец работает с партнером (иногда конкурентом), который берет на себя ответственность за производство и продажу новой продукции, уплачивая роялти за проданный товар. Часто лайн-брэндинг и брэндинг с расширением путают друг с другом. Основными компонентами бренда с расширением являются новый продукт, хорошо известный бренд², рычаги воздействия на клиентов новой категории.

Компания проводит расширение линии (линейки) бренда, используя торговую марку уже имеющегося продукта, который относится к той же самой или другой товарной категории. Например, фирма «Адидас» (Adidas), продолжая производить спортивную одежду и оборудование, под своим брэндом запустила линейку косметических средств: парфюмерию, дезодоранты, гели.

Цель лайн-брэндинга и брэндинга с расширением — увеличить капитал бренда. Это повышает потребительскую осведомленность о торговой марке и прибыльность предложения за счет более чем одной категории продукции. Расширение товарной линейки марки имеет решающее значение, потому что оно снижает финансовые риски, связанные с развитием новых продуктов, за счет использования имиджа «родительского» бренда. Благодаря достигнутому успеху «родительского» бренда новый товар получит признание потребителями, так как будет больше шансов, что они его попробуют.

Запуск нового продукта занимает много времени и требует щедрых материальных вложений для повышения его узнаваемости и информирования потребителей о его свойствах. В лайн-брэндинге или в брэнде с расширением рекламные расходы значительно ниже, чем в создании совершенно новой торговой марки. Так, «Аква Минерале Актив» (Aqua Minerale Active) снижает затраты при запуске нового вкуса минеральной воды, например, вместо привычного лимонного вкуса апельсиновый. Потребители, которые попробовали

первый вкус, вероятно, купят минеральную воду с новым вкусом даже при минимальных затратах на рекламу и продвижение.

Зонтичный бренд является торговой маркой, которая используется рядом различных, но связанных с ним продуктов. Маркетологи называют этот вид также «*семейным брендингом*». Его суть заключается в повышении конкурентоспособности всех продуктов, которые несут одноименный бренд, способствуя тем самым укреплению торговых контактов бренда с потребителями. Вследствие высокого уровня обратной связи производитель зонтичного бренда может вводить новые продукты, которые имеют отношение к уже существующим линейкам, и привлекать внимание клиентов, успешно пользующихся другими продуктами, производимыми под этой торговой маркой.

Основным фактором зонтичного бренда является то, что любые товары или услуги, которые продаются под общим брендом, должны иметь некоторый тип связи. Например, продовольственная компания «Калве» (Calve) представляет потребителям не только майонезы и кетчупы, но и соусы различных вкусов, так как все они относятся к широкой категории приправ.

Товарный брендинг представляет собой систему создания узнаваемого бренда на основе различных вербальных и невербальных приемов влияния на покупательские массы. Товарные бренды, как правило, это бренды класса люкс, которые влияют на потребителя через его мироощущение и эстетические предпочтения. Это товары, в которых цена — один из главных критериев. Примером товарного бренда может служить компания «Верту» (Vertu), производящая мобильные телефоны категории премиум. Средняя стоимость такого продукта от 200 тыс. руб. Во-первых, устройства сделаны из золота и других благородных металлов высшей пробы, драгоценных камней, кожи рептилий и т. д. Здесь прослеживается влияние вкуса обладателя такой вещи. Во-вторых, самые опытные ювелиры фирмы изготавливают каждое устройство вручную, тщательно проверяя каждую деталь, после чего под крышкой корпуса делается гравировка в виде подписи мастера. В-третьих, телефоны этой марки обладают огромной многофункциональностью по количеству выполняемых операций. Таким образом, владелец устройства

чувствует его эксклюзивность и высокое качество вплоть до мелочей. Можно выявить некоторую особенность: создатели товарного бренда с самого начала его запуска выбирают определенную нишу на рынке. Они не пытаются заинтересовать сразу всех потребителей. Уникальный имидж бренда позволяет не стать «одним из многих» на рынке подобных услуг. Его эксклюзивность дает производителю шанс надолго «зацепиться» на рынке и не иметь конкурентов.

Таким образом, особенностями товарного бренда являются: возможность избежать конкуренции в цене и объемах продаж, помощь в дифференциации товара, повышение стоимости независимо от стоимости товаров конкурентов, воссоздание предпочтений клиентов «с нуля», длительно поддерживаемое конкурентное преимущество³.

Процесс выбора вида брендинга в фирме сложен и неоднозначен. Мало компаний используют какую-то одну методику. Как правило, применяется несколько видов в зависимости от ситуации на региональном рынке. Главной задачей маркетолога является понимание того, какая методика будет наиболее эффективной в данный момент для определенной фирмы. Большую роль в международном бизнесе также играет опыт зарубежных фирм по части построения бренда и его продвижения на региональном рынке.

В современном научном и бизнес-мире существует огромное множество определений понятия «позиционирование бренда». Наиболее точным и распространенным, на наш взгляд, является следующее: попытка компании (товара/услуги) определить и занять соответствующую нишу на рынке с помощью традиционных инструментов маркетинга — цены, продвижения, распределения и конкуренции⁴. Позиционирование также определяется как способ, с помощью которого маркетологи стараются создать определенное впечатление о товаре в сознании клиента⁵.

Брендинг нужен для создания популярности компании, обеспечения внимания к товару со стороны потребителей. Это более абстрактное понятие, чем позиционирование. Стратегия позиционирования относится к товару, который компания выпускает. В позиционировании фирма развивает свои товары/услуги в соответствии с конкретными рыночными нишами или актуальными направлениями производства товаров, основанными на данных потребительского спроса,

проводит определенные исследования, исходя из результатов которых создает новые товары. Видами позиционирования являются репозиционирование (процесс внесения изменений в товар/услугу, которые будут уникальными на рынке) и перебазирование (попытка повторить в своем товаре какие-то особенности товара конкурентов, исключая его эксклюзивность)⁶.

Позиционирование товара включает создание концепции товара, являющейся выражением преимуществ, которые клиент получит от него. Другая составная часть — дифференциация товара. Под ней понимаются те характеристики, которые отличают товар от других подобных. При позиционировании того или иного продукта маркетолог должен четко представлять, какие рыночные ниши находятся в его распоряжении. Примером является рынок автомобилей, где существуют машины эконом-, среднего и люкс-класса. Создавая новый автомобиль, фирмы определяют, в какую из целевых категорий он попадет, и создают его соответственно потребностям конкретной категории. Например, автомобиль «Дэу Матиз» (Daewoo Matiz) совершенно не относится к той нише автомобилей, которой принадлежит автомобиль «Мерседес» G-класса.

В процессе понимания цели позиционирования появляется вопрос: что глобальнее — позиционирование или брэндинг? Многие считают, что хороший брэндинг автоматически приводит товар к успеху в определенной нише. Правильнее будет сказать, что брэндинг — это один из инструментов позиционирования. Сначала производитель выбирает нишу, в которой его товар будет пользоваться большим спросом, а затем прибегает к брэндингу. Маркетологи видят брэндинг и позиционирование как комплексный инструмент успеха и роста компании в рыночной среде.

Позиционирование занимает особое место среди инструментов маркетинга. Это процесс, который помогает товару вписаться в рынок. Эффективное позиционирование товара ставит его на первое место среди других товаров в умах потенциальных клиентов. Люди, как и товары, позиционируют себя: лидер, изгой, гений. Эти идентификаторы позволяют определить себя и понять преимущества, которые отличают его от других. Поэтому важно определить место товара на рынке.

Основными элементами позиционирования являются: ценообразование (к какой ценовой категории относится продукт — люкс-маркет, миддл-маркет или масс-маркет); качество (тотальный контроль качества весьма важен. Соблюдается ли технология производства? Нет ли задержек с поставками?); сервис (хорошо ли работает послепродажное обслуживание, отработана ли система возврата и обмена товара?); распределение (каналы распределения являются неотъемлемой частью позиционирования. Каким образом клиенты приобретают продукцию?); упаковка и доставка (удобный сервис получения потребителем товара играет важную роль в имидже компании)⁷.

Позиционирование также рассматривается как конкурентная стратегия. Используя этот инструмент, маркетолог определяет, чем товар лучше других, каковы его слабые стороны, и находит его место. Например, медицинский препарат «Викс Найквил» (Vicks Nyquil), представленный компанией «Проктэр энд Гэмбл» (Procter&Gamble, или P&G), изначально позиционировался как «препарат, спасающий от кашля в дневное время», но позже оказалось, что он вызывает сонливость. Поэтому производитель решил превратить недостаток в преимущество и определил этот товар, как «препарат против кашля, мешающего заснуть».

Позиционирование помогает установить «личность» товара или услуги в глазах покупателя. Стратегия позиционирования товара зависит от многих переменных, связанных с требованиями и мотивами потребителей, а также от действий конкурентов. Перед тем, как позиционировать товар или услугу, следует ответить на стратегические вопросы о товаре, предлагаемом фирмой, и о рынке, на который она выходит: а) что клиент покупает на самом деле? Необходимо помнить, что «Макдоналдс» (McDonald's) не продает бургеры и картофель фри. Они продают банальный фаст-фуд и различные напитки. Не важно, в какой стране или городе кафе находится, но это везде одинаково уютное и дружелюбное по атмосфере кафе, в которое можно прийти с друзьями или всей семьей. Иными словами, человек покупает не просто гамбургер, он покупает знакомые ему ощущения; б) чем данный товар отличается от конкурентов? Можно сказать, чизбургер, он и есть чизбургер. Но стоит отметить, как разные компании, продающие эти

самые чизбургеры, дифференцируют свой фастфуд. Например, они предлагают разные гарниры (луковые кольца в «Бургер кинге» (Burger King) и французский картофель во фритюре в «Макдоналдсе»); в) что делает товар или услугу уникальной? В Новой Англии «Макдоналдс» является единственной сетью ресторанов быстрого питания, которая предлагает ролл с омарами (омары и салат заворачиваются внутрь хотдога)⁸.

После ответов на эти вопросы, основанные на исследовании рынка, приступают к разработке стратегии позиционирования для непосредственно бизнес-плана. План позиционирования не должен быть слишком длинным или сложным, но в нем следует выделить, что является целевым рынком для данного товара, какими методами планируется его занять, кто основные конкуренты и как выглядит уникальное торговое предложение бренда.

Для малых и крупных фирм процесс позиционирования различен. Фирмам-новичкам стоит ориентироваться на успехи фирм-лидеров, но не стоит пытаться их «перегнать». На это у новичка просто не хватит средств. Можно получить больше, учитывая недостатки старожилов рынка. Например, на рынке автомобилей большой просторный салон не всегда является преимуществом. Если же фирма крупная и занимает должное положение на региональном рынке, то не стоит расслабляться. Важно поддерживать образ основного производителя данного товара, оставаться первыми, не позволяя себе копировать модные товары других фирм, а задавать тренды самим.

Позиционирование и брендинг — это не только наука, но также и искусство. Следует быть осторожным в позиционировании товара, так как сложно изменить негативное впечатление в сознании потребителей. Поэтому в первую очередь товар или услуга должны быть надежными, уникальными и простыми для восприятия.

Система брендинга в компании «Проктэр энд Гэмбл» относится к брендам с расширением. Это характеризуется тем, что компания объединяет под своим крылом множество различной продукции: от моющих средств до средств личной гигиены и косметики. Часто обычный потребитель даже понятия не имеет, что тот или иной продукт производится в рамках данной корпорации. Например, многие

не знают, что «Шварцкоп» (Schwarzkopf) и «Олэй» (Olay) относятся к компании «Проктэр энд Гэмбл», полагая, что это совершенно разные компании с разными названиями, но на самом деле это расширение бренда.

У многих отпечатались в памяти реклама шоколадных батончиков «Баунти» (Bounty) со слоганом «Райское наслаждение», который сейчас является почти крылатой фразой, когда мы говорим о чем-то нам приятном. Море, песок, пальмы и легкий бриз — это то, о чем мы думаем, когда произносим название этого шоколада. «Проктэр энд Гэмбл» мастерски использовал здесь тот самый эмоциональный брендинг, когда наши ассоциации сами работают за нас: прочитав название «Баунти» на витрине, сразу вспоминается рекламный ролик с морем и пальмами, затем наш мозг самопроизвольно произносит про себя слоган, обещающий нам «райское наслаждение», и мы покупаем очередной батончик в супермаркете вместо менее вредных хлебцев.

Бренд «Проктэр энд Гэмбл» стал активно раскручиваться и завоевал признание на рынке Японии. Что делали их маркетологи и что стоит сделать специалистам других стран? Во-первых, следует пригласить известных людей для рекламы продукции. Это активно используется большинством известных марок индустрии красоты. Это работает просто потому, что мы видим красивые лица успешных и знаменитых людей и хотим походить на них, поэтому нам хочется иметь то, с помощью чего они добиваются этого.

Во-вторых, русский человек любит так называемый бесплатный сыр, проще всего привлечь его внимание к продукции при помощи акций и бесплатных пробников. На некоторых отечественных интернет-магазинах можно видеть продукцию этой марки, но по количеству отзывов можно отметить, что популярности у нее особой нет. В зарубежных магазинах для популяризации отдельных товаров применяют тактику раздачи пробников, которые вкладывают с заказом клиента. Так или иначе человек откроет и попробует бесплатное приложение.

В-третьих, любой компании, желающей продвинуть товар, обещающий какой-либо косметический эффект, лучше всего использовать метод рекламы, демонстрирующий результат «до» и «после». Но не каждая реклама может популяризовать товар и создавать желание у потребителей его купить.

В современном мире важна активность брэнда в социальных сетях. У первой марки больше развита обратная связь с потребителями: постоянные фотоконкурсы, розыгрыши различных средств, новости и акции, изображения новинок марки. Покупатель, видя на коробках и баночках знакомую эмблему, захочет попробовать новый продукт просто потому, что он доверяет компании «Проктэр энд Гэмбл» как производителю качественного товара и надеется, что новинка окажется такой же. На наш взгляд, вышеназванный способ продвижения обойдется производителям намного дешевле рекламы каждого нового товарного знака. Достаточно просто на этикетки каждого средства компании P&G с передней стороны добавить ее эмблему. Это намного проще, чем придумывать мощную рекламную кампанию для каждого нового товара.

Другим интересным способом популяризации продукции компании может стать запуск сети магазинов с ее продукцией. Это может оказаться очень удобным покупателям: они смогут прийти в фирменный магазин и купить все нужные им товары по цене без наценки магазинов-ритейлеров. К тому же открывается возможность предоставлять скидки, в том числе и постоянным покупателям, проводить акции (например, «День Pantene»), когда люди могут прийти и купить товары отдельной марки со скидкой. Здесь же упрощается система введения в продажу новых товаров компании. Кстати, ряд фирм Мордовии уже идут по этому пути, создавая сеть своих магазинов не только в Саранске, но и в других населенных пунктах республики.

Очень популярной является организация благотворительных акций, флэшмобы, розыгрыши. Совсем не важно, сколько человек посетит это мероприятие, кто выиграет приз, например, в танцевальном конкурсе, но, так или иначе, положительные эмоции будут гарантированы, праздник запомнится всем посетившим его и у них останется приятное впечатление.

Таким образом, чтобы выйти на региональный рынок и закрепиться на нем, товаропроизводители должны не только производить качественный товар, востребованный потребителем, но и использовать различные способы и методы брендинга и позиционирования этих товаров и фирм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ American Marketing Association Dictionary. URL: <https://www.ama.org/resources/Pages/Dictionary.aspx?dLetter=B&dLetter=B> (дата обращения: 12.02.2014).

² См.: Макашева З.М. Брендинг: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2011. 288 с.

³ См.: Shocker A.D., Srivastava R.K., Ruekert R.W.: Challenges and Opportunities Facing Brand Management: An Introduction to the Special Issue // J. of marketing research. 1994. № 31. P. 150.

⁴ См.: Business Diary. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/positioning.html> (дата обращения: 12.02.2014).

⁵ См.: Денисон Д., Тоби Л. Учебник по рекламе. Минск: СЛК, 1996. 117 с.

⁶ См.: Rebranding vs. Repositioning. URL: <http://tungstenbranding.com/branding-articles/rebranding-vs-repositioning> (дата обращения: 12.02.2014).

⁷ См.: Kotler Ph. Marketing management. Prentice-Hall, Upper Saddle River, NJ, 2003. P. 45.

⁸ См.: Практический маркетинг товаров и услуг / под ред. Н.К. Моисеевой. М.: МИЭТ, 2009. 524 с.

Поступила 13.11.2014.

V. M. Kitsis, A. M. Semushev. Branding and Product and Company Positioning in a Regional Market

For a company to be among the leaders and not to be displaced by market competitors, it must affect the buyer with something more powerful than just quality of a product and bright advertising. Branding serves this purpose. Correct building of a brand leads to an increase in a company's sales. Branding aims at making a company popular, at ensuring consumer attention to the product. In the process of understanding the purpose of positioning a question arises: What is more global — positioning or branding? Many believe that good branding automatically makes a product successful. But, it would be more correct to say that branding is one of the tools of positioning. First, manufacturers choose a niche in which their goods are in great demand and then they use branding, i. e. branding and positioning should be considered a comprehensive tool for a company's success and growth in the market environment.

Positioning is a process that helps a product to fit the market. Positioning is also seen as a competitive strategy. Positioning helps establish the "individuality" of a product in the eyes of a buyer. The positioning strategy of a product depends on many variables associated with the requirements and motivations of consumers, as well as the actions of competitors.

Н. О. КОЛЧИНА

МАРКЕТИНГОВАЯ АКТИВНОСТЬ УЧАСТНИКОВ СВЕТОТЕХНИЧЕСКОГО РЫНКА

Ключевые слова: источники света, конкурентоспособность, маркетинговая активность, передовые технологии, светотехнический рынок, светодиодная продукция, световой поток, технологии освещения, удаленный люминофор, энергосбережение

Key words: light sources, competitiveness, marketing activity, advanced technology, lighting market, LED products, luminous power, lighting technology, remote luminescence material, energy saving

В статье проанализирован рынок светотехнической продукции в России в разрезе зарубежных и российских компаний. Акцент сделан на развитие и внедрение энергосберегающих технологий на основе использования передовых технологий — удаленного люминофора при производстве светодиодной продукции, на примере совместного российско-корейского предприятия «НЕПЕС РУС».

The paper analyzes the market of lighting products in Russia in terms of foreign and Russian companies. The emphasis is on development and introduction of energy saving technologies based on the use of advanced technologies (remote luminescence material) in manufacture of LED products exemplified by the joint Russian-Korean enterprise “NEPES RUS” and the support of the government of the Republic of Mordovia.

В современной рыночной экономике главной стратегической целью как малого и среднего бизнеса, так и предприятий корпоративного типа становится не максимизация прибыли и рост объемов продаж, а выживание во все более острой конкурентной борьбе.

В настоящее время производство светотехнической продукции является одной из наиболее инвестиционно-при-

КОЛЧИНА Наталья Олеговна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

KOLCHINA Natalia Olegovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

влекательных отраслей в общемировом масштабе. В условиях обостряющейся конкурентной борьбы на российских рынках на первый план выходят проблемы эффективного управления корпорацией: построение эффективных систем управления, использование современных методов и рычагов управления, разработка гибкой и уникальной стратегии развития корпорации и т. д.¹ Маркетинговая активность на мировом рынке большого количества производителей, использующих передовые технологии и способных внедрять инновации, отражается на скорости его развития. В связи с этим мировой рынок осветительной продукции очень динамичен с тенденцией к росту, предлагает потребителю энергосберегающие технологии освещения, что позволяет не только сократить выбросы углекислого газа в атмосферу, но и ежегодно экономить электроэнергию. Увеличение стоимости электроэнергии сегодня в России приближается к показателям ведущих европейских стран. Поэтому в настоящее время актуальна проблема перехода к энергосберегающим осветительным системам².

Внедрение современных энергосберегающих технологий возможно лишь при разработке и принятии новых стандартов искусственного освещения. Поэтому ряд стран проводят разработку нормативных актов, предполагающих полный отказ от неэффективных источников света (ламп накаливания, люминесцентных ламп). Российский рынок светотехнической продукции находится на стадии активного роста. Особое внимание сосредоточено на производстве и реализации светодиодной продукции. Однако для российского рынка характерно отставание от общемирового примерно в два раза по темпам роста. Точных данных по объему российского рынка светодиодов пока нет. Это обусловлено несовершенством разработанной товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТНВЭД). По данным исследователей, доля светодиодных источников света на российском рынке составила примерно 15—20 % на начало 2014 г., основными их потребителями являются промышленные предприятия и административно-офисный сектор³.

Глобализация мировой экономики, создание международных союзов и институтов приводят к тому, что предприятиям приходится бороться с иностранными производителями уже на внутреннем рынке. Несмотря на активное

развитие светотехнического рынка России, большинство производителей продолжают зависеть от импортных составляющих, используемых при сборке светодиодных и других видов светильников. Конкуренция на рынке обостряется присутствием зарубежных производителей и их инновационными возможностями. Крупнейшие поставщики светодиодов в Россию — «Nichia, Samsung LED», «Osram Opto Semiconductors», «Philips Lumileds Lighting», «Seoul Semiconductor», «LG Innotek», «Cree».

Российский рынок светотехнической продукции поляризован. С одной стороны, крупные производители, с другой — мелкие фирмы с незначительными финансовыми ресурсами и инновационными возможностями. Маркетинговая активность российского производителя светодиодной продукции сегодня представлена ассоциацией НП ПСС (некоммерческое партнерство производителей светодиодов и систем на их основе). В ассоциацию входят: ЗАО «Оптоган», ООО «Фокус», ООО «Завод световые технологии», ООО «ЭКОЛАЙТ», ООО «ИНТЕССО» и др. Данная ассоциация предполагает объединение участников рынка для решения глобальных задач отрасли: сохранение устойчивости на рынке, удержание конкурентных позиций, создание единого контролирующего качества продукции центра, повышение кадрового потенциала, облегчение доступа к инновационным продуктам и т. д.⁴

Производство мелких светотехнических компаний России, представленная на рынке светодиодной продукции, обладает слабыми конкурентными преимуществами по цене и техническим характеристикам. Развитие инновационной составляющей этого рынка должно отразиться на себестоимости осветительных систем в пользу конечного потребителя. Однако стоимость импортных комплектующих не позволяет решить проблему высокой себестоимости конечного продукта. Для снижения общей себестоимости конечного продукта производители выбирают самые дешевые комплектующие, произведенные в кустарных условиях с большими отклонениями от технологического процесса. Такие светодиоды имеют низкие потребительские характеристики, что отражается на самой идее энергосберегающих осветительных систем.

С 2010 г. на российском рынке появились инновационно-способные светодиодные компании. Некоторые из них созданы по инициативе зарубежных партнеров совместно с

местными органами государственной власти. Одна из таких компаний — совместное российско-корейское предприятие «НЕПЕС РУС». При участии южнокорейской компании «Nepes LED Corporation» и поддержке руководства Республики Мордовия предприятие реализует проект по размещению на территории республики предприятия по производству и сборке светильников с применением самых передовых мировых светодиодных технологий. Компания производит светодиодные светильники с использованием уникальной технологии «CAP LED», а также позиционирует себя компанией, способной к внедрению передовых технологий.

Сейчас многие компании занимаются разработкой новых наиболее энергоэффективных светодиодных источников света, экспериментируют с материалами и способами нанесения люминофора. Технология удаленного люминофора — это новое эффективное решение в освещении, обеспечивающее долгий срок службы и высокое качество света.

Уникальность технологии удаленного люминофора CapLED™ состоит в том, что люминофор наносится не на сам голубой светодиод, а на отдельный колпачок, который выполняет функцию рассеивателя. Технология позволяет существенно продлить срок эксплуатации люминофора и светодиода. Светильники, произведенные по такой технологии, дают более комфортный и равномерный свет. Это позволяет добиться дополнительной экономии, так как для равномерного освещения помещения таких светильников требуется меньше, чем других светодиодных и тем более люминесцентных⁵. Разработанная технология принадлежит корейской компании «Nepes LED». Компания «НЕПЕС РУС» осуществила трансфер этой технологии в Россию и является единственной компанией на территории России и СНГ, которая производит и реализует светильники по технологии удаленного люминофора CapLED™.

Таким образом, «НЕПЕС РУС» — единственная компания Мордовии, которая официально выходит на мировой рынок, предлагая «новое качество света». Динамично развивающаяся, амбициозная компания имеет главную цель — расширение своей рыночной доли на российском и мировом рынках. Уникальные светильники грамотно позиционированы менеджментом компании с позиции коммуникационной стратегии. Впервые в 2014 г. проводился конкурс проектов по энерго-

сбережению и повышению энергоэффективности ENES. Его цель — стимулирование на региональном и муниципальном уровнях реализации проектов по повышению энергоэффективности, а также формирование базы успешных проектов для распространения положительного опыта во всех субъектах Российской Федерации. По его итогам отобраны три проекта, которые примут участие во всероссийском финале. В номинации «Энергоэффективный офис» победителем стал проект ООО «НЕПЕС РУС»⁶. В ноябре 2014 г. уникальные светильники «НЕПЕС РУС» появились на крупной российской светотехнической выставке «Interlight Moscow — 2014».

Появление в Мордовии российско-корейской компании «НЕПЕС РУС» обусловлено потерей своей рыночной доли многими корейскими компаниями, несмотря на политику, направленную на рост объема продаж. Тайваньские и китайские поставщики в 2011 г. увеличили рыночную долю за счет маркетингового присутствия в других регионах. Доля рынка китайской светодиодной продукции увеличилась с 2 до 6 % за счет их присутствия на внутреннем рынке страны.

Таким образом, корейская компания «Nepes LED» реализует международную стратегию и выбрала с этой целью новый рынок для своего инновационного товара. Мордовия оказалась инновационно-активным регионом для производства инновационного продукта с новыми потребительскими свойствами.

Являются ли производители светотехнической продукции конкурентами? С одной стороны, некоторые компании не могут быть конкурентами из-за используемых технологий, масштабов своей деятельности и имиджа на рынке, с другой — каждая компания работает в своей нише, поэтому интересы их почти не пересекаются. В перспективе структура рынка светотехнической продукции будет изменяться. Устаивающаяся продукция, находящаяся на стадии спада, уступит место не только новым статическим источникам света, но и управляемым световым системам.

В условиях постоянного развития микропроцессорной техники, средств программного обеспечения и дистанционной передачи информации статические световые системы также уступят место динамическим интеллектуальным системам освещения (ДИСО). Их использование связано с повышением энергоэффективности и сохранением энергоресурсов на ос-

нове оптимизации светового потока, что особенно актуально для северных регионов России. ДИСО обеспечит заданную целенаправленную освещенность помещения в точках постоянного присутствия объекта и на пути его следования с возможностью автоматического выключения при отсутствии подвижных объектов с учетом естественного освещения и времени суток в нескольких режимах. Кроме того, динамическая интеллектуальная система освещения должна иметь функцию распознавания подвижных объектов, в том числе и за счет инфракрасного излучения⁷. Эти возможности далеко не исчерпывающие, позволяют оценить энергоэффективность при определенном наборе реализуемых функций.

Такие системы разрабатываются, но пока не имеют массового производства. Для реализации этого направления необходимо программное обеспечение в области электротехники с использованием микропроцессоров. Переход на интеллектуальные системы позволит не только экономить электроэнергию, но и снизить суммарную стоимость парка светотехнического оборудования на рынке B2B.

Появление инновационного товара на светотехническом рынке стимулирует маркетинговую активность большинства компаний, обостряя конкурентную борьбу между ними, особенно при условии массового внедрения ДИСО и удачного встраивания его в структуру потребления путем создания ажиотажа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Леоненко Е.А. Применение концепции экономического потенциала в развитии и формировании конкурентных преимуществ корпорации // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 299—306.

² См.: Личное освещение. URL: <http://aenergy.ru/4087> (дата обращения: 10.12.2014).

³ См.: Выставка «Электрические сети России — 2014». URL: www.elec.ru/news/2014 (дата обращения: (дата обращения: 11.12.2014).

⁴ См.: ООО «НЕПЕС РУС» — резидент Технопарка «Мордовия» с участием южнокорейского капитала. URL: <http://e-mordovia.ru/news/view/16137> (дата обращения: 11.12.2014).

⁵ См.: NEPESRUS. URL: www.nepes.ru (дата обращения: 11.12.2014).

⁶ Там же.

⁷ См.: Витковский О.П., Баранов А.В. Система дистанционного управления светодиодным освещением // Огарёвские чтения: материалы науч. конф. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. Ч. 2. С. 19—21.

**N. O. Kolchina. Marketing Activity
of Participants of the Lighting Market**

Modern production of lighting products is one of the most investment attractive industries in the world. Marketing activity on the world market of a large number of manufacturers, using advanced technology and able to innovate, impact the speed of its development. In this regard, the global market for lighting products is very dynamic, with a growth trend, and offer consumers an energy-efficient lighting technology, which allows not only to reduce emissions of carbon dioxide into the atmosphere, but also to save electricity.

However, lagging behind about twice the pace of the world growth is characteristic for the Russian market. There is no accurate data on the volume of the Russian market of LED products and no related information yet. This is due to imperfection of the developed commodity nomenclature of foreign economic activity. The marketing activity of the Russian manufacturer of LED products currently represented by the Association of Non-Profit Partnership of Manufacturers of Light-Emitting Diodes and LED-Based Systems).

The lighting market of the Republic of Mordovia is marked by the marketing activity of the joint Russian-Korean company "NEPES RUS". The company was founded with participation of the South Korean company "Nepes LED Corporation" and support of the government of Mordovia for implementation of a project on establishing of an enterprise on the territory of the Republic for manufacture and assembly of lamps using advanced LED technology. The company produces LED lamps using a unique technology "CAP LED" and positions itself as an innovative company able to introduce advanced technologies. The remote luminophor technology is a new effective solution in lighting ensuring long service life and high light quality. The technology allows to significantly extend life of the luminophor and LED. Lamps produced by this technology provide more comfortable and uniform light. This allows to achieve additional savings because uniform lighting needs less of these lamps than other LEDs, especially fluorescent ones.

In future, the market structure of lighting products will change. Obsolete products, which are in the decline stage now, e. g. incandescent lamps, will make room not only for new static light sources but also for directed lighting systems.

Д. Ю. ЛАПЫГИН

**ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ КАК ФАКТОР
СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНА**

Ключевые слова: развитие, интеграция, система образования, регион, кластер

Key words: development, integration, education system, region, cluster

Развитие региона проявляется в стратегически значимых изменениях, к которым следует отнести интеграцию системы образования внутри самой себя, а также интеграцию с хозяйствующими субъектами. Синергические эффекты интеграции позволяют снижать транзакционные издержки и обеспечивать инновационность развития региона. Создаваемые в регионах корпорации развития способствуют формированию кластеров, среди которых научно-образовательный кластер может выступить системообразующим звеном.

Development of a region manifests itself in strategically significant changes including integration of the education system within itself, as well as integration with business entities. Synergetic effects of integration allow reducing transaction costs and ensuring innovative development of a region. Development corporations created in regions contribute to formation of clusters, among which the scientific and educational cluster can act as a backbone link.

Отечественные исследователи выделяют несколько направлений интеграции вузов в социально-экономическое развитие общества: воспроизводство знания в процессе научно-исследовательских работ и использование потенциала новых технологий; передача знаний в процессе образования,

ЛАПЫГИН Денис Юрьевич, доцент кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук.

LAPYGIN Denis Yurievich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir branch) (Vladimir, Russian Federation).

а также наращивание человеческого капитала; вклад в развитие региона за счет содействия разработке новшеств и актуализации инноваций¹.

В этом контексте могут быть выделены направления интеграции, которая может осуществляться как внутри самой системы образования, так и вовне. Причем внешняя интеграция может происходить напрямую с хозяйствующими субъектами и опосредованно — через промежуточные структуры. К таковым следует отнести институты, создаваемые крупными корпорациями, учебные центры, консалтинговые фирмы и технопарки (промышленные парки). Интеграция с бизнесом может развиваться в направлении открытия кафедр на предприятиях реального сектора экономики и создания корпоративных институтов (как структурных подразделений), а также путем организации технопарков при ведущих вузах региона, формирования научно-образовательных центров и консалтинговых фирм, учредителями которых выступают ведущие преподаватели ведущих кафедр.

В связи с этим весьма перспективен кластерный подход. Фундаментом образования кластера являются не столько отношения собственности, сколько рыночные отношения «выгодности» и более «плотного» интегрированного взаимодействия, основанного на образовании связей между различными его элементами. Другим положительным аспектом таких отношений является осознание того, что необходимо развивать территориально близкие структуры, которые не всегда могут профинансировать исследования в полном объеме.

Трудно предположить, что кластер может образоваться между производственным предприятием в центре России и на Дальнем Востоке, как это было в СССР, когда плановики пренебрегали логистическими принципами оптимизации производственных издержек. Иными словами, территориальная близость элементов кластера (организаций, которые в него входят) позволяет снизить издержки развития связей.

Создание корпораций развития регионов и формирование образовательных региональных комплексов позволяет ставить вопрос о формировании сети кластеров. В этом плане региональная сеть кластеров (образовательно-производственных) становится структурой, в которой рыночная инфраструктура каждого кластера может объединяться и формировать инфраструктурный кластер. В этих условиях существенно

усиливается роль образовательного и научного сообщества регионов, которое в сотрудничестве с представителями реального сектора экономики и органами государственной власти и управления может принимать участие в решении задач управления социально-экономическим развитием региона. Это во многом избавит административную власть от опеки реального сектора экономики, что позволит сосредоточить усилия на социальном развитии региона.

Согласно государственной стратегии, к 2020 г. доля российских предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна вырасти до 40—50 %, а инновационной продукции в общем объеме — до 20—25 %. При этом внутренние затраты на исследования и разработки должны подняться с 1 до 3 % ВВП в основном за счет увеличения расходов частного капитала на науку².

Во Владимирской области затраты на НИОКР в 2012 г. составили 1,3 % ВРП (3 725,15 млн руб. при ВРП 285 622 млн руб.). Однако численность научных работников по сравнению с таковой в период плановой экономики сократилась вдвое, а средний возраст сотрудников научно-исследовательских организаций увеличился (доля специалистов в возрасте до 40 лет не превышает одной трети). Инновационной деятельностью в промышленности занимаются около 15 % предприятий. Слабая взаимосвязь научно-исследовательских организаций с производством и отсутствие опыта коммерциализации высоких технологий являются причинами, сдерживающими продвижение инновационных научно-технических проектов³.

Решить эти проблемы возможно, на наш взгляд, посредством формирования региональной инновационной системы, которая может представлять собой сеть кластеров, связанных между собой отношениями кооперации. Например, научно-образовательный кластер как подсистема региональной инновационной системы может включать цепочку образовательных учреждений, технопарк и научно-образовательные центры (НОЦ), расположенные на базе учебных подразделений крупных предприятий региона⁴. Важно создавать производство, находящееся на «переднем крае» технологического развития, для того чтобы войти в мировой процесс создания добавленной стоимости на верхних его уровнях (5-м и 6-м технологических укладах)⁵, характеризующихся самой высокой отдачей на вложенный капитал.

В эпоху знаний наука, образование и инновации становятся главной движущей силой экономики и ключевым фактором роста конкурентоспособности. При этом вклад научно-образовательного кластера в экономику Владимирской области должен оцениваться с точки зрения четырех составляющих: как перспективный сектор экономики, обеспечивающий занятость населения области на предприятиях с высоким уровнем производительности и добавленной стоимости; как источник инноваций, усиливающий конкурентоспособность предприятий области; как фактор роста, стимулирующий появление предприятий новой экономики, формирующихся на базе научно-образовательного комплекса и обладающих высоким потенциалом роста; как фактор конкурентоспособности, обеспечивающий экономику области качественными трудовыми ресурсами (мировой рынок образовательных услуг растет со среднегодовым темпом 9,2 % и достигнет в скором времени 200 млрд долл.)⁶. Стержнем формирования и функционирования областных кластеров выступает научно-образовательный кластер, который решает три главные задачи развития области: рост человеческого капитала, инновационность развития и обеспечение конкурентоспособности продукции, производимой в регионе.

Система образования Владимирской области включает 1 050 учреждений (19 тыс. учебных мест) и может быть представлена региональным кластером, включающим не только подсистемы, относящиеся к различным уровням образования (дошкольные учреждения, учреждения общего образования, учреждения среднего и высшего профессионального образования), но и подсистемы инфраструктуры научно-образовательного кластера.

К таким подсистемам следует отнести корпоративные институты, расположенные на площадках хозяйствующих субъектов, научно-образовательные центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, ресурсные и прочие центры, попечительские и прочие советы.

Связи научно-образовательного кластера с внешней средой так или иначе замыкаются на органах государственной власти и сфере производства, а также на потребителях научно-образовательных услуг в регионе и конкурентах за его пределами. Но потребность сферы образования в обобщении социально-экономических и технических аспектов реальной

практики требует не эпизодических контактов с внешней средой, а активного взаимодействия образовательных учреждений, органов власти и хозяйствующих субъектов и населения в социально-экономических процессах.

Наилучшим образом такое взаимодействие реализуется путем размещения на площадках хозяйствующих субъектов корпоративных институтов, а также в процессе выполнения консультационных и поисковых работ учебными заведениями по заказам хозяйствующих субъектов. Апробация полученных результатов в этом числе может производиться на территории технопарков при университете и встроенном в него бизнес-инкубаторе.

Иерархические связи образовательных учреждений свидетельствуют о методической системности образования в части как получения информации из практики учебных заведений всех уровней, так и передачи в практическую деятельность новых теоретических разработок. В структуру образовательного кластера могут войти три самостоятельных института Владимирской области и одна академия, а также филиалы иных вузов, которых в регионе около 20.

Интерес для образовательной сферы представляет и инфраструктура промышленных и прочих кластеров, в которую входят, как правило, консалтинговые фирмы, обучающие, поисковые и проектные организации, а также венчурные фирмы и технопарки (индустриальные или промышленные парки) с бизнес-инкубаторами, информационные и логистические центры. Так, разработчики новой редакции стратегии развития Владимирской области предлагают выделить пять приоритетных кластеров (точного машиностроения, фармацевтический, стекольный, биоэнергетический и туристско-рекреационный). В группу потенциальных кластеров вошли агропромышленный, автомобилестроительный, деревообрабатывающий, текстильный, транспортно-логистический и химический.

Кластерная политика предусматривает создание новых институтов развития в регионах. Так, в Липецкой области с этой целью создана «Корпорация развития Липецкой области», в Калужской — «Агентство регионального развития», в Воронежской — «Агентство по инвестициям и стратегическим проектам».

Во Владимирской области также создана корпорация развития, а в качестве формирования инфраструктуры предусматривается привлечение к реализации задач корпорации развития инфраструктуры хозяйствующих субъектов в лице созданных на их базе кластеров и инфраструктуры образовательного кластера, потенциала Торгово-промышленной палаты Владимирской области, а также создаваемых Корпорацией индустриальных или промышленных парков, бизнес-инкубаторов, информационных и логистических центров, НИИ и КБ, прочих элементов инфраструктуры, обеспечивающих работу кластеров.

Юридические лица, входящие в кластер, имеют различную организационно-правовую форму по российскому законодательству и различную подчиненность. Поэтому для успешной работы кластера необходимы многосторонние соглашения рамочного характера и последующие договоры на выполнение и реализацию различных проектов, направленных на стратегическое развитие Владимирской области, на основе повышения эффективности функционирования хозяйственной системы региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Журавлев Р.И. К оценке роли ведущих вузов в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации. URL: <http://edu-clusters.ru/sites/default/files/AnalyticSER.doc> (дата обращения: 30.10.2014).

² См.: Владимирская область в цифрах — 2012: официальные статистические публикации территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. URL: <http://vladimirstat.gks.ru> (дата обращения: 10.06.2014).

³ См.: Лапыгин Ю.Н., Лапыгин Д.Ю., Михайлов А.С. Инновационное развитие организаций: моногр. Владимир: Изд-во Владимир. филиала РАНХиГС, 2013. С. 101—103.

⁴ См.: Стратегия университета: моногр. / под ред. Ю.Н. Лапыгина. Муром: Изд-во МИ ВлГУ, 2008. 480 с.

⁵ См.: Малинецкий Г. Фрагмент доклада о перспективах РФ. Заокееанское управление будущим. URL: <http://zdesbudetgorodsad.ru/?p=1300> (дата обращения: 20.10.2014).

⁶ См.: Постановление Правительства Нижегородской области «Об утверждении Стратегии развития Нижегородской области до 2020 года» от 17 апреля 2006 г. № 127. URL: www.raexpert.ru/database/strategy/12.n-novgorod.rtf (дата обращения: 06.10.2014).

Поступила 14.11.2014.

D. Yu. Lapygin. Integration of Education and Science as a Factor of Strategic Development of a Region

Development of a region manifests itself in strategically significant changes, which should include the integration of the education system within itself, and with economic entities. Integration processes aimed at implementing synergistic effects allow to reduce transaction costs and to ensure innovative development of a region.

Three directions of integration are singled out: integration of institutions into the educational cluster of a region; integration of universities and business; formation of new educational structures in the process of business integration. The foundation of establishing a cluster can be a relationship of “beneficial” and “closer” interaction of educational institutions between themselves and business organizations. Benefits of interaction between educational institutions and business organizations are not only in approximation of theory to practice (ability to form case studies for training purposes and introduction of new solutions for business processes), but also in the growth of the potential of a region as a whole. The educational cluster can become the backbone of the entire regional innovation system representing a network of clusters that are linked by relations of cooperation.

Development corporations created nowadays in Russia’s regions will have an opportunity to provide for regulation of processes of socio-economic development in the regions and will contribute to formation of clusters, among which the scientific and educational cluster can act as a backbone link.

**Ж. В. ЧАШИНА РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА**

Ключевые слова: интернационализация, история, исторический подход, междисциплинарность, междпредметная интеграция, образование, система

Key words: internationalization, history, historical approach, interdisciplinary character, cross-curricular integration, education, system

Статья посвящена анализу исторического знания, его роли в современном социуме и системе образования. Рассматривается значение фактора междпредметной интеграции «Истории» и ее цели. Констатируется реализация современных целей исторического образования на примере Программы Мордовского государственного университета «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения (2010—2019 гг.)».

The paper is devoted to analysis of historical knowledge and its role in the modern society and education system. Importance of the factor of intersubject integration of “History” and its purpose is considered. Implementation of modern goals of historical education is stated and exemplified by the Mordovia State University Program “Fundamental and applied research in the field of Finno-Ugric studies (2010—2019)”.

Человек характеризуется способностью передачи информации, причем не только латерально (внутри поколений), но и вертикально, через поколения. А так как информация существует в контексте субъектно-объектного отношения, то она характеризуется и с точки зрения ее качества, которое оценивается тем, насколько знания содействуют сохранению гомеостаза, а также способности аккумулировать информацию о мире и затем использовать ее, получая адаптивные преимущества.

Факт возникновения системы образования обусловлен необходимостью сохранения культуры. Однако, на наш взгляд, наиболее значимым аргументом является то, что В. Г. Чайлд

ЧАШИНА Жанна Вячеславовна, доцент кафедры философии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

CHASHINA Zhanna Vyacheslavovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

именует рудиментарной наукой. Рассматривая два способа постижения мира (путем «проб и ошибок» и «примера»), он указывает на отличительную особенность человека — использование «перцепций», которые относятся не только к настоящей ситуации и не требуют личного опыта изучающего. В этом случае, по мнению Чайлда, происходит «оперирование символами» вместо прохождения через физический процесс пробы и ошибок. И только такое поведение может быть определено как «разумное»¹.

В современной системе обучения выделяют закон от частного к общему (традиционное обучение) и от общего к частному (развивающее обучение). В. Е. Пешкова, анализируя работы В. В. Давыдова и Л. В. Занкова², резюмирует: «Весь последующий изучаемый материал, вытекает из предыдущего и является его развитием, а не новым знанием»³. Следовательно, новое знание — это лишь рекомбинация уже имеющегося. Главный вопрос состоит в том, как человек воспримет это знание и распорядится им.

Новая парадигма образования предлагает обучение, основанное на междисциплинарном подходе и достижениях фундаментальной науки. Согласно современной отечественной концепции образования, такой подход способствует формированию целостного миропонимания и научного мировоззрения, что ведет к возникновению новых качеств, положительно влияющих на процесс обучения. Продуктивность интегрированного обучения состоит в координированности и согласованности учебных дисциплин, что является одним из отличительных признаков предметной системы обучения.

Особенно значимо становится историческое образование сегодня, в связи с происходящими событиями в мире. На современном этапе преимущества демократии позволили историческому образованию постепенно стать личностно ориентированным, плюралистическим и многообразным. Школа пытается самостоятельно преодолеть мировоззренческую и нравственно-ценностную пустоту, блуждая в поисках формирования целей и приоритетов образовательной политики.

Цели обучения истории различались в зависимости от разных этапов развития российского государства. До 1917 г. задачей российской школы было сформировать полноценное историческое сознание у учащихся; изучить историю в процессе эволюционного развития общества, а также куль-

турное наследие предков; усвоить сложившиеся ценности и институты; ознакомить с прошлым, чтобы уяснить настоящее и предвидеть будущее; воспитать в процессе обучения формирование гражданских навыков и основ патриотизма; развить интерес к истории как к науке и предмету обучения. Сегодня к целям исторического образования относят: обеспечение знания истории человека в течение всего его существования; формирование способности к критической рефлексии на основе истории, а также ценностей на основе гуманизма, патриотизма и уроков прошлого. Разработка целей обучения истории все еще продолжается. Согласно современным работам в этой сфере исследования, это воспитание гражданина, который будет уважать национальные и общечеловеческие ценности; осознание ценности культурного наследия и бережного отношения к природе; понимание смысла свободного выбора на основе различных мировоззренческих подходов; формирование человека, интегрированного в современном мире; формирование системы национальных и интернациональных принципов⁴.

Следует обратить внимание на то, что, помимо выработки целей, необходимо, чтобы процесс обучения истории в учебном процессе происходил комплексно. История — одна из предметных областей, которая имеет огромный накопленный человечеством материал. Этот факт позволяет ей выполнять функцию межпредметной интеграции в образовании. С одной стороны, такой фактор способствует пополнить особым историческим знанием содержание образовательного процесса, с другой — интеграция исторического знания с другим обогащает само историческое знание, давая ему новую смысловую нагрузку, что в итоге повышает мотивацию изучения истории и способствует точноно-ориентированному образованию⁵.

И. С. Дышлюк, исследуя историю с позиции межпредметной интеграции, разделяет ее функции на общедидактические и предметно-специфические. К общедидактическим относит формирование исторического взгляда на научно-учебную проблематику и применение исторического подхода как одного из методов учебного и научного познания. Предметно-специфические функции ученый видит в раскрытии многоплановости и многомерности исторического развития и в придании личностного смысла историческому знанию

за счет удовлетворения интересов учащихся в других областях знаний⁶.

А. Урсул рекомбинирует мысль В. Г. Чайлда о «разумном» поведении человека, утверждая, что образовательная система современного информационного общества должна быть опережающей и ноосферной⁷. Сегодня историческое знание, получая новое измерение в обществе, становится наравне с экономической и естественными науками, которые считаются определяющими развитие и сохранение человечества. Историческое образование и его интеграционная составляющая способствуют смягчению глобальных трендов современности, помогают сформировать политическую стабильность и направить общество на путь устойчивого развития.

Реализацией современных целей исторического образования и учета его междисциплинарного аспекта является принятая и осуществляемая Программа Мордовского государственного университета «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения (2010—2019 гг.)». Цели программы способствуют этнокультурному развитию финно-угорских народов и формированию межнационального сообщества⁸. Эта задача и ее исполнение вузом — один из путей решения современных целей исторического образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чайлд В.Г. Археологические документы по предыстории науки // Вестн. истории мировой культуры. М., 1957. № 1. С. 24—42.

² См.: Давыдов В.В. О понятии развивающего обучения // Педагогика. 1995. № 1. С. 29—39; Занков Л.В. Обучение и развитие // Избр. пед. тр. М.: Педагогика, 1990. 424 с.

³ Пешкова В.В. Педагогика: курс лекций: учеб. пособие. Майкоп: Адыг-ГУ, 2010. С. 127.

⁴ См.: Предмет, задачи и основные факторы методики обучения истории. URL: <http://studopedia.net/10...metodiki-obucheniya-istorii.html> (дата обращения: 23.11.2014).

⁵ См.: Амонашвили Ш.А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса. Минск: Рік, 1990. 559 с.; Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. 1997. № 4. С. 11—17; Дайри Н.Г. Как подготовить урок истории. М.: Просвещение, 1969. 128 с.; Лернер И.Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 191 с.; Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования

педагогических схем. М.: Логос, 1999. 272 с.; Сериков В.В. Развитие личности в образовательном процессе. М.: Логос, 2012. 448 с.; Чашина Ж.В. Синтез интеллекта и нравственности в современном образовании // Интеграция образования. 2014. № 1. С. 64—70.

⁶ См.: Дышлок И.С. Содержание исторического образования как фактор межпредметной интеграции в школе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д: Рост. гос. пед. ун-т, 2000. 20 с.

⁷ См.: Урсул А.Д. Концепция опережающего образования // Alma Mater. Вестн. высш. шк. 2006. № 7. С. 28—33.

⁸ См.: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. URL: http://mrsu.ru/ru/niu/docs.php?SECTION_ID=4481 (дата обращения: 23.11.2014).

Поступила 28.11.2014.

Zh. V. Chashina. Role of Historical Knowledge and Its Actualization in the Scientific and Educational Activity of a Region

The paper discusses the purpose and significance of the interdisciplinary factor of historical knowledge and its role for the modern society. The author indicates that the stored materials of human History allows it to serve as a factor of interdisciplinary integration in the educational process. In turn, integration of History with other sciences enriches historical knowledge and acquires a new meaning. This fact increases motivation of the study of History and promotes accuracy oriented education. Thus, the cross-curricular integration and the purpose of historical knowledge bring the historical education to a new level, promote the inclusion of historical knowledge through other subject and educational areas into the personal semantic context, fill historical knowledge with new content, reveal the multidimensionality of the historical process, contribute to the formation of the systemic nature of historical thinking, educate the citizen who will respect national and universal values, promote awareness of the value of cultural heritage and respect for nature, develop understanding of meaning of free choice, using a variety of philosophical approaches form a person integrated into the modern world and also improve the systems of national and international interests.

An example implementation of the goals of historical education and taking into account its interdisciplinary aspect can be considered the adopted and implemented Program of the Mordovia State University “Fundamental and applied research in the field of Finno-Ugric studies” (2010—2019). The goals of this program contribute to ethno-cultural development of the Finno-Ugric peoples and to formation of ethnic harmony.

Н. А. ДОГОРОВА СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В МОРДОВИИ (1920—1930-е гг.)

Ключевые слова: культурно-образовательная политика, программа культурного развития, культурно-просветительные задачи, культурно-просветительная работа, статистика и деятельность культурных учреждений, городской фактор жизни и общественная мораль

Key words: cultural and educational policy, program of cultural development, cultural and educational objectives, cultural and educational work, statistics and activities of cultural institutions, urban factor of life and public morals

В статье рассматриваются вопросы становления и развития культурно-образовательного пространства Мордовии. Автором предпринята попытка исследовать культурно-просветительный фон 1920—1930-х гг. в соотношении механизмов культурно-просветительных задач и традиционного уклада жизни в условиях создания новой «технологии» общественной структуры. Специфика просветительной работы определяется как переломный этап в предыстории формирования сценической театральной культуры.

The paper considers issues of formation and development of cultural and educational space of Mordovia. The author attempts to explore the cultural and historical background of the 1920's-1930's in correlation of mechanisms of cultural and educational tasks and the traditional way of life in circumstances of creation of a new “technology” of the social structure. Specificity of educational work is defined as the turning point in the history of formation of the stage theatrical culture.

Начало 30-х гг. XX в. — период максимальной ликвидации безграмотности. Отдельные печатные экземпляры по организации культурно-массовой работы продолжают поступать в Мордовию и сохраняются в документах Саранского уездного бюро профессиональных союзов Пензенской губернии. В постановлении Пленума культотдела, утвержденного на

ДОГОРОВА Надежда Александровна, доцент кафедры национальной хореографии Мордовского государственного университета, кандидат искусствоведения.

DOGOROVA Nadezhda Aleksandrovna, Candidate of Art Criticism, Associate Professor at the Department of Ethnic Choreography, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

заседании Пензенской губернской конференции профсоюзов, говорится: «Пленум считает необходимым обратить должное внимание на подготовку "квалифицированных" граждан вообще, а потому считает своим долгом принять меры к ликвидации безграмотности и побуждению широких масс рабочего класса к самодеятельности, поощряя стремление к культурной работе... способствуя организации, расширению и укреплению культурно-просветительной работы на местах»¹.

Культурная деятельность, следуя за темпами индустриализации и массового воспитания новых слоев рабочих, была также направлена на удовлетворение повышенных запросов «основных кадров пролетариата»². Понимаемая как неразрывная часть всей идеологической работы, она должна была способствовать всестороннему развитию каждого члена общества. Основные положения Программы курсов-семинаров для работников культурных комиссий были разработаны и приняты как типовые в 1920-е гг.³ «При осуществлении всех этих задач ячейкам необходимо строго выполнять решения 15 Конференции о наибольшем обслуживании массовой культурной работой бедноты и батрачества, вовлекать в драмкружок, в вечера и гуляния главным образом бедняцкую и батрацкую молодежь. Снабжать грамотных пастухов и батраков газетами... при отсутствии денег <действовать> за счет кооперации, средств, собранных от спектаклей и т. д. Отдельные ячейки предостеречь от ориентировки на так называемую "чистую публику" (детей зажиточных, деревенского мещанства, служащих и т. д.) — что влечет за собой отрыв от основных групп деревенской молодежи бедноты и середняков»⁴.

Согласно задачам общей государственной политики и программе культурного развития, в 1930-е гг. в городах и деревнях Мордовии активизировались творческие народные мероприятия на основании равноправного объединения «культурно-просветительных фронтов». Широкое распространение в сельской местности получили праздничные молодежные игры и гуляния, массовое пение и пляски, читка рассказов и небольших статей из газет под открытым небом (практика «волшебный фонарь»), спортивные зрелищные выступления, сопровождаемые активным привлечением гармонистов, балалаечников и танцоров. Развитие форм массового развлечения закреплялось системой творческих договоров между

районными сельскими центрами и городскими театрами для постановки сценических произведений концертного плана, а также с кинотеатрами для просмотра картин местным населением.

Следует отметить, что культурно-образовательная деятельность наложила на развитие традиционного уклада национальных меньшинств в первые годы новой политической «технологии» феномен свободы личности женщины, достигший своего апогея и занявший центральное место в образовательных программах советского общества. Культурно-просветительская работа не просто позиционирует модный лозунг «оздоровливания тела» и принципы массовой культуры, но и всячески пытается сломать стереотипы советской России, которые воздвигались перед «женщиной-кормилицей», «женщиной-матерью», «женщиной — хранительницей домашнего очага» и запрещали ее участие в культурной жизни страны.

В соответствии с программой строительства новой культурной политики и просвещения в Советской Мордовии наравне с другими автономными национальными регионами, шли процессы переосмысления места и роли женщины не только в производственной сфере, но и в образовательной и художественной областях. Следует отметить, что в деятельности клубных учреждений на территории Мордовии в конце 1920-х гг. в исполнительском составе мужчин было больше, чем женщин. При такой дифференциации полов поднять образовательно-культурный уровень женщины было возможно только путем ее моральной поддержки и доверия: открытого вовлечения женщины в различные культурно-просветительные работы, поощрения ее творческой инициативы и участия в самодеятельности.

Определяющее значение социальных норм женщины-матери, домохозяйки и воспитательницы детей в целом характерны для управления преемственными процессами в рамках любой исторической модели традиционной культуры (независимо от вероисповедания и национальной принадлежности). Они не противоречили задачам образовательной политики в годы первых десятилетий советской власти. Однако «технология» нового образа жизни советского гражданина создавала интенсивные условия обновления многовекового опыта и наследия этнических традиций мордовского народа.

Новые механизмы, постоянно внедряясь в границы самобытной национальной культуры, привносили качественно иные требования к воспитанию молодого поколения, в частности женщин.

В органах культурно-политического движения женщине отводилось место наравне с мужчинами, необходимо было овладение профессиональными знаниями. На реализацию этого были направлены основные силы государства и его автономных территорий. Следовательно, только при таком стечении обстоятельств (становление современного облика культурной традиции в контексте сложного противоборства с архаичным мировоззрением) и соблюдении условий демократического режима («наравне») разрешалось получать образование (общее и специальное) в инороднической части России.

Повсеместно в Мордовии при культурных отделах, клубах и лекториях, библиотеках (избах-читальнях) стали организовываться первые драматические, музыкальные и хоровые (а также сольного пения) кружки, издательские и литературные группы, струнные и духовые оркестры, позволяющие активно разворачивать при них художественно-просветительские комиссии. Новым источником просвещения и творческой деятельности для рабочего человека должны были стать красные уголки, создаваемые на заводах.

Оценивая статистику функционирующих профсоюзных культурных учреждений, действующих на территории Мордовии при заводах и самостоятельных кооперативах, не сложно предположить, сколько времени должен был проводить советский человек, чтобы утвердиться в границах культурной «национализации духа». Почти все свободное время от производства он посвящал физическому и творческому самосовершенствованию. Хотя в целом статистические материалы о работе культурных учреждений типично справочные, можно выделить индивидуальные черты, профессиональные практики. Так, сохранились сведения о деятельности сети профсоюзных культурных учреждений на 1 апреля 1928 г. Всего в Саранске того времени насчитывалось курсов и школ профессионального движения: учреждений — 1 чел., учащихся — 30 чел.; общеобразовательных кружков: заведений — 6 чел., учащихся — 31 чел.; стационарных библиотек: отделений — 7, число посетителей — 4 247 чел.; клубов

(межсоюзного значения) — 1, число учащихся — 2 124 чел.; кружков и команд физкультуры: отделений — 1, учащихся — 10 чел. Сверх этого объединений — 1, участников — 125 чел., стрелковых игр — 1⁵.

Наибольший интерес вызывает деятельность центрального клуба (межсоюзного подчинения) имени Ильича (г. Саранск). «Клуб обслуживает большинство профсоюзной массы и членов клуба в количестве 622 человека из коих семей членов профсоюза — 206 человек, членов Союза советских служащих — 115 чел., прочих профсоюзов — 301 чел., мужчин — 444 чел., женщин — 138 чел.»⁶. Следуя общим положениям организации и проведения культурно-массовой деятельности в городе и деревне, по уставу клуба предусматривались следующие виды работ: устройство массовых гуляний и праздников, развитие направлений образовательного характера с проведением лекций, докладов, анализом спектаклей, наконец, разработка и проведение многоуровневой сети кружковых творческих мероприятий: «драматический, сольного пения, шахматно-шашечный, фотокружок, кон<ная> секция, электротехнический, тир, струнный оркестр, духовой»⁷. Таким образом, образовательную и культурную работу клуба Ильича отличали профессиональный характер и методы руководства (на основе независимого объединения людей по интересам), а также содержательная направленность занятий, особо активизировавшаяся по части усиленного развития драматического кружкового движения.

Есть документальные свидетельства о проведении силами учащихся самостоятельных платных драматических спектаклей в 1928 г.⁸ «Через платные драматические постановки пропущено всего 6 155 чел., из них членов клуба 999... лекции и доклады — 3 000 чел.»⁹. В документе по отчету в графе наименования кассовых средств по дебиторской стороне числится сумма в размере 11 471 руб., а кредитной части — 11 450¹⁰. Особое место в эффективной работе клуба занимала разработка художественных мероприятий открытого типа совместно с городским театром (г. Саранск).

В 1928 г. в Москву из Мордовии пришли документы, некоторые из них под грифом «Совершенно секретно», основным содержанием которых является обсуждение вопроса по переходу церквей в местные нужды. Подобная практика вполне соответствовала общей логике политических и

культурно-образовательных реформ страны начала XX в. С. Б. Бахмутов и В. И. Лаптун исследовали этот процесс на территории Мордовии¹¹.

Документы о закрытии церквей в Мордовии объединяют не только даты (почти все они подготовлены в течение 1928 г.), но и содержание текстов. В период с 25 по 29 мая 1928 г. в Саранске проходят расширенные заседания по передаче церковных сооружений под культурные учреждения и хозяйственные нужды города. К освобождающимся зданиям проявили интерес сразу несколько правлений творческих и профессиональных союзов и подведомственных отделений. Они даже стремились мобилизовать общественные силы города для голосования по вопросу передачи церквей под местные нужды. В течение только четырех дней в этой работе приняли участие более десятка организаций¹².

Изучая протоколы обсуждений и выписки заседаний Саранского уездного бюро профессиональных союзов Пензенской губернии ЦГА РМ Мордовии по вопросам развития системы учреждений искусств, остановимся на тех материалах, которые связаны с передачей церковных сооружений под организацию театров. Церковные здания распределили следующим образом: Рождественскую церковь — под клуб или школу второй ступени, Богословскую — под детские ясли, Старую монастырскую церковь — под клуб молодежи или под музей родного края, а ее колокольню — под водонапорную башню и т. д.¹³

В архивных документах за 1920—1930-е гг. отмечается острая нехватка профессиональных культурно-просветительных учреждений, а также отсутствие оборудованных зданий для сценических художественных практик в Мордовии. Эта проблема так и не была решена. Городской театр долгое время занимал здание бывшего кинотеатра, нуждающегося в капитальном ремонте с 1911 г. Вместе с этим нельзя не подчеркнуть другое обстоятельство, продиктованное положениями новой государственной образовательной политики. Важную роль в художественном развитии Мордовии в 30-е гг. XX в. сыграло формирование и развитие централизованных связей крупных культурных столичных центров с регионами и малыми городами (последних — с селами и районными городскими центрами). Преобладание взаимообусловленного и конкурентоспособного роста городов и районов

республики с различной долей направленности культурного и просветительного обобщения в некоторых случаях прямо способствовало решению приоритетных задач образовательного и художественного уровня Мордовии.

Твердая решимость Сектора искусств РСФСР и Отдела народного образования МАССР в 1930-е гг. проявилась в разработке совместных планов. Это была задача создать «при облОНО (областном отделении народного образования. — Н. Д.)... штаб художественного обслуживания и руководства массовой художественной самодеятельностью с целью объединить культфронты... а также художественных сил города и деревни: направление искусства — обслуживание важнейших художественных и политических кампаний, подготовка и переподготовка художественных кадров»¹⁴.

Таким образом, анализ направлений культурно-просветительной работы и образования в Мордовии первых десятилетий советской власти показывает, что основными были решение проблемы неравенства полов и изменение женской морали через овладение профессиональными знаниями (производство, наука, культура, искусство); взаимодействие столичных творческих союзов и организаций с провинциальными; положительное влияние этого взаимодействия на профессиональную деятельность (творческую и образовательную), среду учреждений культуры и искусства; подготовка и переподготовка квалифицированных кадров; создание развернутой сети учреждений и программ культурно-массовых мероприятий для привлечения людей, объединяемых по интересам, а также руководство культурно-просветительской работой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА РМ. Фонд № Р-146. Саранское уездное бюро профессиональных союзов Пензенской губернии. Оп. № 1. Арх. № 19. 9 авг. 1920 г. Л. 22.

² Там же. Л. 1.

³ ЦГА РМ. Фонд № Р-146. Саранское уездное бюро профессиональных союзов Пензенской губернии. Оп. № 1. Арх. № 166. 1 янв. 1928 г. — 1 июля 1928 г. Л. 2—7; 153—162; 192—192 (об.); 195—196; 232, 234.

⁴ Там же. Л. 232—234.

⁵ Там же. Л. 192—192(об).

⁶ Там же. Л. 195.

⁷ Там же. Л. 196.

⁸ Там же. Л. 195.

⁹ Там же. Л. 195—196.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Бахмутов С., Лапун В. Разорванное ожерелье. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 256 с.

¹² ЦГА РМ. Фонд № Р—146. Оп. № 1. Арх. № 166. 1 янв. 1928 г. — 1 июля 1928 г. Л. 153—162.

¹³ Там же. Л. 153—154, 156—157, 159—161(об).

¹⁴ ЦГА РМ. Фонд № Р-297. Отдел народного образования Мордовского областного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Мордовской автономной области Средне-Волжского края. Оп. № 1. Арх. № 32. Л. 7.

Поступила 19.12.2014.

**N. A. Dogorova. Specificity of Cultural
and Educational Work in Mordovia (1920's—1930's)**

The 1920's is an important historical stage in the development of cultural and educational space of Mordovia. The understanding of the artistic idea in the cultural model of traditional society, supposed to be achieved through acquisition of professional knowledge, changed. The artistic space was gradually acquiring public spirit and autonomy. The processes of professionalization in various spheres of cultural life of society were highly ambiguous. Folklore (amateur creativity) changing with the “new” tasks of the state policy and education, was gradually breaking away from the negative elements of influence of the pagan cult and archaic worldview. In the conditions of work of various cultural associations, unions, clubs, lecture halls, libraries, important historical mechanisms of formation of the basis of the future multi-level specificity of creative practices (including the stage profile) were traced.

The problem gender inequality and re-evaluation of the phenomenon of female morality through mastery of professional tools of knowledge (production, science, culture, art) was the central core in the mechanisms of overcoming cultural and educational problems of the times in question as well as targeting of the state art apparatus and the territorial departments controlling it to work for interchange of the artistic experience between the center and the periphery, and penetration of the mechanisms of this activity into the professional (creative and educational) environment of institutions of culture and art, training and retraining of specialists skilled in arts, creation of a wide network of institutions and programs of cultural and public events in order to attract people united according to their interests.

**З. Х.-М. САРАЛИЕВА, РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ
Д. А. СОФРОНОВ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ
СТУДЕНТОВ¹**

Ключевые слова: студенты, трудоустройство, вторичная занятость, поиск работы, трудовое посредничество, социальные сети, работные сайты

Key words: students, employment, secondary employment, job search, employment mediation, social networks, job websites

В статье актуализируется роль интернет-ресурсов при трудоустройстве студентов двух региональных вузов. Рассматриваются способы и технологии поиска работы на основе специализированных и неспециализированных сайтов, делаются выводы об изменении содержания коммуникации в социальных сетях, о влиянии масштаба города на сетевое пространство взаимодействия.

The paper considers the role of Internet resources in student employment of two regional universities. Methods and techniques of search based on specialized and non-specialized websites are discussed; conclusions about the change in the content of communication in social networks, about the impact of the city size on the network interaction space are drawn.

Результатом развития информационных технологий в условиях глобализации стала трансформация Интернета в информационно-интерактивную среду. В начале XXI в. взаимодействие в социальной сети стало обычным явлением не только для социальных групп, но и для профессиональных сообществ. Информационные технологии оказывают влияние на различные сферы социума. К числу наиболее подверженных трансформациям относят финансовые институты и рынки труда. Соответственно, динамично изменяется процесс обмена информацией в трудовых отношениях. С появлением

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

СОФРОНОВ Дмитрий Александрович, магистрант направления «Социология» Мордовского государственного университета.

SARALIEVA Zaratkhan Hadji-Murzayevna, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

SOFRONOV Dmitry Aleksandrovich, Graduate Student in Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

онлайн-порталов для поиска работы, тематических форумов и социальных сетей стал доступен большой объем информации о ситуации на рынке труда, об открытых вакансиях, особенностях трудоустройства, развития карьеры.

Вопросы трудоустройства волнуют не только потенциальных работников, но и студентов в связи с усложнением функциональных обязанностей, предъявляемых будущим профессионалам, с одной стороны, и увеличением числа претендентов на вакансии из числа выпускников вузов, т. е. усилением конкуренции, — с другой. Согласно социологическим данным, работающих студентов становится больше, их доля увеличивается в соответствии с курсом обучения и профилем². Это обстоятельство определило интерес к проблеме трудоустройства студентов с учетом развития современных технологий.

В рамках проекта «Сетевое социально-информационное взаимодействие при трудоустройстве» в октябре — ноябре 2014 г. в двух исследовательских университетах был проведен опрос «Интернет-ресурсы при трудоустройстве студентов». Его целью было выявление характера взаимодействия при поиске студенческой молодежью работы посредством специализированных и неспециализированных сайтов, социальных сетей.

В опросе приняли участие 309 респондентов. Это студенты Нижегородского государственного университета (ННГУ, $n = 140$ чел.) и Мордовского государственного университета (МГУ, $n = 169$ чел.). Около половины опрошенных в настоящее время работают (46 %), три четверти имеют опыт трудоустройства, включая временные формы занятости (78 %). Как указывают респонденты, распространенными формами их занятости являются подработки без оформления трудового договора (40 %), временная занятость (34 %), реже — опыт работы по контракту на постоянной основе (26 %).

Сравнительные данные по университетам показывают, что доля студентов, обладающих опытом работы, сравнительно одинаковая (в МГУ — 76 %, ННГУ — 80 %). Однако отмечаются различия в характере занятости: студенты МГУ чаще имеют опыт работы на постоянной основе (28 % против 16 % студентов ННГУ), в то время как вторые чаще имеют опыт временной занятости и подработок без оформления трудовых отношений (64 % против 48 %). На наш взгляд,

различия определяются особенностями региональных рынков труда, предоставляющих или ограничивающих возможности занятости студентов с преимуществом гибких форм.

Трудовая занятость студентов имеет положительные и отрицательные стороны. Положительный момент состоит в том, что формируются ценности труда, навыки рационального планирования времени, ориентировка на рынке труда и проверка своих способностей. Как правило, даже студенты старших курсов не всегда трудоустраиваются по получаемой в вузе специальности в силу разных причин (недостаточная квалификация, ограниченность предложения стартовых позиций на рынке профессионального труда, невысокая лояльность работодателей и преподавателей относительно факта вторичной занятости студента и др.).

Как считают студенты, трудоустройство обеспечивает им приобретение не только трудовых навыков (46 %), но и полезных связей (20 %), формирование уверенности в себе (26 %). Трудовая занятость способствует и развитию у студентов общетрудовых и социальных навыков, которые сами по себе имеют ценность как этап трудовой социализации, поскольку для полноценной самореализации в труде, наряду с профессиональной, человеку необходима и социальная компетентность³. Опрос показал, что для 80 % респондентов основным мотивом трудоустройства также стало желание иметь собственные деньги.

Негативной стороной трудоустройства студентов является смещение приоритетов труда в ущерб учебной деятельности, когда студент «забывает» об основном статусе — обучающийся, определяя себя как «человек работающий». Это сопрягается с неоправданно высокими рисками, связанными со снижением успеваемости, потерей статуса как наилучшим вариантом развития событий.

В современном обществе при повсеместном использовании информационно-коммуникационных технологий важным условием конкурентоспособности и эффективной самореализации человека становится обладание такими компетенциями, как работа с информацией (поиск, обработка и управление) и коммуникация посредством современных технических средств, что требует от пользователя определенного уровня технической культуры, преодоления психологического барьера между компьютером и человеком⁴.

Исследования подтверждают высокую степень адаптации вновь трудоустраивающихся (а это, как правило, молодежь) не только к современным технологиям, но и к новым алгоритмам взаимодействия в интерактивной среде. По данным исследования «Kelly Global Workforce Index» компании Kelly Services, четверть российских респондентов в 2013 г. трудоустроились благодаря онлайн-порталам с банком резюме и вакансий. Такой способ поиска работы входит в тройку наиболее популярных среди опрошенных. Отмечается и возрастающий потенциал социальных сетей как инструментов поиска работы и трудоустройства. Наблюдается рост числа трудоустроившихся с помощью общения в социальных сетях: если в 2010 г. таким образом трудоустроились только 1 % участников опроса, то в 2013 г. их оказалось 9 %⁵. Наиболее эффективные способы поиска работы, по мнению респондентов, ранжируются от традиционных в российском обществе форм (родственники, друзья, знакомые) к специализированным (центры занятости), причем специализированные сайты занимают промежуточное положение между «старыми» и институционализирующимся формами занятости (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее эффективные способы поиска работы, %

Вариант ответа	МГУ	ННГУ	Всего
Через родственников, друзей, знакомых	61	63	62
При содействии вуза, факультета, преподавателей	44	59	52
Через самостоятельное обращение на предприятия, в организации, фирмы	48	51	50
Через специальные сайты	43	59	51
Через государственные службы (центры) занятости	23	16	20
На ярмарке вакансий	11	22	17
Через вузовскую службу занятости	12	18	15

Региональные различия в уровне доверия студентов к интернет-ресурсам как инструменту поиска работы находятся в пропорциональной зависимости от масштаба города, развития его информационной инфраструктуры, которые определяют эти стратегии на этапе карьерного старта. Различия проявляются также в оценке респондентами эффективности вузовских служб занятости, ярмарок вакансий (студенты ННГУ в большей степени признают эффективность вузовских каналов поиска работы, студенты МГУ чаще готовы пользоваться услугами государственных служб занятости).

Информационные технологии влияют на содержание коммуникации, придавая информационной среде социальный характер: в настоящее время формируется новая модель информационного взаимодействия объектов социальной реальности, предполагающая обращение не ко всей информации, а только к той, что связана с определенными социальными процессами, в данном случае — с трудовыми, что и определило появление специализированных онлайн-порталов (работных сайтов). В ходе опроса была выявлена популярность у студентов следующих сайтов: Job.ru (49 %), Rabota.ru (43 %), Superjob.ru (28 %), Headhunter.ru (27 %), Career.ru (9 %). Отдельно стоит отметить сайт Avito.ru (57 %), занимающий по числу упоминаний первое место. На этом сайте есть раздел по трудоустройству, где публикуются вакансии, наряду с другими объявлениями. На наш взгляд, популярность этого сайта у студенчества связана с содержанием предложения работы, не требующей высокого уровня квалификации. Согласно данным опроса, половина студентов, уже имеющих опыт работы, использовала специализированные онлайн-порталы для трудоустройства. Однако их выбор ресурса в региональном разрезе обнаруживает любопытную картину: среди студентов МГУ наиболее популярны сайты Avito.ru (75 %) и рабочий портал Job.ru (56 %), а среди студентов ННГУ — рабочие порталы Rabota.ru (65 %), Job.ru (42 %) и Headhunter.ru (42 %). Региональные особенности проявляются и в оценке эффективности использования специализированных порталов при поиске работы: студенты ННГУ в три раза чаще, чем студенты МГУ, отмечают, что обращение к рабочим порталам оказалось «определенно полезным» (38 % против 12 %) и «полезным» для них (60 % против 48 %).

В структуре социальных сетей, наряду с развлекательным, появляется контент делового общения. Как оказалось, студенты используют социальные сети не только для повседневного общения (91 %) и развлечений (77 %), но и для учебной деятельности (71 %) и работы (31 %) (табл. 2). Цели использования социальных сетей студентами двух исследованных университетов несколько различаются. При прочих схожих тенденциях (в части использования сетей для общения и развлечений) студенты ННГУ в социальных сетях чаще решают учебные и рабочие задачи. Условия

крупного города особым образом влияют на коммуникацию, делая ее все более деловой и «сетевой». Пространство общения молодежи конструируется благодаря налаживанию и поддержке социальных связей в виртуальном пространстве.

Таблица 2

Цели использования студентами социальных сетей, %

Вариант ответа	МГУ	ННГУ	Всего
Общение	88	94	91
Развлечения (музыка, фильмы и др.)	75	79	77
Для учебы	59	82	71
Для решения рабочих задач	22	39	31
Для знакомств	17	13	15

Роль социальных сетей как связующего звена в отношениях «соискатель — работодатель» обусловлена характером связей в Интернете. Несмотря на то что они, как правило, носят слабый характер, это не умаляет их значения. М. Грановеттер описал эффект, названный «силой слабых связей», согласно которому слабые межличностные связи, обычно игнорируемые большинством исследователей как незначительные, являются мощным механизмом социальной мобильности в отличие от сильных связей, так как они предоставляют информацию, которая наиболее отлична от той, которой располагает сам субъект⁶. По мнению респондентов, при трудоустройстве именно социальные сети помогли им наладить контакт с «нужными» людьми (47 %).

Вместе с тем коммуникация в Интернете не замещает традиционных практик социального взаимодействия, а трансформирует их и по-новому воспроизводит в онлайн-пространстве⁷. Такой вид взаимодействия реален как по своему содержанию, так и по последствиям. Подобно тому, как под влиянием Интернета изменяются практики и формы взаимодействия в повседневной жизни, они влияют и на область трудовых отношений. Ожидается, что по мере проникновения Интернета в социальную жизнь разных поколений будет повсеместно возрастать его роль как инструмента трудоустройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа проводилась при содействии Фонда конкурсной поддержки студентов, аспирантов и молодых научно-педагогических работников ННГУ им. Н.И. Лобачевского (2014).

² См.: Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М.: Изд-во ЦСП, 2002. С. 53.

³ См.: Фадеева И.М. Профессиональная культура // Экономическая социология: учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Сухарева. Саранск, 2011. С. 246.

⁴ См.: Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда: учебник для вузов. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 290.

⁵ См.: Социальные сети и технологии: ежегодное исследование о работе и работодателях. URL: http://www.kellyservices.ru/uploadedFiles/1-Images/MISC_Images/RU_Docs/Knowledge_Hub_Russia/KOСG9831%20KGWI4%202013%20Social%20Media%20and%20Technology%20RU.pdf (дата обращения: 15.01.2014).

⁶ См.: Грановеттер М. Сила слабых связей / пер. З. В. Котельниковой // Экон. социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 41.

⁷ См.: Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook / пер. Н. Фрейман. СПб.: Питер, 2011. С. 15.

Поступила 23.12.2014.

Z. H.-M. Saralievа, D. A. Sofronov. Role of Internet Resources in Student Employment

The transformation of the Internet into an information and interactive environment where ongoing social interaction with real consequences is carried out was the result of development of information technologies in the circumstances of globalization. The paper reveals the role of Internet resources in student employment for two regional universities — the Mordovia State University and the Nizhny Novgorod State University. The authors discuss methods and search techniques based on the specialized and non-specialized websites, they draw the conclusions that the content of communication in social networks has changed, that the scale of a city affects the network interaction space. The survey identified that the job websites are popular among students (Job.ru — 49 %, Rabota.ru — 43 %, Superjob.ru — 28 %, Headhunter.ru — 27 %, Career.ru — 9 %) as well as the social networks, which they use not only for everyday communication (91 %) and entertainment (77 %), but for learning activities (71 %) and work (31 %). Regional differences in the level of confidence of students to the Internet resources as a tool for job search are proportional to the scale of the city, to the level of development of its information infrastructure, which defines strategies on the stage of a career start.

Г. Ф. ЗИНАТУЛЛИНА

КОНВЕРТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ РЕГИОНА

Ключевые слова: социальный капитал, село, сельская семья, конвертация

Key words: social capital, rural area, rural family, conversion

В статье рассматриваются особенности конвертации социального капитала сельской семьи в экономический капитал, представлены материалы авторского социологического исследования, позволяющие установить роль социального капитала в определении положения, которое занимает семья в стратификационной структуре сельского социума.

The paper discusses the features of conversion of social capital of a rural family into economic capital and presents materials of the author's sociological research, allowing to establish the role of social capital in determining the position of a family in the stratification structure of the rural society.

Социальный капитал является показателем состояния современного общества, его инновационного потенциала, экономического благосостояния, а также представляет собой важную доминанту жизни отдельно взятой семьи. Именно его ресурсы она может использовать для своего экономического роста, повышения социальной позиции в стратификационной структуре.

П. Бурдье выделил три основных вида капитала: экономический, который конвертируется в деньги и права собственности; культурный — в экономический капитал и образование; социальный, как и культурный, — в экономический капитал¹. Конвертация социального капитала происходит посредством его основных компонентов: социальных сетей, социальных норм и доверия. П. Бурдье отмечал,

ЗИНАТУЛЛИНА Гузель Фаритовна, научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

ZINATULLINA Guzel Faritovna, Research Officer at the Center of Family and Demography, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation).

что знакомства, признание окружающих помогают человеку пользоваться их доверием. Объем социального капитала на основе доверия измеряется объемом других форм капитала (экономического, культурного, символического), которыми в свою очередь обладают индивиды, объединенные данной социальной сетью.

Дж. Коулман выделил четыре типа капитала: физический, финансовый, человеческий и социальный. По его мнению, социальный капитал присутствует во взаимоотношениях индивидов, формируется на основе доверия людей друг к другу². Иными словами, он возникает на основе связей с другими людьми и облегчает их совместную деятельность.

Представителем направления, ориентированного на изучение взаимодействия и соотношения различных форм капитала, следует считать В. В. Радаева. Он определяет понятие «капитал» как нечто заведомо объективированное, весомое и в то же время динамичное, развивающееся, беспрестанно меняющее формы³. Чтобы проанализировать хозяйственную жизнь, ученый выделяет основные формы капитала: экономический, культурный, физический, человеческий, социальный, политический, административный и символический. Для экономико-социологического анализа форм капитала мы используем теоретико-методологический подход П. Бурдье и опираемся на его концепцию о трех состояниях капитала (инкорпорированное, объективированное, институционализированное). Объективированное состояние социального капитала формирует сети социальных связей, которые используются для общего обучения правилам поведения, создания репутации. Институциональная форма, складывающаяся на основе социальных сетей, имеет принадлежность к определенному социальному кругу, членству в группе. В инкорпорированном состоянии социальный капитал может выражаться в таких простых вещах, как списки адресов, телефоны важных людей. В. В. Радаев отмечает, что социальный капитал может измеряться только степенью включенности в те или иные сети, а также характеристикой самих сетей⁴.

Сделаем акцент на таком канале конвертации, как социально-экономическое положение семьи, улучшение которого обеспечивает повышение ее статуса в структуре сельского социума. Взаимосвязь между социальным и экономическим

капиталами была исследована в сельских семьях Пестречинского и Кукморского районов Республики Татарстан⁵. По анкете массового социологического опроса в 2012 г. в Пестречинском районе было опрошено 1 095 чел., в 2013 г. в Кукморском районе — 804 чел. трудоспособного населения. Отбор респондентов от 18 лет производился на основе квотной выборки. Ее репрезентирующие признаки соответствуют основным социально-демографическим показателям районов.

Для раскрытия конвертации социального капитала в положение семьи в стратификационной (социально-экономической) структуре села мы разделили респондентов на четыре равные группы: жители, которые пользуются дружеской и семейной поддержкой максимально; жители, которые пользуются дружеской и семейной поддержкой умеренно; жители, которые пользуются дружеской и семейной поддержкой очень мало; жители, которые не пользуются дружеской и семейной поддержкой. Таким образом, эти группы можно сравнить по степени использования социального капитала.

Согласно данным, полученным в Кукморском районе, при максимальной поддержке друзей и родственников доходами семьи полностью удовлетворен каждый четвертый житель (26,3 %), частично удовлетворена треть опрошенных семей (37,0 %), скорее удовлетворен каждый пятый (22,0 %), скорее не удовлетворен каждый десятый сельчанин (11,5 %) и абсолютно не удовлетворены 3,2 %. При получении семейно-родственной поддержки в умеренной форме доля респондентов, полностью и частично удовлетворенных доходами семьи, меньше, чем при максимальной поддержке (19,9 и 34,7 %). Варианты ответов «скорее удовлетворен», «скорее неудовлетворен» и «абсолютно не удовлетворен» были отмечены каждым десятым жителем (17,6, 16,7 и 11,1 % соответственно).

В то же время при очень малой поддержке родственников полная удовлетворенность доходами семьи отмечается лишь у каждого десятого респондента (13,2 %), частичная удовлетворенность аналогична ответам первой и второй группы (34,2 %). Из числа всех опрошенных десятая часть респондентов скорее удовлетворена и абсолютно не удовлетворена доходами своей семьи (17,2 и 15,0 % соответственно). В то же время скорее неудовлетворенные составляет пятую часть из числа всех опрошенных (20,4 %).

Число сельских жителей, не получающих семейно-родственную поддержку, которые удовлетворены доходами своей семьи, меньше количества респондентов, относящихся к первым двум группам (13,4, 31,6, 16,5, 20,7 и 17,8 % соответственно).

В четырех описываемых группах Пестречинского района доля сельских семей, которые удовлетворены доходами своей семьи, меньше, а доля неудовлетворенных больше, чем в Кукморском районе. У группы с максимальной поддержкой соотношение составляло 20,3, 30,4, 16,4, 23,1 и 9,8 % соответственно; у группы с умеренной поддержкой — 13,2, 29,1, 12,3, 25,6 и 19,8 %; с минимальной поддержкой — 18,9, 27,9, 10,8, 20,3 и 22,1 %; с отсутствием поддержки — 10,8, 26,6, 12,4, 27,4 и 22,8 %.

Таким образом, в группах, которые пользуются семейно-родственной поддержкой в большей и умеренной формах, уровень удовлетворенности доходами семьи выше. Сравнительный анализ районов относительно роли социального капитала продемонстрировал, что у жителей Кукморского района уровень удовлетворенности доходами выше, чем у сельчан Пестречинского района. Это также связано с тем, что численность жителей, которые пользуются семейно-родственной поддержкой, в Кукморе больше.

Важно выявить роль социального капитала в формировании социальной структуры села. С этой целью в инструментарий исследования был включен вопрос о статусной принадлежности респондента. В Кукморском районе анализ ответов на вопрос «К какой группе обеспеченности вы можете отнести свою семью?» показал, что небольшое число семей, постоянно использующих семейно-родственную поддержку, относит себя к группе выше средней обеспеченности (4,3 %). Большинство жителей относит свою семью к группе среднего достатка (81,1 %). Каждый десятый респондент считает свою семью бедной (9,0 %). Затруднились ответить 5,6 % опрошенных.

При умеренной поддержке родственников каждый десятый респондент относит свою семью к группе выше средней обеспеченности (9,5 %), большинство жителей района — к группе средней обеспеченности (73,4 %). Десятая часть опрошенных считает себя бедными (12,6 %). Незначительное число сельчан затруднилось с ответом (4,5 %). При минимальной

поддержке родственников число сельчан, относящих свою семью к группе выше средней обеспеченности, уменьшилось в два раза (5,1 %), произошло снижение численности тех, кто отнес себя к семьям среднего достатка (69,9 %). К группе бедных относит себя каждый десятый опрошенный (9,8 %), затруднились ответить 15,2 % сельчан. При отсутствии поддержки ответы респондентов совпадают с ответами тех, кто чувствует поддержку родственников в минимальном объеме (5,0, 68,2, 11,6 и 15,2 % соответственно).

В Пестречинском районе при поддержке в большом объеме число сельчан, относящих свою семью к группе выше средней обеспеченности, составляет 4,9 %. В то же время доля респондентов, которые относят себя к группе среднего достатка, меньше, чем количество ответивших так же в Кукморском районе (70,2 %). Каждый десятый житель относит себя к группе бедных (14,4 %), что превышает число ответов респондентов Кукморского района. Затруднился с ответом каждый десятый респондент (10,5 %). Ответы на этот вопрос в трех остальных группах аналогичны ответам респондентов Кукморского района: умеренная поддержка (8,9, 71,1, 12,3 и 7,7 % соответственно), минимальная поддержка (5,1, 65,3, 13,6 и 16 %), отсутствие поддержки (5,1, 66,1, 12,7 и 16,1 %).

Таким образом, была выявлена некоторая зависимость: чем выше уровень использования семейно-родственной поддержки, тем выше оценка своего статусного положения, т. е. *социальный капитал влияет на формирование стратификационной структуры сельского социума.*

В ходе социологического исследования выяснилось, что в своем деле (бизнесе) нуждаются больше половины опрошенных семей обоих районов (68,3 и 64,8 % соответственно). Однако в Кукморском районе доля жителей, которые в этом вопросе получают родственную поддержку больше, превышает количество, получающих такую же поддержку в меньшей степени (48,5 и 35,4 % соответственно). В Пестречинском районе наоборот: сельчане, получающие незначительную поддержку родственников, нуждаются в своем деле больше, чем те, кто получает их более существенную поддержку (33,6 и 16,7 % соответственно).

Данные еще раз подтверждают, что экономическая и предпринимательская активность зависит от объема социаль-

ного капитала, который выступает своеобразным гарантом, страховкой в случае неудачи, что можно рассматривать как стимул.

Статусное положение сельчан во многом характеризуется не только доходами, но и наличием земли, подсобного хозяйства. В ходе социологического опроса мы также попытались выявить наличие транспортных средств и спецтехники у сельских жителей. Выяснилось, что многие семьи имеют легковой автомобиль (79,4 и 66,0 %). Бензопила есть у большей части опрошенных Кукморского и каждого третьего респондента Пестречинского района (64,3 и 36,1 % соответственно). Треть семей первого и каждый десятый житель второго района отметили, что у них есть оборудование для деревообработки (29,4 и 9,8 % соответственно). Трактор есть у каждого десятого жителя районов (15,1 и 12,8 % соответственно), грузовой автомобиль имеется у каждой десятой семьи районов (8,8 и 9,1 %).

Отметим, что количественный анализ имеющейся в имуществе сельчан спецтехники, домашнего скота отражает социально-экономическое расслоение, показывая наличие малообеспеченных, средних и обеспеченных жителей в муниципальных районах.

Жители исследуемых районов, которые не имеют транспортного средства, чаще обращаются к родственникам, знакомым или в специальные учреждения. При получении максимальной поддержки от родных и друзей свои потребности в услугах транспорта удовлетворяют треть опрошенных семей Кукморского и каждый пятый респондент Пестречинского района (34,6 и 19,8 % соответственно). В то же время при минимальной поддержке с данной просьбой к ним обращаются каждый пятый респондент первого и каждый десятый житель второго районов (20,0 и 8,5 % соответственно). Также следует отметить, что ремонт транспортного средства каждый третий житель сел Кукморского района осуществляет при помощи родственников и друзей (36,8 %), в Пестречинском районе к родственникам обращается только каждый четвертый респондент (26,0 %).

В ходе социологического исследования была выявлена способность населения пользоваться платными услугами. Семьи Кукморского и Пестречинского районов свои потребности в медицинских услугах удовлетворяют при по-

мощи обращения в специализированные учреждения (62,6 и 62,4 % соответственно). В то же время при различных объемах поддержки по вопросам, связанным с медициной, к родственникам обращаются каждый пятый респондент Кукморского и каждый десятый опрошенный Пестречинского района (22,4 и 10,0 % соответственно).

При ремонте хозяйственных построек большинство сельских семей районов рассчитывают на свои силы (57,2 и 65,4 %). Однако при максимальной поддержке меньше половины сельчан Кукморского района просят помощи у родственников и друзей (46,1 %), при умеренной — каждый четвертый (25,2 %). В случае минимальной поддержки или ее полного отсутствия к родственникам и друзьям обращается лишь десятая часть опрошенных (15,2 и 13,5 % соответственно). В Пестречинском районе при различных уровнях поддержки доля обратившихся к помощи друзей и родственников меньше количества ответивших так же в Кукморском районе (17,2, 10,0, 5,1 и 2,3 % соответственно).

Таким образом, сельчане Кукморского района для достижения поставленных целей используют свой социальный капитал чаще, чем жители Пестречинского района. Социальные ресурсы в виде дружественной и родственной поддержки используются в Кукморском районе чаще, надежд на них возлагается больше. Именно это во многом определяет больший объем представителей обеспеченных и средних слоев в стратификационной структуре этого района.

Стоит отметить, что наличие земли во многом зависит от социального капитала сельских жителей, так как при возникновении земельных вопросов они могут обратиться за помощью к родственникам, друзьям или соседям.

Следует учесть и то, что чуть меньше половины респондентов Кукморского района, максимально использующих родственную и дружескую поддержку, отметили, что у них достаточно сил и здоровья, чтобы заниматься использованием земли и сельским хозяйством (46,3 %). При умеренной поддержке такой же ответ дал каждый третий житель (37,5 %). При минимальной либо при отсутствии родственной и дружеской поддержки сил и здоровья достаточно лишь у каждого десятого респондента (8,0 и 8,2 % соответственно). При различных уровнях поддержки жители Пестречинского района намного реже отмечают наличие сил и здоровья для

занятия сельским хозяйством (37,2, 28,1, 10,2 и 9,4 % соответственно). В этом случае потенциал занятия сельским хозяйством у жителей Кукморского района в результате более частого использования социального капитала намного выше, в отличие от сельчан Пестречинского района.

Таким образом, итоги исследования выявили следующие зависимости конвертации социального капитала в экономический от степени использования семейно-родственной поддержки: чем выше степень использования семейно-родственной поддержки, тем выше оценка своего статусного положения; в группах, которые пользуются семейно-родственной поддержкой в большей и умеренной формах, уровень удовлетворенности доходами семьи выше; экономическая и предпринимательская активность зависит от объема социального капитала, который выступает своеобразным гарантом, подстраховкой в случае неудачи, что, безусловно, можно рассматривать как стимулирующий момент.

Таким образом, социальный капитал семьи необходимо рассматривать как ресурс, который формируется на основе социальных связей семьи в сельском социуме и конвертируется в положение семьи в стратификационной (социально-экономической) структуре села. Эта конвертация предполагает исследование социального капитала как источника пополнения экономического капитала, что в свою очередь ведет к повышению благосостояния сельских жителей в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой // Экон. социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60—74.

² См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Обществ. науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139.

³ См.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Там же. 2003. № 2. С. 5—16.

⁴ Там же.

⁵ См.: Геодемографическая инфраструктура села: локальное измерение. Пестречинский муниципальный район Республики Татарстан / под ред. Ф.А. Ильдархановой. Казань: Отечество, 2012. 424 с.; Население и инфраструктура Кукморского муниципального района Республики Татарстан: конструирование локального социума / под ред. Ф.А. Ильдархановой. Казань: Отечество, 2013. 466 с.

G. F. Zinatullina. Conversion of Social Capital of a Rural Family in a Region

The paper presents the results of a sociological research allowing to identify the role of social capital in determining the position of the family in the social structure of the rural society. The emphasis is placed on such indicators of social capital as the level of trust and mutual support, nature of kinship and friendship ties, their manifestation in various activities. The paper also reveals conversion of social capital of a rural family into economic capital. These aspects are principle in the beginning of forming of social capital of a rural family.

The conversion of social capital into economic one was considered taking into account the degree (character) of family support, which is a measure of social capital of a rural family. The following characteristics were identified: assessment of the status of a rural family rises with the increase in family support; families strongly and moderately supported by their relatives are more satisfied with their family incomes; social capital acts as a guarantor, a safety net, in case of failure in business, that is why the entrepreneurial activity is directly proportional to its volume; the more developed network of social capital is (mutual aid, treatment, hope in difficult situations, etc.), the greater is the number of well-off and middle layers recorded in the stratified structure.

Н. Н. СИВИРКИНА ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЗАНЯТОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: сельское хозяйство, крестьянские (фермерские) хозяйства, занятость, заработная плата, просроченная задолженность, прием работников, выбытие персонала

Key words: agriculture, farms, employment, wages, past-due debt, employment of laborers, retirement of staff

В статье определяются основные параметры занятости в сельском хозяйстве Республики Мордовия. Рассматриваются показатели численного состава работников сельскохозяйственных предприятий и занятых на небольших семейных хозяйствах и в крестьянских (фермерских) хозяйствах, заработной платы и др. На основе анализа данных перераспределения рабочей силы между видами деятельности выявляется степень привлекательности исследуемой отрасли для работников и стабильности занятости.

The paper defines the basic parameters of employment in agriculture of the Republic of Mordovia. Indicators of the numerical composition of laborers at agricultural enterprises and of those working on small family and peasant farms are analyzed, as well as wages, etc. On the basis of the analysis of indicators of labor reallocation between activities, attractiveness of the investigated industry for workers and security of employment are revealed.

Занятость формирует спрос на рабочую силу. Исследование вопросов воспроизводства трудового потенциала отрасли предполагает определение спроса на этот экономический ресурс. Вопросы занятости населения привлекают внимание исследователей, поскольку эффективная занятость обеспечивает экономическое развитие и является залогом благополучия общества¹.

Сельское хозяйство — крупнейшая по числу занятых отрасль экономики Республики Мордовия. По данным статистики, в аграрном секторе в 2013 г. было занято 74,3 тыс. чел., или 19,8 % от общего числа занятых в экономике региона.

СИВИРКИНА Наталья Николаевна, аспирант кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

SIVIRKINA Natalia Nikolayevna, Postgraduate at the Department of Cooperation Economy and Entrepreneurship, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

Мировой экономический кризис 2008—2010 гг. привел к сокращению общего числа занятых в экономике региона: 2008 г. — 463,0 тыс. чел., 2009 г. — 439,0 тыс. чел., 2010 г. — 436,2 тыс. чел. (снижение показателя на 5,8 %). В сельском хозяйстве Мордовии в эти годы, напротив, число занятых немного увеличилось: в 2009 г. — на 0,8 %, в 2010 г. — на 0,2 % к данным предыдущего года. За три последующих года число занятых в сельскохозяйственном производстве уменьшилось: в 2011 г. — на 1,3 %, в 2012 г. — на 0,9 %, 2013 г. — на 1,2 %. Однако вклад этой отрасли в формирование регионального внутреннего продукта ежегодно снижается: 2008 г. — 15,7 %, 2009 г. — 13,7 %, 2010 г. — 11,4 %, 2011 г. — 12,8 %, 2012 г. — 12,4 %².

Тем не менее с 2009 г. сельское хозяйство — отрасль экономики Мордовии с наибольшим числом занятых, второй является обрабатывающее производство³.

Большая часть занятых в сельском хозяйстве трудится в небольших семейных хозяйствах и крестьянских (фермерских) хозяйствах (КФХ). До конца 2012 г. их число стабильно возрастало. В 2013 г. число КФХ уменьшилось на 26 ед., и по состоянию на начало 2014 г. в республике было зарегистрировано 610 КФХ (табл. 1).

Таблица 1

Число индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в Республике Мордовия, на 1 января соответствующего года, чел.⁴

Показатель	Год						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Число индивидуальных предпринимателей, чел.	514	551	1 122	2 885	3 806	1 572	1 114
Из них:							
— число индивидуальных предпринимателей, чел.	114	123	661	2441	3226	936	504
— число глав крестьянско-фермерских хозяйств	400	428	461	444	580	636	610

Число индивидуальных предпринимателей в рассматриваемой сфере деятельности динамично возрастало до конца 2011 г., увеличившись с начала 2008 г. в 28,3 раза, но за 2012—2013 гг. сократилось в 6,4 раза.

В 2013 г. в Мордовии было зарегистрировано 70 сельскохозяйственных организаций (в докризисном 2007 г. их было 237 ед.⁵). В них числится 13,5 тыс. работающих, что

составляет 18 % от общего числа занятых в сельском хозяйстве региона. Среднесписочная численность работников этих организаций с 2010 г. сокращается (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели деятельности крупных и средних сельскохозяйственных организаций Республики Мордовия⁶

Показатель	Год				
	2009	2010	2011	2012	2013
Количество сельскохозяйственных организаций, ед.	91	84	86	73	70
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	16,1	16,6	15,3	14,5	13,5
Прибыль (убыток), млн руб.	1 308,6	1 140,2	1 649,1	1 900,3	1 862,8
Уровень рентабельности (отношение прибыли от продаж к себестоимости реализованной продукции), %	11,8	10,1	9,6	12,0	6,1
Количество убыточных хозяйств	13	13	12	13	16
В процентах от общего количества сельскохозяйственных предприятий	14,3	15,5	14,0	17,8	22,9
Среднемесячная оплата труда работников, руб.	9 214,1	9 451,3	11 338,2	13 377,1	15 031,3

Следует отметить, что эффективность труда на крупных и средних предприятиях существенно выше, чем в небольших хозяйствах, включая КФХ. Из общего объема выработанной в республике сельскохозяйственной продукции более половины производится крупными и средними предприятиями: в 2007 г. этот показатель составлял 49,9 %, в 2013 г. — 58,4 %⁷. Еще 38,3 % продукции сельского хозяйства производит население, на КФХ приходится 3,3 %. Объем продукции растениеводства между различными категориями хозяйств распределяется следующим образом: сельскохозяйственные организации — 49,1 %, хозяйства населения — 45,7 %, КФХ и индивидуальные предприниматели — 5,2 %; объем продукции животноводства: 64,9, 33,2 и 1,9 % соответственно⁸. Несложные расчеты показывают, что производительность труда на крупных и средних сельскохозяйственных предприятиях в 2013 г. была в 6 раз выше, чем в хозяйствах населения и КФХ.

Труд в сельском хозяйстве можно охарактеризовать как тяжелый. Вследствие этого удельный вес занятых в этой

отрасли женщин ниже, чем в экономике региона. В 2013 г. женщины составляли 41 % от общего числа работников этой отрасли. Но если в экономике Мордовии в целом доля женщин за 1990—2013 гг. заметно снизилась, то в сельском хозяйстве остается по-прежнему высокой, а в 2008 г. превышала 50 % (табл. 3).

Таблица 3

**Удельный вес женщин в общей численности занятых
в сельском и лесном хозяйстве Республики Мордовия, %⁹**

Вид деятельности	Год											
	1990	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего в экономике	53,3	52,9	50,4	50,3	50,8	50,5	51,5	50,6	49,4	49,4	49,5	49,9
В том числе: — сельское хозяй- ство, охота и лес- ное хозяйство	40,9	36,8	37,7	39,0	37,4	40,1	50,3	47,6	37,3	43,6	41,2	40,9

Уровень оплаты труда в сельском хозяйстве существенно отстает от средних показателей по экономике региона. Но различия с годами уменьшаются. В сельском хозяйстве заработная плата в последние годы росла быстрее, чем в большинстве других отраслей: за 2005—2013 гг. средний показатель оплаты труда в экономике РМ увеличился в 3,6 раза, в сельском хозяйстве — в 4,6 раза. В 2005 г. средняя заработная плата в сельском хозяйстве была на 41,0 % меньше, чем в среднем в регионе, в 2007 г. — на 36,0 %, а в 2013 г. — на 25,0 % ниже, чем по экономике Мордовии в целом (табл. 4).

Таблица 4

**Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата
работников организаций Республики Мордовия, руб.¹⁰**

Показатель	Год									
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Экономика в целом	5 060,7	6 358,4	8 103,0	10 530,5	10 937,2	11 883,1	13 305,1	15 186,6	18 100,7	
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2 970,9	4 101,5	5 191,8	7 627,1	8 445,5	8 769,2	10 281,8	11 831,1	13 609,0	

Обращает на себя внимание и тот факт, что заработная плата работников крупных и средних сельскохозяйственных предприятий не на много отличается от занятых на не-

больших семейных предприятиях и в КФХ. Так, в 2007 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельскохозяйственных предприятий составляла 5 291,5 руб., в 2013 г. — 15 031,3 руб., в целом по отрасли — 5 191,8 и 13 609 руб. по годам соответственно.

Низкий уровень оплаты труда и значительное влияние фактора сезонности предопределили значительный уровень мобильности работников в сельском хозяйстве. Например, в 2013 г. показатели приема-выбытия работников в рассматриваемой отрасли были в 1,7—1,6 раза выше, чем в среднем в экономике. Более высокие показатели профессиональной мобильности характерны только для строительства. Строительство традиционно лидирует по обороту рабочей силы. Высокая сменяемость кадров в этой отрасли экономики связана со спецификой строительного процесса, в котором велико влияние фактора сезонности и с кризисом инвестиционной деятельности, тяжелыми и плохими условиями труда в этой сфере. Сельское хозяйство к отраслям, характеризующимся высокой сменяемостью персонала, ранее не относилось, показатели движения были значительно ниже средних по экономике значений (табл. 5). Подобная ситуация складывается и в сельском хозяйстве страны. Коэффициенты движения рабочей силы в 1,3—1,5 раза опережают средние по экономике показатели¹¹.

Таблица 5

**Движение рабочей силы в экономике Мордовии,
% от среднесписочной численности¹²**

Отрасль	Прием					Выбытие				
	Год									
	1997	1998	1999	2000	2001	1997	1998	1999	2000	2001
Экономика в целом	15,4	19,8	18,4	19,7	22,7	17,8	19,7	19,6	21,0	23,4
Промышленность	19,9	14,2	20,9	22,6	23,1	18,7	22,5	22,5	21,5	25,8
Сельское хозяйство	5,8	7,4	9,2	8,6	14,7	16,4	14,5	13,0	14,3	19,2
Лесное хозяйство	14,3	17,8	22,7	18,6	17,5	14,7	19,7	22,9	21,4	17,8
Строительство	23,6	42,7	42,1	52,5	65,5	29,4	42,0	40,8	60,5	54,8
Транспорт	12,0	10,1	18,7	17,6	28,0	18,3	18,1	21,5	18,0	24,3
Связь	39,8	32,4	33,9	36,3	35,3	35,8	39,6	33,9	30,7	37,5
Торговля, общественное питание, МТС, сбыт, заготовки	17,7	16,8	21,1	27,4	28,1	25,6	25,3	27,1	38,4	29,2
ЖКХ, непродовольственные виды бытового обслуживания населения	39,3	39,7	36,6	41,2	39,7	33,2	31,9	35,7	40,9	39,5

Продолжение табл. 5 на стр. 148

Окончание табл. 5 на стр. 147

Отрасль	Прием					Выбытие				
	Год									
	1997	1998	1999	2000	2001	1997	1998	1999	2000	2001
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	15,4	60,8	13,4	15,6	17,6	15,6	15,2	14,1	16,0	15,2
Образование	6,6	12,1	11,3	10,8	11,9	7,0	11,0	11,3	11,8	12,1
Культура и искусство	12,1	15,0	17,4	12,0	15,4	12,0	14,3	18,0	13,2	15,6
Наука и научное обслуживание	10,0	14,7	16,0	26,0	21,1	22,5	23,1	22,6	24,6	19,4
Кредитование, финансы, страхование	26,3	15,2	24,0	16,2	28,5	10,9	15,7	18,1	14,4	14,1
Аппарат органов управления	11,2	14,0	9,5	11,0	11,3	10,8	11,6	8,1	9,9	13,2

Таким образом, занятость в аграрном секторе Республики Мордовия можно охарактеризовать как нестабильную: уровень оплаты существенно ниже, а показатели движения рабочей силы выше средних по экономике. Большая часть занятых в сельском хозяйстве трудится на небольших семейных хозяйствах и в КФХ. В сельскохозяйственных организациях числится 18 % от общего числа занятых в сельском хозяйстве. Сектор крупных и средних сельскохозяйственных предприятий в регионе сужается, численность занятых сокращается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Липатова Л.Н., Еремкина Т.В., Градусова В.Н. Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИГН при Правительстве РМ. 2011. № 3. С. 7—20; Липатова Л.Н., Еремкина Т.В. Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионология. 2011. № 4. С. 234—241; Липатова Л.Н., Еремкина Т.В. Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИГН при Правительстве РМ. 2012. № 1. С. 7—21.

² См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2014. С. 31.

³ Там же.

⁴ Составлено по: Там же. 2012. С. 60; 2009. С. 29; 2010. С. 28; 2008. С. 21; 2011. С. 28; 2013. С. 28; 2014. С. 28.

⁵ Там же. 2012. С. 283; 2013. С. 253.

⁶ Там же. 2014. С. 31.

⁷ Там же. С. 250.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Составлено по: Там же. 2013. С. 95; 2014. С. 99; Труд и занятость в Мордовии: стат. сб. / Ком-т гос. стат. Республики Мордовия. Саранск, 1999. С. 20; Там же. 2001. С. 34; Мордовия: юбил. стат. сб. Саранск, 1999. С. 39.

¹⁰ Составлено по: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2012. С. 126; 2010. С. 132; 2013. С. 156; 2014. С. 130.

¹¹ См.: Российский статистический ежегодник / Росстат. М., 2013. С. 158.

¹² Составлено по: Труд и занятость в Мордовии: стат. сб. / Ком-т гос. стат. Республики Мордовия. Саранск, 2001. С. 48; 2000. С. 34; 2002. С. 12—13.

Поступила 12.01.2015.

N. N. Sivirkina. Basic Parameters of Employment in Agriculture of a Region

The paper defines the main parameters of employment in agriculture of the Republic of Mordovia. The author analyzes indicators of the number of employees of agricultural enterprises and those working on small family and peasant farms, their wages, etc. On the basis of the analysis of the indicators of labor power reallocation between types of activities, the degree of attractiveness of the investigated industry for workers and for security of employment was identified.

The study showed that employment in the agricultural sector of the Republic of Mordovia can be characterized as unattractive and insecure: the level of payment is significantly lower, and rates of movement of workers are above the average for the economy. Most of employees in agriculture work on small family and peasant farms. Not more than 20% of the total number of employees in agriculture work in agricultural organizations. The sector of large and medium agricultural enterprises in Mordovia narrows, the number of employees decreases.

Р. Р. АГИШЕВ

Е. А. АБРАМОВА

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ШКОЛАХ И СЕМЬЯХ г. САРАНСКА

Ключевые слова: насилие, несовершеннолетние, социальный институт, жестокое обращение, физическое наказание, психологическое наказание

Key words: violence, minors, social institution, abuse, physical punishment, psychological punishment

В статье представлены результаты опроса родителей и учащихся общеобразовательных школ ГО Саранск по исследованию источников и степени распространенности физического и психологического насилия в отношении детей в школах и семьях. Основное внимание уделяется выявлению особенностей в восприятии взрослыми и детьми проблемы насилия, которые рассматриваются через призму сложившихся в российском обществе стереотипов и социальных мифов.

АГИШЕВ Руслан Ряфатович, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга, кандидат исторических наук (г. Саранск).

АБРАМОВА Екатерина Александровна, старший научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (г. Саранск).

AGISHEV Ruslan Ryafatevich, Candidate of Historical Sciences, Leading Research Officer at the Department of Legal Processes Monitoring, Scientific Center for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation).

ABRAMOVA Ekaterina Aleksandrovna, Senior Research Officer at the Department of Social Processes Monitoring, Scientific Center for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation).

The paper presents the results of a survey of parents and students of secondary schools of the city of Saransk on the study of the sources and the extent to which physical and psychological violence against children has spread in schools and families. The focus is on identifying the differences in perception of violence by adults and children, which are examined in the light of the current stereotypes and social myths present in the Russian society.

Проблема жестокого обращения с детьми и проявления насилия в отношении них начинает выходить на первый план среди вопросов, связанных с соблюдением и защитой прав детей. В условиях России ситуация усугубляется сложно проходящими процессами социокультурной трансформации в обществе и государстве, что актуализирует ценность исследований проблемы насилия над несовершеннолетними с учетом новых методических подходов и методов.

В марте — апреле 2012 г. ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» провел опрос родителей и учащихся общеобразовательных школ ГО Саранск по проблеме психологического и физического насилия в школе и семье. Были опрошены учащиеся общеобразовательных школ ГО Саранск в возрасте 14 лет и старше (236 чел.) и их родители (236 чел.).

Исследование выявило различия в представлениях детей и их родителей о сути жестокого обращения с детьми. Если первые связывают это понятие с его физической частью, т. е. с избиением, побоями и т. д. (указанное мнение зафиксировано у 84,0 % несовершеннолетних респондентов), то вторые — с психологической, т. е. с оскорблениями, угрозами, насмешками, навязыванием собственного мнения (61,3 %). Предположительно отмеченное противоположное понимание насилия обусловлено взаимным влиянием на респондентов ряда разноплановых факторов, среди них индивидуальные особенности (возрастные, психологические, гендерные, территориальные) и отсутствие в обыденном и научном понимании единой точки зрения на этот феномен.

Юристами, работниками образования и т. д. используется более десяти различных, подчас полярных определений насилия. Например, Н. О. Зиновьева и Н. Ф. Михайлова жестоким обращением считают «действия, наносящие несовершеннолетнему психическую травму»¹. Р. Соонетс под жестоким обращением подразумевает «любое поведение по отношению к ребенку, которое ставит под угрозу его психическое или физическое благополучие»².

Для оценки эмоционального фона, который сопровождает детское восприятие насилия над своим сверстником, несовершеннолетним, были заданы вопросы «Приходилось ли Вам быть свидетелями жестокого обращения с детьми?» и «Какие чувства Вы при этом испытывали?». Жестокое обращение по отношению к детям наблюдала примерно пятая часть опрошенных (22,5 %). Эта категория чаще всего испытывала такие эмоции, как желание встать на защиту (68,6 %), ненависть (47,1 %) и страх (13,7 %). Значительный отпечаток на распределение ответов накладывает гендерная специфика — особенности развития полового диморфизма и проявления стереотипов мужественности и женственности.

У юношей и девушек в качестве преобладающих эмоций выступают ненависть и желание встать на защиту (33,3 и 50,9 % соответственно). В то же время у первых лидирует вариант «ненависть» (38,9 %), а у вторых — «желание встать на защиту» (50,9 %). Подобные различия предположительно обусловлены влиянием на формирующиеся эмоционально-поведенческие реакции юноши устоявшейся в семье, обществе, государстве идеологии маскулинности. В частности, в рамках жесткого канона маскулинности юноша демонстративно «дистанцируется от таких откровенно немужественных чувств, как страх, тревога или нежность», и склонен «в стрессовых ситуациях существенно чаще проявлять такие сильные негативные эмоции, как ненависть и гнев»³. У девушки, напротив, чувство жалости (сострадания) выходит на первый план, трансформируясь в желание защитить более слабое существо, чем она.

Внимания заслуживает анализ причин существенного преобладания мужских ответов над женскими при выборе респондентами альтернативы «равнодушие». Ситуация жестокого обращения по отношению к детям должна вызывать однозначные сильные негативные эмоции. Между тем в данном случае почти каждый юноша заявил об их отсутствии (16,7 %) и ни одной девочки/девушки. Такое распределение ответов может быть следствием недостаточной откровенности части подростков, привычки (защитная реакция вследствие частого наблюдения или включенности в такого рода ситуации).

Учитывая приобретенный (т. е. формирующийся в процессе жизни человека) характер равнодушия, факт индифферент-

ного отношения достаточно большого числа подростков к ситуациям насилия в отношении детей в широком аспекте может свидетельствовать о сформированной в современном обществе и актуальной для части молодежи модели равнодушного поведения. Под влиянием знаковых для современного общества «болезней», среди которых нарастающее желание потреблять все новые и новые блага, увеличение разрыва между доходами разных групп населения, снижение роли традиционных ценностей в качестве целевых индикаторов для молодежи, «равнодушие» как социальная маска определяет вектор поведения все большего числа людей.

Распространенность насилия в школьной среде оценивалась с позиции школьника и родителя. Отвечая на вопрос «Подвергались ли Вы жестокому обращению в школе?», лишь незначительная часть школьников (3,4 %) выбрала альтернативу «подвергался». При этом среди родителей доля тех, кто уверен, что их ребенок подвергся насилию в школе, существенно выше (14,3 %). Выявленное различие в оценке степени распространенности насилия в отношении детей в школьной среде у двух категорий респондентов вновь актуализирует проблему несовпадения представлений о сущности жестокого обращения по отношению к несовершеннолетнему у учащихся и их родителей. В частности, первые могут при ответе фиксировать лишь некие физические действия (пинки, побои, более тяжкие телесные повреждения и т. д.), а вторые ведут подсчет фактам издевательств психологического плана.

Единство мнений продемонстрировали подростки и их родители при ответе на вопрос об источниках насилия. В частности, респонденты чаще всего называли сверстников (данный вариант ответа выбрали 56,5 % родителей и 2 подростка из 4, подвергшихся насилию) и старшеклассников (эту альтернативу указали 23,9 % взрослых респондентов и 1 подросток). Это распределение ответов предположительно обусловлено тем, что в основном взаимодействия между подростками в стенах учебного заведения происходит в малой группе (классе).

В связи с особенностью места, которое занимает физическое наказание как инструмент детского воспитания в российской воспитательной традиции, и двойственным отношением к нему в современном российском обществе

внимание родителей было акцентировано на проблеме допустимости или недопустимости физического наказания в семье. В результате при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к физическому наказанию детей в семье?» около трети респондентов (34,4 %) выступили решительно против физического наказания, более половины опрошенных (53,7 %) отметили приемлемость для себя применения такого рода наказаний в исключительных случаях и менее десятой части родителей (7,9 %) заявили о необходимости физических наказаний.

Такое распределение ответов, возможно, обусловлено:

— конкуренцией в обществе двух моделей воспитания, одна из которых отрицает любые виды физического и, как правило, психологического наказания, а в рамках второй некоторые виды физического и психологического наказания применяются в отдельных случаях. В России обе модели воспитания имеют своих сторонников, что подтверждается результатами ряда исследований⁴;

— неоднозначностью восприятия самой проблемы. Выработка российским обществом единой точки зрения в отношении допустимости дисциплинарных практик (в частности, физического наказания) в семейном воспитании в настоящее время затруднена активным противостоянием ценностей индивидуализма и коллективизма, либерализма и консерватизма, атеизма и религии и т. д. В частности, если крупные международные организации (Совет Европы, ООН) в последние годы добиваются полного запрещения телесных наказаний детей, то последователи основных мировых религий активно им возражают⁵.

Оценка состава семьи и образовательного уровня респондентов, ратующих за ту или иную модель воспитания, позволяет констатировать следующее. В неполных семьях, где родитель имеет среднее или начальное профессиональное образование, дети чаще подвергаются физическим наказаниям. Достаточно сильное, но не определяющее влияние указанных факторов на отношение респондентов к допустимости применения физических наказаний подтверждается и данными масштабных социологических исследований⁶. В то же время говорить о том, что физические наказания в отношении детей обусловлены исключительно особенностями социального статуса их родителей, не является правильным.

Стать жертвой насилия ребенок может в любой семье, независимо от ее материального и культурного уровня.

Как показывает исследование, родители в качестве наказания применяют широкий спектр мер: физическая или вербальная агрессия, аффективное воздействие на ребенка, ограничение его активности, лишение ребенка родительской любви (таблица). Среди них наиболее распространены ограничение активности (запрет на прогулку, встречу с друзьями) и меры физического воздействия (пинок, подзатыльник, наказание ремнем). Популярность этих наказаний предположительно связана с существованием среди части родителей некоторых стереотипов, например, «легкое физическое наказание не наносит ущерба ребенку и является эффективным»; «плохое поведение моего ребенка вызвано в первую очередь влиянием „улицы“». Достаточно часто родители применяют вербальную агрессию по отношению к детям. В частности, каждый пятый респондент ругал (употреблял бранные слова) своего ребенка. Реже упоминались такие наказания, как отказ от общения и шантаж.

Несколько иной спектр наказаний применяется близкими родственниками детей (братьями, сестрами). В данном случае с существенным отрывом лидирует оскорбление (61,5 %). Примерно в полтора раза реже родственниками принимались меры физического воздействия (38,5 %). Примерно треть респондентов (30,8 %) ругала (употребляла бранные слова) детей (таблица).

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто и какие виды наказания применял / применяет в Вашей семье по отношению к ребенку/детям?», %*

Вид наказания	Субъект наказания	
	Сам лично	Супруг/супруга
Пощечина, пинок, подзатыльник, наказание ремнем	34,8	30,3
Угроза, шантаж	10,1	7,60
Оскорбление	10,9	9,10
Запрет на прогулку, встречу с друзьями	61,6	47,0
Постоянная критика внешнего вида	15,9	16,7
Ругань, употребление бранных слов	24,6	19,7
Отказ в общении	20,3	16,7
Другое	10,1	6,10

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таким образом, представления учащихся и их родителей о сути насилия в отношении несовершеннолетних (жестокое обращение) не совпадают. Если первые жестокое обращение с детьми связывают с его физической частью (избиение, побои и т. д.), то вторые — с психологическим насилием (оскорбления, угрозы, насмешки, навязывание собственного мнения). При наблюдении жестокого обращения с ребенком (детьми) учащиеся чаще всего испытывают желание встать на защиту и ненависть. Насилие в отношении несовершеннолетних в школе мало распространено. В частности, только 3,4 % учащихся подвергались жестокому обращению в учебном заведении. В то же время 14,3 % родителей заявили, что их ребенок подвергался насилию в школе. В качестве субъектов насилия учащиеся и родители чаще всего называли сверстников и старшеклассников. Родители демонстрируют двойное отношение к вопросу о допустимости физического наказания детей. Так, решительно против физических наказаний выступили 34,4 % респондентов, а приемлемость для себя такого рода наказаний в исключительных случаях отметили 53,7 %. Родителями в качестве наказания применяется широкий спектр мер: физическая и вербальная агрессия, аффективное воздействие на ребенка, ограничение активности ребенка, лишение ребенка родительской любви. Среди них наиболее распространены запрет на прогулку, встречу с друзьями и меры физического воздействия (пощечина, пинок, подзатыльник, наказание ремнем).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб., 2003. С. 3.

² Соонетс Р., Локо Я., Локо Т. и др. Недостойное обращение с детьми. Тарту, 2000. С. 98.

³ Кон И.С. Мальчик — отец мужчины. М., 2009. С. 121.

⁴ См.: Его же. Телесные наказания детей в России: настоящее и прошлое // Истор. психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 74—101.

⁵ См.: Бондаренко Н.Н. Наказание как необходимый метод воспитания // Ювен. юстиция. 2011. № 11. С. 9—10.

⁶ См.: Культура воспитания поощрения и наказания детей в российских семьях: по материалам социологического исследования. М., 2011. 89 с.

Поступила 10.12.2014.

R. R. Agishev, E. A. Abramova. Violence Against Minors in Schools and Families in the City of Saransk

The paper presents the results of a survey of parents and students of secondary schools in the city of Saransk, Republic of Mordovia, on the study of sources and the extent of physical and psychological violence against children in schools and families. The main attention is paid to identifying differences in perception of violence by adults and children, considered in terms of the stereotypes and social myths in the Russian society.

A comprehensive analysis of the results of the sociological research was carried out in several aspects: identification of common stereotypes about the abuse of children by students and their parents (understanding its nature, adoption or rejection of a method of discipline); assessment of the extent of violence against minors in schools and families. Clear differences in the views of children and their parents on the abuse of children were revealed. The former link this phenomenon with the physical part of it (beating, battery, etc.), the latter — with the psychological one (insult, threats, mockery, imposing opinion, etc.). The study revealed ambivalence regarding admissibility of physical methods of punishment of children in the contemporary Russian society. About a third of respondents were strongly opposed to physical punishment, most respondents noted acceptability for themselves of application of such a punishment in exceptional cases and less than one tenth of the parents stated the need for physical punishment. The above-mentioned distribution of responses is due to the competition of different models of education in the society and to the ambiguity of perception of the problem itself.

Н. В. ШУМКОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Ключевые слова: провинциальный город, молодежные субкультуры, виртуальное пространство

Key words: provincial town, youth subcultures, virtual space

В статье отражены тенденции развития субкультурного пространства современного провинциального города. Обобщая данные эмпирического исследования, автор делает вывод о том, что трансформация субкультурного пространства провинциального города интенсифицируется развитием информационно-коммуникационных технологий.

The paper reflects trends in development of the subcultural space of a modern provincial town. Summarizing the data of the empirical research, the author concludes that transformation of the subcultural space of a provincial town is intensified by development of information and communication technologies.

Развитие информационного общества формирует новый тип организации социально-пространственной городской среды. Это наблюдение актуализирует проблематику качественного изменения городского социокультурного пространства. Весьма значимой в развитии информационного общества признается роль интернет-ресурсов. По мнению большинства современных исследователей, Интернет обеспечивает технологическую инфраструктуру для компьютерно-опосредованной коммуникации вне времени и пространства. Сетевое взаимодействие, таким образом, стирает физические, политические и социально-экономические границы между

ШУМКОВА Наталья Викторовна, заведующая сектором социально-экономических программ НИИ регионологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

SHUMKOVA Natalia Viktorovna, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Sector of Socio-Economic Programs, Research Institute of Regionology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

центром и периферией. Отмечается процесс «депровинциализации» локальных пространств, когда «каждый регион в большей или меньшей степени способен становиться сам себе столицей, расширяя свое политическое, экономическое и культурное самоуправление»¹. Иначе говоря, детерминирующим фактором развития социокультурного пространства современного провинциального города является его включение в глобальное информационное пространство.

Поскольку самой активной категорией пользователей Интернета выступает молодежь, наиболее отчетливо признаки трансформации современной провинции проявляются в молодежной среде, в частности в пространстве молодежных субкультурных практик. Описанные тенденции можно проиллюстрировать на примере динамики субкультурного пространства г. Саранска.

Согласно проведенным исследованиям, субкультурное пространство г. Саранска за последние годы подверглось существенным преобразованиям. В 2004 г. нами методом полуструктурированного глубинного интервью были опрошены 20 представителей молодежных субкультур г. Саранска: 15 юношей и 5 девушек, активно позиционирующих себя в качестве «неформалов». Выборка формировалась по методу «снежного кома»².

Характерной особенностью субкультурного пространства г. Саранска являлась его ярко выраженная «биполярность», которая выражалась в перманентном противостоянии «неформалов» и «гопников» (представителей уличных молодежных группировок), причем число вторых в разы превышало количество их антагонистов. Это обстоятельство послужило одной из причин объединения всех существующих субкультурных сообществ г. Саранска в единую, достаточно аморфную солидарность. Большинство представителей молодежных субкультур г. Саранска не имели четкой субкультурной идентификации, называли себя «неформалами», держались вместе, посещали одни и те же мероприятия. Опрошенные указывали на одновременное существование лишь двух локальных «тусовок неформалов» — в центре города и наиболее удаленном от центра города спальном районе — Светотехстрое. По оценкам опрошенных, примерная численность активных участников молодежных субкультурных сообществ г. Саранска в 2004 г. составляла

около 150—200 чел. В их состав, помимо представителей музыкальных субкультур (панков, металлистов, гранжеров, алисоманов и киноманов), входили скинхеды (они же большей частью футбольные фанаты), «системщики», байкеры, брейк-дансеры. Практически отсутствовали представители ролевого движения и «клубных субкультур» (в выборке был лишь один приезжавший «на лето» кислотник). Таким образом, следует отметить не только количественное, но и качественное «отставание» субкультурного пространства г. Саранска — «новые» молодежные субкультуры появились в городе с 5—10-летним опозданием по сравнению с аналогичными субкультурами в мегаполисах.

Полученные данные не противоречили результатам исследований, проводимых в других регионах России, в частности осуществленного в 2001—2002 гг. сравнительного этнографического исследования молодежных сообществ мегаполиса и провинции (на материалах Санкт-Петербурга и Ленинградской области)³. В. В. Головин и М. Л. Лурье, описывая специфику провинциальных молодежных сообществ, указывают на преобладание в провинции традиционных молодежных территориальных сообществ (молодежных уличных группировок), их ярко выраженный антагонизм со всей совокупностью существующих идеологических молодежных сообществ («неформалами»), преобладание среди «неформалов» представителей музыкальных субкультур, фрагментарность и размытость субкультурных знаний у субкультурно ориентированной молодежи.

Размытость субкультурной идентичности, а также ярко выраженный антагонизм «гопников» и «неформалов» провинциального города отмечаются также в исследованиях НИЦ «Регион» (г. Ульяновск). В частности, Е. Л. Омельченко, руководствуясь результатами полевых исследований, проводившихся в 1997—2000 гг. в Ульяновске, Самаре и Москве, выделяет «продвинутую» и «нормальную» стилевые стратегии молодежи: «Ядром первых являются неформалы, вторых — гопники»⁴.

Динамичность развития современной молодежной среды, массовое включение молодежи в виртуальное сетевое общение внесли значительные коррективы в описанную в начале XXI в. картину. Социальные сети, специализированные сайты, тематические форумы создают насыщенное

субкультурным содержанием коммуникативное пространство, позволяющее провинциальной молодежи активно включаться в транслокальные молодежные субкультурные сообщества. Согласно данным массового опроса молодежи «Субкультурные практики молодежи г. Саранска» (январь — апрель 2012 г., метод анкетирования, $n = 621$, многоступенчатая пропорционально стратифицированная по типу учебных заведений кластерная выборка, погрешность +3,9 %), тем или иным способом оказались включены в субкультурное пространство г. Саранска 52,6 % респондентов: 9,0 % из них уверенно отнесли себя к активным участникам молодежных субкультурных сообществ; 17,7 % указали на свою частичную идентификацию с какой-либо субкультурой; 11,9 % — на свое прошлое активное участие; 13,9 % отметили близкое знакомство с представителями молодежных субкультур; доля респондентов, назвавших себя «неформалами», составила лишь 0,1 %.

Таким образом, за девять лет произошло существенное расширение субкультурного пространства г. Саранска: число активных участников молодежных субкультур увеличилось в 1,5—2,0 раза, что повлекло за собой их дифференциацию — молодежь более четко стала идентифицировать себя с конкретными направлениями. Полученные эмпирические данные позволили структурировать пространство субкультурных практик г. Саранска по трем основаниям («улица», «сцена» и «игра») и определить улично-спортивные, музыкальные и ролевые субкультуры.

Особо следует выделить сообщество представителей молодежных субкультур, основным местом пространственной локализации которых является улица, и в первую очередь спортивных и околоспортивных субкультур. К исследуемой категории «представитель молодежной субкультуры» ($n = 237$) отнесены активные участники молодежных субкультурных сообществ; пассивные потребители субкультурных ресурсов (на вопрос о принадлежности к молодежным субкультурным сообществам выбравшие вариант ответа «я разделяю идеи и взгляды, но активного участия не проявляю») и бывшие участники («участвовал(а), но на данный момент у меня нет к этому интереса»). Таким образом, доля представителей молодежных субкультур составила 38,7 % выборочной совокупности.

Более четверти представителей молодежных субкультур отнесли себя к футбольным фанатам, турникменам, скейт-бордистам, трейсерам, велобайкерам (33,1 %). Были также отмечены единичные представители субкультур мототри-стайла (FMX), стритрейсинга, танцевальной субкультуры C-walk, которые в дальнейшем также могут получить распространение среди молодежи города.

Наиболее широко представленной в г. Саранске субкультурой этого направления является околоспортивная субкультура футбольных фанатов (11,4 % опрошенных участников молодежных субкультур). Растущая популярность такой субкультуры объясняется спецификой провинциального субкультурного пространства, в частности отмеченной В. В. Головиным и М. Л. Лурье миграцией членов традиционных уличных группировок в «идеологические субкультуры» футбольных фанатов и скинхедов³.

Еще одна особенность субкультурного пространства г. Саранска заключается в стремительно возрастающей популярности воркаута (от англ. workout — тренировка). Эта тенденция является ярким примером влияния интернет-ресурсов на субкультурное пространство провинциального города. Возникшая в 2008—2009 гг. и быстро набравшая популярность благодаря видеороликам на канале YouTube, зрелищная и доступная улично-спортивная субкультура постоянно увеличивает число своих сторонников. Согласно результатам опроса, 10,9 % представителей молодежных субкультур г. Саранска указали на свое членство в воркаут-сообществе, причем большинство из них отметили свое прошлое участие в «родственных» субкультурах трейсеров, велобайкеров и т. п. Можно сказать, что на смену аморфной (характеризующейся недостаточной субкультурной информированностью) пришла «мозаичная» субкультурная идентичность, когда молодежь в субкультурно насыщенной информационной среде сознательно перебирает существующие варианты субкультурной идентификации, постоянно двигаясь от одного субкультурного образца к другому. В частности, 17,0 % опрошенных участников молодежных субкультур г. Саранска указали на свое прошлое участие в двух и более молодежных субкультурных сообществах (из них в трех и более — 7,0 %, в четырех — 1,3 %).

Таким образом, расширяющиеся возможности онлайн-общения, с одной стороны, дифференцируют субкультурное пространство современной молодежи, создавая новые (виртуальные) формы субкультурной молодежной активности. С другой стороны, вследствие своей интерактивности Интернет выводит на новый уровень развития уже существующие субкультурные сообщества. Происходит качественная и количественная трансформация субкультурного пространства современного провинциального города — постепенное размывание региональной специфики, исчезновение территориальных локальных субкультурных объединений, активное включение провинциальной молодежи в глобальное субкультурное пространство Интернета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Штепа В. Новая эра географических открытий. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/5/5sch-pr.html> (дата обращения: 13.12.2013).

² См.: Сухарев А.И. и др. Молодежные субкультуры в Республике Мордовия // Бюл. Науч. центра соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. Саранск, 2004. № 9. 28 с.

³ См.: Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этногр. обозр. 2008. № 1. С. 56—69; Головин В.В., Лурье М.Л. Подростковые сообщества в современной России: мегаполис, провинция и деревня // Мальчики и девочки: реалии социализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 45—66.

⁴ Омельченко Е. Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журн. исслед. соц. политики. Т. 4. № 2. 2006. С. 165.

⁵ Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи ... С. 67.

Поступила 10.12.2014.

N. V. Shumkova. Transformation of the Subcultural Space of a Modern Provincial Town

The paper reveals the trends in development of the subcultural space of the modern provincial town of Saransk — its delocalization, virtualization, differentiation and diversification. Summarizing the results of qualitative and quantitative empirical research, the author concludes that transformation of the subcultural space in a provincial town is intensified by development of

information and communication technologies. Comparative analysis of the data obtained in 2004 and 2012 shows gradual erosion of regional specificity of the subcultural space in the town, disappearance of territorial local subcultural associations, active participation of young people in the global subcultural space of the Internet. The increasing extent of virtual interactivity provides more and more opportunities for self-representation of the provincial youth within trans-local virtual communities.

Expanding potential for online communication, on the one hand, differentiate the subcultural space of the modern youth while creating new (virtual) forms of subcultural youth activity. On the other hand, because of its interactivity, the Internet brings the existing subcultural communities to a new level of development. According to sociological research, the subcultural communities in Saransk are presented both on the local and the trans-local virtual levels of the subcultural space. In the subcultural environment rich in information, the youth consciously chooses between the existing variants of subcultural identification, constantly moving from one subcultural pattern to another. The subcultural identity of the youth in Saransk acquires the characteristics of a Post-Modernist "mosaic" identity: fragmentation, high subcultural mobility, image orientation, etc.

Е. В. ПАВЛОВ, О. В. ЛАЗАРЕВА **РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РЕГИОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 60-х — СЕРЕДИНЫ 70-х гг. XX в.**

Ключевые слова: жилищное строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, культурная сфера, отставание в культурно-бытовом обслуживании

Key words: house construction, housing and utilities sector, cultural sector, lag in cultural and consumer services

В статье рассмотрены экономико-культурные проблемы некоторых малых городов региона. Определены причины глубокого кризиса и его предполагаемое влияние на экономику региона. Выявлены некоторые реальные угрозы развития малого города, такие как неразвитость институтов строительной и социальной инфраструктуры, низкая административно-управленческая активность.

The paper considers economic and cultural problems of some towns in a region. Causes of deep crisis and its expected impact on the economy of a region are identified. Some real threats to development of small towns are revealed: weak institutions of the construction and social infrastructure, low administrative activity, etc.

Основой комплексной характеристики городского расселения служит выявление градообразующих функций города. При этом решающее значение имеют различные сочетания

ПАВЛОВ Евгений Владимирович, доцент кафедры гражданского права Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат исторических наук.

ЛАЗАРЕВА Оксана Владимировна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

PAVLOV Evgeny Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law, Middle Volga (Saransk) Branch of Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (Saransk, Russian Federation).

LAZAREVA Oksana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Middle Volga (Saransk) Branch of Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (Saransk, Russian Federation).

функций промышленно-производственных и организационно-культурных, а также транспортных. Именно они, по мнению Б. С. Хорева, определяют функциональный профиль того или иного города¹. Более конкретно показатели представлены в работах по типологии городов Ю. Г. Саушкина: структура, интенсивность и направление экономических связей города, распределение занятого населения по сферам народного хозяйства и областям труда, отраслевая структура промышленности².

Следует отметить, что города Мордовии (Темников, Краснослободск, Ардатов) являются местными организующими центрами. Ковылкино в рассматриваемый период был городом переходного типа между промышленно-транспортным и местным организующим центром³. В отношении Ковылкино это произошло из-за того, что этот город занимал выгодное промежуточное (в плане перевалочного транспортного центра) положение между столицей республики и остальными районами западной части республики, что явилось стимулом для его динамичного роста и развития⁴. Как отмечает В. Шушпанов, «город стал расти существенно после того, как Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 января 1963 г. город был отнесен к категории городов республиканского значения»⁵. Заметно стали развиваться промышленность, культурно-бытовое строительство и благоустройство города.

На г. Ковылкино выделялось в два раза больше средств по всем статьям инфраструктуры города, что отразилось на бурном строительном буме в бывшем поселке городского типа. Вот что писал журналист местной газеты Е. Соченков в 1963 г.: «С 1960 г. в городе появились новинки: кинотеатр, здание железнодорожной школы-одинадцатилетки, детсад, двухэтажное здание еще одного магазина, хирургическое отделение с аптекой по соседству, дом отдыха "Мокша"»⁶. «Вместе с тем, — отмечал В. Ф. Оськин, — ведется строительство и производственное. На спиртзаводе сооружается цех кормовых дрожжей, готовится к сдаче новый колбасный цех. Продолжается строительство тротуаров и водопровода»⁷. В 1970 г. В. Шушпанов констатировал: «В городе насчитывается 15 промышленных предприятий, на которых трудится 8 тысяч человек. За четыре года (с 1966 г.) объем промышленной продукции вырос в полтора раза. Совет

Министров МАССР утвердил генплан застройки Ковылкино. Намечено построить 10 многоэтажных домов, среднюю школу на 640 мест, комплекс зданий строительного техникума, столовую, магазин, бытовые учреждения и спортивные площадки»⁸.

В 1974 г. В. Шушпанов отмечал: «За три года девятой пятилетки в городе построено свыше десятка многоэтажных домов и зданий культурно-бытового назначения. Горожане получили около 16 тыс. м² жилой площади. На юго-западе вырос еще один новый город с многоэтажными зданиями, магазинами, предприятиями бытового назначения. Растет протяженность асфальтовых дорог и тротуаров. Бурный рост города ставит перед горсоветом новые задачи. На первый план выдвигаются вопросы благоустройства, культурного развития и улучшения быта горожан. Намечено значительное расширение протяженности водопровода, тротуаров и дорог с твердым покрытием»⁹. Он же в 1975 г., анализируя развитие города с 1960 г., отмечал: «Развитие промышленности и строительной базы вызвало увеличение городского населения. Лишь за 5 лет люди получили 11 923 тыс. м² жилья; введено 89 индивидуальных домов, 70-квартирный дом, районный узел связи, средняя школа на 536 учащихся. Определенное развитие получило коммунальное хозяйство. Почти на 80 км увеличилась протяженность водопровода. Объем бытовых услуг за пять лет увеличился в полтора раза»¹⁰.

То же самое происходило, но в меньших масштабах, в других малых городах Мордовии. В Краснослободске «за последние годы в старой части города, на улицах, прилегающих к центру, появились современные жилые здания. Построен универмаг, Дом быта, кинотеатр на 300 мест, школа-интернат, средняя школа, детсад-ясли, инфекционный корпус больницы и многое другое. В настоящее время в стадии строительства находятся такие объекты, как Дом связи, гостиница, ресторан, хлебозавод, водонапорная башня. Однако главную тревогу вызывают темпы и качество строительства»¹¹. Но строился Краснослободск медленно. Причиной тому были: низкая организация труда, перебой в снабжении стройматериалами и нехватка рабочей силы. Государственные сроки часто срывались, потому что работы велись сезонно (2—3 месяца в году)¹².

Совсем скромные достижения в этот период были в г. Темникове: «Проводится реконструкция хлебозавода, расширяется сеть торговых предприятий. В 1966 г. построен новый продовольственный магазин. Благоустроен городской стадион, проложен водопровод. За счет личных средств горожане построили 9 жилых домов. Будет построено три восьмиквартирных дома (и это в 1967 г.); войдет в строй АТС, будет построен новый магазин. Полным ходом развернется строительство железобетонного моста, а также пущен в эксплуатацию цех радиодеталей, с чем открывается перспектива дальнейшего промышленного роста города»¹³. В середине 60-х гг. XX в. в Темникове были сельское профтехучилище, детская музыкальная школа, ДОСААФ, больница, являвшаяся методическим центром для всего района, библиотека, 19 продовольственных, 5 магазинов промышленных товаров и магазин культтоваров¹⁴. В 1973 г. был разработан генеральный план города на 25—30 лет, «в котором намечается увеличение численности населения до 15 тыс. и нормы обеспечения жилой площадью до 12 м² на одного жителя (сейчас это 7,7 м²). Основной задачей при проектировании было: упорядочение существующей планировки и выбор территорий, необходимых для дальнейшего развития города. Коренной реконструкции подвергнется центральная часть. Новое жилищное строительство предлагается осуществить в основном двухэтажными домами. Таким образом в них будет жить около 75 % всего населения города»¹⁵.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что в 60-х гг. XX в. наблюдались бурный рост и развитие инфраструктуры малых городов Мордовии. Важную роль в этом процессе играло строительство путей сообщения. Города как территориальные точки концентрации людских и материальных ресурсов могли формироваться и развиваться только на основе развития сети путей сообщения. Городской тип поселения невозможен без взаимодействия с окружающей территорией. Чем поселение крупнее, тем большая территория входит в сферу его влияния. Соответственно, темпы роста города связаны с интенсивностью внешних связей, обмена людьми, грузами, информацией. Развитие сети транспортных путей частично является следствием формирования поселенческой структуры, но выступает и градообразующим фактором, особенно в точках высокой интенсивности транс-

портных перемещений, пересечения транспортных путей. Динамика протяженности транспортных путей, изменение соотношения их видов — не только важная характеристика степени развития какого-либо вида транспорта, но и ценная составляющая предполагаемой степени развития региона.

При существенном увеличении (почти в 2,5 раза) протяженности автомобильных дорог в Мордовии их сеть ни по количественным, ни по качественным параметрам не соответствовала необходимому уровню республики, а объемы грузооборота были относительно малы. Между тем именно грузовой автомобильный транспорт является основным средством сообщения, перевозки хозяйственных грузов на малых и средних расстояниях, и его неразвитость означала ограниченность сообщения между городами на районном и областном уровне. Таким образом, неразвитость этого сектора инфраструктуры, с одной стороны, отражала относительно низкую степень интеграции экономики на региональном уровне, с другой — мешала складыванию территориально-производственных комплексов. К тому же интенсивность перевозок грузов автомобильным транспортом была очень низкой.

Относительная неразвитость инфраструктуры являлась фактором, сдерживающим региональную (территориальную), хозяйственную интеграцию и формирование единого народно-хозяйственного комплекса республики. Вместе с тем и экономические проблемы территории, и общегосударственные проблемы экономического развития, прежде всего адекватность научно-технической и технологической базы производства мировому уровню в условиях многочисленных технологических переворотов в 1970-е гг., упиралась в планово-административный механизм управления экономикой с доминирующим отраслевым принципом.

Необходимо отметить, что неповоротливый административный механизм был способен скорее к тиражированию технологически устаревших производств, в том числе путем строительства новых предприятий на старой технологической базе, нежели к гибкому реагированию на ускоряющиеся технологические прорывы и достижения науки и техники. Для территориальной организации общества эта неразвитость инфраструктуры была сдерживающим фактором как на региональном, так и на общегосударственном уровне.

Например, в 1963 г. в местной периодической печати г. Ковылкино поднимались вопросы благоустройства города, а точнее его полного отсутствия: «По наличию луж и колдобин Ковылкино может соперничать не только с городом, но и с захолустной деревней. Лужи под окнами председателя городского Совета, на базарной площади. Не просыхают озера воды и грязи, по которым в ненастную погоду ни проехать, ни пройти. Свет выключают через каждые 30—40 минут. Жители многих улиц испытывают нужду в водоснабжении»¹⁶. Через десятилетие, в связи с развитием промышленности, дополнительно вставали на повестку дня новые проблемы: «Перспектива дальнейшего развития города ставит вопрос о борьбе с загрязнением окружающей среды. Руководители предприятий не принимают должных мер к очистке сточных вод, мирятся с загрязнением атмосферы. Уже сейчас из-за ненормированного пользования питьевой водой предприятиями уровень воды в артскважинах угрожающе низок»¹⁷.

В других городах дела обстояли гораздо хуже. На седьмой сессии горсовета в г. Ардатове от 14 января 1960 г. отмечалось: «Водопровод строят безответственно, нет озеленения. О детях дошкольного возраста заботятся очень мало. Детские ясли № 1 в запущенном состоянии — в санитарном состоянии не пригодны, что приводит к частой заболеваемости у детей»¹⁸. Судить о развитии инфраструктуры города можно и по наказаниям населения от 1965 г.: принять меры по улучшению бытового обслуживания топливом, электрифицировать весь город, организовать работу по укреплению оврагов, решить вопрос с водоснабжением города, отремонтировать баню, газифицировать в первую очередь школы, детские сады и ясли¹⁹.

В 1970 г. на сессии Ардатовского горсовета заведующий городским хозяйством говорил: «Ремонтно-строительные работы проводятся низкого качества. В городе нет специально построенных детских учреждений. Занятия в школах проходят в три смены — это ненормально! Санитарное состояние города неудовлетворительно»²⁰. Депутат М. Г. Гринина дополнила картину: «В детских учреждениях нет настоящего ремонта. На газификацию города выделено 6,8 тыс. рублей — это мизер!»²¹.

По Краснослободску ситуация складывалась следующим образом. IV сессия горсовета 1965 г.: «Состояние электросетей и обеспечение электроэнергией остаются неудовлетворительными. В городе мощность подстанций без промышленных предприятий должна составить 1 340 кВт/ч, а составляет 930 кВт/ч. Ремонт домов производится сезонно. Новые дома строятся без учета подводки водопровода и канализации — это ведь вчерашний день». О требованиях к инфраструктуре города можно судить по наказаниям избирателей: построить автовокзал, кинотеатр, хлебозавод и мельницу; увеличить уличное освещение, строительство жилого фонда; обратить особое внимание на санитарное состояние города; построить тротуары; закончить строительство комбината бытового обслуживания; добиться регулярной очистки тротуаров; построить производственную базу строительного участка; открыть молочную кухню в городе²².

Наказания избирателей, отражающие насущные проблемы, так и не были решены²³.

Если же брать вопросы выполнения заданий по капитальным вложениям, строительным-монтажным работам, жилищному строительству по Волго-Вятскому региону в 60-е гг. XX в., то Мордовия была на последнем месте со средним годовым процентом выполнения 54 % от плана (в Горьковской области — 72 %, Кировской области — 76 %, Марийской АССР — 69 %, Чувашской АССР — 78 %)²⁴.

Таким образом, в 60-е гг. XX в. в малых городах республики происходили бурный рост и развитие инфраструктуры городов: строились предприятия, коммуникации, учреждения соцкультбыта, дороги и тротуары, частично стали газифицироваться микрорайоны. Однако строительство сопровождалось слабой организацией работ, что вело к неустроенности территорий. Это, безусловно, вызывало недовольство у населения. Малый город еще не мог в силу ряда причин (слабое финансирование, нечеткое распределение функций властных структур и т. д.) решать вопросы развития инфраструктуры. Это приводило к тому, что на десятилетия затягивалось решение неотложных вопросов жизнедеятельности городов, с чем не хотели мириться жители этих населенных пунктов в конце 60-х — 70-х гг. XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Хорев Б.С. Городские поселения СССР. М.: Мысль, 1968. С. 1.
- ² См.: Саушкин Ю.Г. Об изучении системы городов Советского Союза // Вестн. МГУ. Сер.: Геогр. 1960. № 1. С. 29—30.
- ³ См.: Минц А.А., Хорев Б.С. Опыт экономико-географической типологии городов // Вопр. географии. М., 1959. Вып. 45. География городских и сел. поселений. С. 72—89.
- ⁴ Там же. С. 79.
- ⁵ Шушпанов В. Ковылкино раздвигает границы // Лен. путь. 1970. 11 дек.
- ⁶ Соченков Е. Город наш родной // Там же. 1963. 19 окт.
- ⁷ Цит. по: Дуденков Н.В. В городе на Мокше // Сов. Мордовия. 1964. 3 янв.
- ⁸ Шушпанов В. Город сегодня и завтра // Лен. путь. 1970. 1 апр.
- ⁹ Его же. Лицо молодого города // Сов. Мордовия. 1974. 26 апр.
- ¹⁰ Его же. Ковылкино раздвигает границы // Лен. путь. 1970. 11 дек.; Ковылкино-75: перспективы развития // Там же. 1975. 21 янв.
- ¹¹ Офицеров И. Новая жизнь старого города // Сов. Мордовия. 1959. 13 сент.
- ¹² Там же.
- ¹³ Бабинков В. Будущее Темникова // Сел. новь. 1967. 1 янв.
- ¹⁴ Темников прежде и теперь // Там же. 1964. 1 мая.
- ¹⁵ Будущее Темникова // Там же. 1973. 23 июня.
- ¹⁶ Соченков Е. Город наш родной // Ленинский путь. 1963. 19 окт.
- ¹⁷ Шушпанов В. Лицо молодого города // Сов. Мордовия. 1974. 26 апр.
- ¹⁸ ЦГА РМ. Ф. 228. Оп. 1. Д. 134. Л. 51—52.
- ¹⁹ Там же. Ф. 289. Оп. 1. Д. 156. Л. 15—18.
- ²⁰ Там же. Д. 194. Л. 26.
- ²¹ Там же. Л. 22.
- ²² Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 215. Л. 22.
- ²³ Там же. Д. 251. Л. 97.
- ²⁴ Там же. Ф. 662. Оп. 29. Д. 44. Л. 40; Д. 66. Л. 56.

Поступила 12.09.2014.

**E. V. Pavlov, O. V. Lazareva. Infrastructure
Development and Territorial Organization of Towns
in a Region in the Second Half of 1960's — mid-1970's**

Identification of the settlement-forming functions of a town is the basis of complex description of urban settling. Different combinations of industrial, organizational and cultural, and transport functions are crucial in this process. Most of the considered towns (Temnikov, Krasnoslobodsk, Ardatov) were local organizing centers, Kovytkino was a town of transitional type (from an industrial and transport center to a local organizing centre). As for

Kovytkino, this is so due to the fact that the town had an advantageous intermediate (in terms of transit transportation center) location between the capital of the Republic of Mordovia and other regions of the Western part of the Republic, which has fuelled its rapid growth and development.

In 1960's, there was rapid growth and development of urban infrastructure in Mordovia's small towns. New roads construction contributed to it. While there was a significant increase (almost by 2.5 times) in the length of roads in Mordovia, they did not meet neither quantitative nor qualitative parameters of the regulatory requirements, and the volume of freight turnover was relatively low. Underdevelopment of this infrastructure sector, on the one hand, reflected the relatively low degree of economic integration at the regional level, on the other hand, it prevented establishment of territorial and production complexes.

Relative underdevelopment of infrastructure was a deterrent to both regional (territorial) economic integration and formation of a unified public economic complex of the Republic. However, economic regional problems and national problems of economic development, above all, adequacy of scientific and technical, and technological base of production to the world level in the circumstances of numerous technological innovations in the 1970's, rested in the planning and administrative mechanism of economy management with the dominant sectoral principle. It is worth mentioning that the clumsy administrative mechanism was able rather to replicate technologically obsolete industries, including through construction of new enterprises on the old technological basis, than to flexibly respond to accelerating technological breakthroughs and achievements of science and technology.

In 1960's, there was rapid growth and development of infrastructure in small towns: enterprises were built as well as communications, cultural institutions, parks, roads and sidewalks, districts partially began to be supplied with gas. However, this construction was accompanied by weak organization of work and by underdeveloped territories. This, naturally, caused complaints of the population. A town, for a number of reasons (poor funding, no clear distribution of functions of the authorities, etc.), still couldn't solve the problems of effective infrastructure development. This led to the fact that solution of urgent town problems was delayed for decades, what the inhabitants of these settlements in the late 1960's — 1970's would not tolerate.

А. С. ПЕЧАТКИН ВИДЫ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Ключевые слова: экология, принцип, правовые принципы, эколого-правовые принципы, закрепленные эколого-правовые принципы, незакрепленные эколого-правовые принципы

Key words: ecology, principle, legal principles, environmental and legal principles, entrenched environmental and legal principles, unsecured environmental and legal principles

В статье исследуется категория «эколого-правовой принцип». Проводится деление эколого-правовых принципов по основанию закрепленности в нормативно-правовых актах с применением социально-философского подхода.

The paper considers the category of “environmental and legal principle”. Division of environmental and legal principles on the basis of their codification in the normative legal acts is carried out using the socio-philosophical approach.

Эколого-правовые принципы стоят в основе регулирования взаимодействия общества и природы. Они отражают исторически сформировавшуюся степень воздействия и уровень регуляции общественных отношений, являются критерием отношения общества к природе. Следует учитывать то, что эколого-правовые принципы реализуются только при должном функционировании в правовой системе и вне ее, т. е. в более широкой области общественных отношений. Принципы, носящие сугубо декларативный характер, не могут полноценно функционировать, они не выполняют функции регуляции общественных отношений. Функциональное предназначение они выполняют только при реализации своих функций, к числу которых следует отнести регулирование, систематизацию, законотворчество, ценностную и воспитательную функции.

ПЕЧАТКИН Александр Сергеевич, аспирант кафедры социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

PECHATKIN Alexander Sergeevich, Postgraduate at the Department of Socio-Economic Disciplines, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

В самом широком смысле эколого-правовой принцип есть основное положение правового регулирования взаимодействия общества и природы. Это определение указывает на самые общие координаты отражения исторически сложившихся правовых отношений в области взаимодействия общества с природной средой. Смысловой формой эколого-правового принципа выступает «положение», т. е. «основная мысль, развиваемое и доказываемое утверждение; тезис»¹, которое может содержаться в тексте законодательного акта, быть сформулировано в научной литературе как выявление сложившихся отношений, свойств, связей правовой действительности, не отраженных в законодательстве.

Следует отметить, что категория «принцип» соотносится с понятием «эколого-правовой принцип» как общая категория с меньшим по объему понятием, обозначающим эколого-правовую область общественной жизни.

В. Н. Сагатовский дает следующее определение: «Принцип (от лат. principium — основа, первоначало) — в онтологии принцип — это такое отношение в организации сущего, от которого зависят все другие отношения. Тем самым принцип — это закон бытия сущего, являющийся основанием других законов его бытия, или релятивная форма сущности»². В данном определении внимание акцентируется на его «основательности», что близко определениям принципа опирающимся на его этимологию, но при этом содержание раскрывается с позиции системного подхода, что способствует более глубокому познанию сущности категории «принцип». Применительно к закрепленным в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» № 7 от 10 октября 2002 г. (далее — Закон) принципам возможно утверждать, что они являются первоначальными, исходными положениями правового регулирования. В качестве примера следует привести закрепленный в законе эколого-правовой принцип «сохранение биологического разнообразия»³, который, отталкиваясь от приведенного определения категории «принцип», следует понимать как исходный по отношению к правовому регулированию взаимодействия общества и природы. Такой подход правомерен, но ограничен и не позволяет отразить всех сторон эколого-правовой системы, которую составляют эколого-правовая культура, эколого-правовое сознание, эколого-правовая реализация и др.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что эколого-правовые принципы не ограничиваются принципами закрепленными в законодательстве, они отражают основные сущностные свойства и отношения эколого-правовой системы как подсистемы отечественной правовой системы. Понятие «правовая система» шире понятия «система права» в его понимании как иерархически соподчиненных правовых норм, образующих правовые отрасли и институты. С. В. Полина отмечает, что понятие «правовая система» «включает всю совокупность правовых феноменов, в том числе право-реализацию, правосознание, правовую культуру и др.»⁴.

Правовая система имеет сложную структуру и содержит систему права, правовую культуру, правовое сознание, правовую реализацию, институционально-организационную структуру. Каждая из них представляет собой особое системное образование правовой действительности с принципами, не сводимыми только к принципам законодательства и права в его нормативистском понимании, но тесно с ними взаимодействующими. Так, З. С. Байниязова пишет: «Правовая система как разновидность социальной системы подчиняется общим принципам и правилам организации систем, но она при этом сохраняет специфические правовые начала своей организации»⁵.

Из правовой системы выделяется эколого-правовая система со своими структурными составляющими: эколого-правовой культурой, эколого-правовым сознанием, эколого-правовой реализацией, эколого-правовой институционально-организационной структурой и др. Применительно к эколого-правовой области исследований социальной философии научный интерес представляет деление эколого-правовых принципов на закрепленные и не закрепленные в законодательстве. Такое деление обусловлено особенностями социально-философского подхода, направленного на выявление общих оснований существования общества во взаимодействии с окружающей природной средой.

К закрепленным эколого-правовым принципам относятся: принципы Конституции Российской Федерации (ст. 9, 42, 58)⁶, международные принципы, принципы Закона (ст. 3), Лесного кодекса (ст. 1), Земельного кодекса (ст. 1) и других нормативно-правовых источников экологического права. Этот вид эколого-правовых принципов направлен на реализацию

в эколого-правовых отношениях, посредством механизма правового регулирования несет в себе правовой элемент обязанности исполнения, в отличие от незакрепленных эколого-правовых принципов, которые отражают сущностные стороны процесса реализации, уровень экологического правосознания. Закрепленные эколого-правовые принципы выполняют ряд функций: регулируемую, систематизирующую, стабилизирующую, правотворческую, ценностную, воспитательную, восполнения пробелов в праве, сопоставляющую.

Незакрепленные эколого-правовые принципы не отражены в законодательстве, но определяют его сущностные основы и интегрируют свойства и отношения составляющих правовой системы: эколого-правовой культуры, эколого-правовой реализации, эколого-правового сознания. К незакрепленным эколого-правовым принципам представляется возможным отнести изложенные Э. В. Гирусовым принципы взаимоотношения общества и природы: принцип естественного равновесия биосферы, оптимальное соответствие общества и окружающей среды, обеспечение приоритета общественного интереса над частным, экологическую чистоту человеческого деятельности, компенсацию меры производимых у природы изъятий и экологическую ответственность⁷. Следует учитывать, что незакрепленные эколого-правовые принципы должны сохранять правовой элемент, т. е. состоять в структуре эколого-правовой системы.

Эколого-правовые принципы несут в себе потенциал развития законодательства, вбирая результаты междисциплинарных исследований системы «общество — природа», уровень правовой культуры и экологической культуры, степень экологизации законодательства и другие комплексы, объединяющие различные отрасли знаний и направленные на гармонизацию взаимоотношений общества и природы.

Виды эколого-правовых принципов взаимосвязаны между собой функциональным назначением и смысловым полем права. Функциональное назначение выражается в реализации функций эколого-правовых принципов (регулятивная, систематизация, правотворчества и др.) в общественных отношениях. Так, незакрепленные эколого-правовые принципы функцию регуляции выполняют опосредованно, в отличие от закрепленных принципов, которые направлены на их

реализацию непосредственно в силу закрепления в законодательном акте. Примером тому может служить принцип сохранения биологического разнообразия, закрепленный в ст. 3 Закона. Его включение законодателем в перечень принципов означает необходимость его реализации, посредством конкретных правореализационных мероприятий. Также следует отметить функцию, заключающуюся в сопоставлении соответствия принципов и экологической обстановки на различных территориально-политических уровнях: международном, национальном, региональном, территориальном.

Ведущая роль в аккумуляции, осмыслении и развитии эколого-правовых принципов принадлежит философскому знанию, которое «включает в себя способ освоения социо-природного окружения людей с целью формирования наиболее благоприятной для всех форм жизни среды, а также соблюдение нравственных принципов, творческое развитие которых связано с поиском норм экофильного поведения, ориентиров взаимного развития общества и природы, с переосмыслением исторического опыта человечества»⁸.

Распределение эколого-правовых принципов по административно-территориальному признаку заключается в определении действительности принципов, их реализации в конкретных правоотношениях, выражающихся в функционирующем правовом механизме, связующем различные уровни регулирования. В данном случае распределение следует понимать как воздействие, оказываемое принципами федерального уровня на региональный, то, каким образом они выполняются на уровне субъекта Федерации и приобретают локальную конкретизацию в виде обобщенных положений, зависимых от локальной системы. Б. Ф. Кевбрин отмечает, что «локальные системы (такowymi являются относительно замкнутые в пространственно-временном масштабе образования) имеют свои определители, иначе критерии продвинутости, развитости, которые можно сравнивать с предшествующими состояниями системы или с другими аналогичными системами»⁹. Знание соотношения структурных составляющих системы между собой и с системой в целом, в качестве которых могут выступать субъекты Федерации и Российская Федерация, позволяет выявить наиболее существенные противоречия во взаимодействии с природной средой и пути их преодоления. Следует учитывать спе-

цифику каждого региона: состояние окружающей среды (отдельные природные компоненты и общую экологическую обстановку в регионе); уровень антропогенной нагрузки, организационно-правовые меры, осуществляемые в регионе. Применительно к Республике Мордовия следует отметить наличие вредных производств и последствия чернобыльской катастрофы. Что касается реализации федеральных эколого-правовых принципов на региональном уровне, то выделим функционирующие на территории Мордовии ФГБУ «Мордовский государственный природный заповедник имени П. Г. Смидовича» и ФГБУ «Национальный парк "Смольный"», которые выступают как воплощение принципа сохранения биологического разнообразия на территории региона.

Такого рода реализация эколого-правового принципа носит характер конкретных мер охраны природы в рамках организационно-правовой компетенции и опосредуется правовым механизмом и рядом других факторов. Региональная составляющая в реализации эколого-правовых принципов является необходимым звеном при осуществлении государственной политики в области охраны окружающей среды. Именно региональный уровень реализации государственной политики показателен при осуществлении правовых и организационных мероприятий в области охраны окружающей среды.

Значение деления эколого-правовых принципов на закрепленные и незакрепленные выражается в необходимости определения соотношения принципов различных уровней по государственно-политическому признаку, компонентам природной среды, юридической силе, положению в структуре правовой системы. Следует учитывать то, что эколого-правовые принципы взаимосвязаны между собой смысловым содержанием права и функциональным назначением. Они сформировались исходя из исторических особенностей их принятия на определенном этапе развития, в качестве основных положений правового регулирования взаимодействия общества и природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 20.07.2014).

² Сагатовский В.Н. Философские категории: авторский словарь. URL: <http://terme.ru/dictionary/1071/word/princip> (дата обращения: 15.04.2014).

³ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 октября 2002 г. № 7. URL: http://www.consultant.ru/popular/okrsred/70_1.html#p125 (дата обращения: 01.07.2014).

⁴ Поленина С.В. Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия // Государство и право. 1996. № 2. С. 4.

⁵ Байниязова З.С. Основные принципы Российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 4.

⁶ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 11.07.2014).

⁷ См.: Гирусов Э.В. Основы социальной экологии. М.: Изд-во РУДН, 1998. 172 с.

⁸ Ежов П.Е., Айзатов Ф.А. Взаимодействие человека и природы как объект изучения в социально-философском знании // Гуманит. науки и образование. 2013. № 1. С. 72.

⁹ Кевбрин Б.Ф. Развитие систем и его критерии // Успехи совр. естествознания. 2004. № 7. С. 75.

Поступила 30.07.2014.

A. S. Pechatkin. Types of Environmental and Legal Principles: a Socio-Philosophical Approach

The paper is devoted to the category of “environmental and legal principle”. Division of environmental and legal principles on the basis of their codification in the normative legal acts is carried out. Two types of environmental and legal principles are singled out: the entrenched and unsecured ones. The paper discusses the specifics of each type of environmental and legal principles. The secured ecological and legal principles are aimed at implementation in environmental and legal relations through the mechanism of legal regulation. They have a legal component of compulsory enforcement unlike the unsecured environmental and legal principles, which reflect the essential part of the implementation process, the level of environmental and legal awareness. The identified types of environmental and legal principles are interrelated through their functional purposes and the conceptual grounds of law.

Importance of the category of “environmental and legal principle” for socio-philosophical study of the environmental and legal system is substantiated. The division into types is caused by the peculiarities of the socio-philosophical approach aimed at identification of common grounds of the existence of society in its interaction with the natural environment. The issue of a functional implementation of environmental and legal principles at the regional level is considered. Implementation of the principle of conservation of biological diversity is exemplified by functioning of the “Smidovich Mordovian State Nature Reserve” and “Smolny” National Park in the Republic of Mordovia.

В. И. ДЁМИН ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДОВ ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: литература, букварная литература, литература христианского просвещения, перевод, образец книжной культуры, образец народной словесности, творчество

Key words: literature, children's primer literature, literature of Christian education, translation, sample of book culture, folklore pattern, creativity

В статье исследуются первые книжные памятники «младописьменных» народов Поволжья и Приуралья, в том числе финно-угорских, которые явились основой начала функционирования письменно-литературных языков данных народов, становления и развития их профессионального литературного процесса. Проводятся сравнительно-типологические параллели.

The paper examines the first book artifacts of the peoples of the Volga and Ural regions which obtained written language not so long ago, including the Finno-Ugric ones, which became the basis of the commencement of operation of the written literary languages of these peoples, and of establishment and development of their professional literary process. Comparative typological parallels are drawn.

Долгое время считалось, что мордва, как и многие другие народы России, до октября 1917 г. была бесписьменной, своей печати и художественной литературы не имела. К сожалению, эта точка зрения есть до сих пор. Однако проведенные исследования свидетельствуют о почти 300-летней истории мордовских письменно-литературных языков и на этой основе образцов книжной культуры. По некоторым подсчетам, до 1917 г. созданы более ста таких литературных памятников. Авторами большинства из них были преподаватели и учащиеся Казанской инородческой учительской семинарии. Одни работы имели духовно-светскую и миссионерскую направленность, другие — просветительскую. Кроме того, мордовские материалы разного объема и содержания были опубликованы в десятках изданий, выпущенных в свет

ДЁМИН Василий Иванович, профессор кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета, доктор филологических наук.

DEMİN Vasily Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Finno-Ugric Literatures, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

на русском и западноевропейских языках. Они явились отправной точкой формирования мордовской письменной литературы, началом ее истории и специфической формой зарождения. До этого единственной формой национальной художественной словесности, основным средством выражения мировоззренческих, этико-эстетических, художественных представлений об окружающем мире являлся фольклор.

Появление первых произведений духовно-светского содержания, авторство которых пока еще не установлено, относится ко второй половине XVIII в. По жанровым признакам они восходят к русской панегирической и агиографической литературе XVII — первой половины XVIII в. Это были разного рода «стихи», «стихи в прозе», «речи», канты, предназначенные для чтения во время встреч с высокопоставленными лицами или по случаю каких-либо торжественных мероприятий. Их объединяют светская содержательность и религиозно-христианская направленность.

Одними из первых литературных памятников такого рода были сочинения, опубликованные в коллективных сборниках «Речи на мордовском и чувашском языках, на русском стихи и канты» (1767), «Духовная церемония, проводившаяся во время присутствия... Екатерины Второй в Казани» (1769), «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества» (1781). Однако эти сочинения нельзя считать полновесными художественными произведениями. С историко-литературной точки зрения они представляют ценность как первые попытки индивидуального собственно-литературного творчества на национальных (эрзянском и мокшанском) языках. Они стали свидетельством того, что на этих языках возможно не только устное, но и письменное сочинительство.

Важным источником формирования и функционирования мордовской письменной литературы была также так называемая переводная литература христианского просвещения, вызванная к жизни затянувшейся христианизацией мордовского народа, которая проводилась, как правило, русскими священнослужителями на русском языке. Это были переводы с русского языка Библии и другой религиозной литературы, а также разного рода мордовско-русские словари, буквари на мокшанском и эрзянском языке, которые, наряду с

изложением грамматических правил, содержали библейские притчи и богослужебные материалы. Большая часть эрзян и мокшан, плохо владевшая русским языком, с трудом воспринимала суть православного учения, что потребовало открытия учебных заведений с преподаванием на мордовских языках, подготовки необходимых кадров и литературы.

В первую очередь именно для достижения обозначенных целей в 1872 г. в Казани для приобщения народов Поволжья и Приуралья к грамоте, а через нее и к христианству была открыта инородческая учительская семинария, которую возглавил известный русский востоковед, член-корреспондент Российской академии наук Н. И. Ильминский (1822—1891). Это было закрытое учебное заведение на 240 чел. «пополам из русских и инородцев главнейших племен: мордвы, черемис, чуваш, вотяков и крещеных татар». В основу его деятельности был положен циркуляр Совета министров народного просвещения от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в котором указывалось, что «орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть народное наречие его; учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев и притом хорошо знающие не только свой, но и русский язык, или же русские, владеющие соответственно инородческим наречием¹. Кроме специальных предметов, семинаристы изучали христианскую литературу, приобщались к разным промыслам, необходимым в жизни, переводили на родные языки произведения, представляемые Переводческой комиссией Братства св. Гурия, которое было организовано в 1867 г. при Казанском православном миссионерском обществе. Сама же Переводческая комиссия, которую возглавлял Н. И. Ильминский, стала функционировать при братстве, имевшем свою типографию, в 1876 году.

С этого времени началось регулярное издание литературы на мордовских языках, особенно христианского просвещения. До этого же отдельные экземпляры такой литературы увидели свет в типографиях Москвы и Санкт-Петербурга. Первый из них вышел в Петербурге в 1804 г. под названием «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу мордвы на их природный язык...». Здесь же были выпущены первые мордовские словари. Всего Переводческой комиссией Братства св. Гурия за более чем сорокалетнюю ее историю было

подготовлено и издано на мокша-мордовском и эрзянском языке более 20 книг. Тираж каждого из этих изданий составлял от 1 000 до 2 000 экз. Кроме богослужебных книг, были различные образцы мордовской народной словесности.

Необходимо отметить, что, как и у других нерусских народов Поволжья, мордовская литература периода христианского просвещения не выделялась из общей совокупности подобных работ, носивших в основном прикладной (церковно-служебный) характер. Однако рассматривать значение этого вида литературы только в рамках ее религиозной предназначенности было бы неправомерно, так как она способствовала общему росту культуры и образования мокши и эрзи. Во-первых, с ней связано начало книгоиздательского дела на родном языке. Во-вторых, эта литература послужила первоначальной стадией формирования и выработки письменно-литературных норм мордовских языков. В-третьих, она явилась определенным фактором взаимодействия национальных литератур и культур народов Поволжья в подготовке кадров национальной интеллигенции. И наконец, издание такого богатого книжного материала потребовало параллельного обучения грамоте на родных языках, выпуска для этого необходимых учебных пособий, букварей.

Начало этому процессу в истории культуры мордовского народа положено Переводческой комиссией общества св. Гурия в 1884 г. изданием букваря на эрзя-мордовском языке, подготовленного А. Ф. Юртовым на основе русской графики. Полное название издания — «Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки». В 1892 г. на его основе вышли буквари для эрзи и мокши, подготовленные М. Е. Евсевьевым.

А. Ф. Юртов родился 8(20) февраля 1854 г. в д. Калейкино Акташской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Альметьевский район Республики Татарстан) в многодетной семье государственных крестьян. Несмотря на это, он получил возможность поступления на учебу в Казанскую крещено-татарскую школу. Здесь он обратил на себя внимание Н. И. Ильминского. В дальнейшем их на многие годы связали узы дружбы и сотрудничества. Это подтверждают их письма друг другу, хранящиеся в архивах Казани.

Жизнь А. Ф. Юртова была посвящена служению родному народу, росту его культуры и образования. Именно в этих целях им по поручению Н. И. Ильминского и при покровительстве Переводческой комиссии Братства св. Гурия был переведен на родной язык ряд книг для духовного чтения, составлены и выпущены такие значительные труды, как «Образцы мордовской народной словесности» в двух томах: «Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии» (1882), «Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом» (1883) и, конечно, первый мордовский букварь, с которого началось обучение эрзянских и мокшанских детей грамоте, литературному творчеству. При его построении автор проявил высокий уровень лингводидактических и методических знаний, учитывая особенности родного языка.

Букварь состоит из основного текста, образцов мордовской народной словесности и нескольких молитв на эрзянском языке.

Изучаемые буквы расставлены в соответствии с дидактическими требованиями последовательности, исходя из того, как часто встречаются они в эрзянских словах друг с другом: *а, л, к, о, с, р, т, у, н, ы, п, ш, м, д, в, з, ч, г, б, ж, ф, ѓ, э, ь, и, я, е, е, ю, й, ц, ь, і, х*. Даны примеры с ними. Имеются даже попытки составления предложений. Например, в первой части представлены слова и словосочетания с буквами *А, а; Л, л; К, к; Ъ: Алъ (Яйцо). Калъ (Рыба). Кака (Дитя. Дитятко). Лакакъ (Кипи. Закипай). Алка (Низко). Алъ лакак (Яйцо, кипи). Калъ лакак (Рыба, кипи).*

Вторая часть представляет примеры с буквой *о*: *Ало (Внизу). Колъ (Кол). Олакъ (Линяй). Колакъ (Разбивай). Колама (Разбить). Колка (Холка) и т. д.* Третья часть знакомит с буквой *с*: *Сал (Соль). Сакъ (Приходи). Сака (Приходи-ка). Косо (Где). Сока (Соха). Сакало (Борода). Алксъ (Низ. Основание. Фундамент). Скаль (Корова). Сокакъ (Паша). Солакъ (Растаивай). Сасакъ (Догоняй) и т. д.* Многие из этих слов сохранили свое правописание до настоящего времени.

С буквы *р* автор дополняет примеры из родного языка русскими словами и словосочетаниями, еще через несколько букв эрзянские предложения даны с параллельными переводами на русском, а потом наоборот: вначале идет предложение на русском языке, за ним — эрзянский перевод.

Образцы народной словесности представлены песнями «Ракша ды Сокол» («Конь и Сокол») и «Васюта» с переводом на русский язык. Здесь же автор призывает детей любить книгу как источник знаний: «Кодамо вадря кунсоломс превей ломаненть валонзо, истят вадрят паро книганть валонзояк. Паро ломаненть вакссо свал а улят, книгась свал вакссот» («Как хорошо слушать слова умного человека, так хорошо читать и слова хорошей книги. Рядом с хорошим человеком постоянно не будешь, хорошая книга всегда с тобой»); «Вадря книгасонтъ валтнэ медте ламбамот, — кортыть сыре ломантне. — Мезе кармить содамо книгасто, се ойме потс сови, а стувтсак» («В хорошей книге слова слаще меда, — говорят старые люди. — Что узнал из книги, то в глубину души войдет, не забудется»).

Необходимо отметить, что аналогичное положение вещей наблюдалось в «букварной литературе» народов Поволжья в целом. В нее включались бытовавшие в народной среде анекдоты, притчи, сказки, произведения паремического творчества (поговорки, пословицы, загадки и т. д.), которые были средством утверждения нравственных норм поведения и пропаганды пользы просвещения. Важное место в букварях занимали также переводы сказок, басен, небольших рассказов и др. с русского и некоторых европейских языков. Они создавались как специально для букварей, так и автономно от них, и, что особенно важно, с достаточной интенсивностью. Так, до 1917 г. на чувашском языке издано 678 книг. На марийском языке до образования Переводческой комиссии было выпущено всего несколько переводных текстов. С 1872 по 1875 г. их количество увеличилось до 15. Работу комиссии на удмуртском языке в первое время задерживало отсутствие в Казанской учительской семинарии учащихся из удмуртов. В дальнейшем, с 1874 по 1912 г., на языке этого народа было выпущено более 100 книг. Переводы на хантыйский язык делал Н. П. Григоровский, который по поручению Н. И. Ильминского подготовил несколько переводов при содействии учащихся из ханты.

Значение этих переводов, нередко представлявших по существу новые произведения, как и образцов народной словесности, велико для начала функционирования письменности, которая в последующем неуклонно прокладывала дорогу литературе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Машанов М. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867—1892). Казань, 1892. С. 58—89.

Поступила 06.05.2014.

V. I. Demin. The First Written Artifacts of the Volga Region Peoples

General analytical view at the history of literatures of the peoples of the Volga and Ural regions that obtained written language relatively not long ago, including the Finno-Ugric ones, shows that they have accumulated considerable artistic and aesthetic values; they possess a variety of genre and thematic, stylistic trends. Their accumulation accompanied all the way of development of the ethnic fiction literature, rooted in the deep strata of life of ethnic groups, in their folklore treasury, which was the only medium of expression of artistic talent of these peoples and of improvement of their languages prior to the first written artifacts.

At first, these artifacts were based on the Russian alphabet. It was due to the need to strengthen the Christianization of the Volga peoples. This required preparation and publication of the necessary literature in the languages of these peoples because most of them hardly perceived the essence of the Orthodox teaching in the Russian language at that time. Therefore, it was necessary to learn reading and writing and to present religious dogmas in their native languages. For the peoples of the Volga and Ural regions, such literature, called the literature of Christian education, was the translations of the Bible and other religious books from Russian, as well as dictionaries, alphabet books in their native languages, which, apart from presenting grammar rules contained biblical parables and various liturgical materials. They were the initial stage of formation and development of written literary norms of these languages.

In the second half of the 18th century, another kind of book literature of the above mentioned peoples manifested itself – the literature of spiritual and secular content, intended for greeting high-ranking officials or for public recitation on the occasion of any special event. It is valuable as a first attempt of individual, proper literary creativity in the languages of the peoples that obtained written language relatively not long ago. At the turn of the 19th and 20th centuries, some of them, including the Mordvin people, had a transition in their literature from the folk art stage to that of literary art. This process is associated with inclusion of literate people from rural areas, who were attempting to write poetry and prose in their native languages and in Russian. Their artistic heritage is an integral part of the pre-revolutionary literary process of the Finno-Ugric and other peoples of the region.